

№ 7

Литературный Азербайджан

ИЗДАЁТСЯ
с 1931 года

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ
УЧРЕДИТЕЛЬ - СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ
АЗЕРБАЙДЖАНА

СОДЕРЖАНИЕ:

ПРОЗА

Гусейнбала МИРАЛАМОВ. <i>Завещание. Пьеса</i>	3
Таир АЛИ. <i>Мирза Халил и Человек Дождя. Повесть</i>	41
Мубариз ОREN. <i>Рассказы</i>	91
Инна АМНУЭЛЬ. <i>Рассказы</i>	115
Ефим АБРАМОВ. <i>Рассказы</i>	120

ПОЭЗИЯ

Кёнуль АРИФ. <i>Стихи</i>	83
Ольга РОГАЧЕВА. <i>Стихи</i>	108
Сиявуш МАМЕДЗАДЕ. <i>Стихи</i>	132

ПУБЛИЦИСТИКА

2017

Гусейн АДЫГЕЗАЛОВ. <i>Новаторская поэзия М.П.Вагифа</i>	76
Леонид ЗАЦ. <i>По городам и весям</i>	126

Главный редактор	– Солмаз ИБРАГИМОВА
Зам.главного редактора	– Елизавета КАСУМОВА
Ответственный секретарь	– Эльдар ШАРИФОВ-СЕЙШЕЛЬСКИЙ
Отдел прозы	– Надир АГАСИЕВ
Отдел поэзии	– Алина ТАЛЫБОВА
Отдел публицистики	– Ровшэн КАФАРОВ
Отдел подписки и рекламы	– Джамия ШАРИФОВА тел: (055) 846-98-49
Литсотрудники	– Ниджат МАМЕДОВ, Егана МУСТАФАЕВА, Натаван ХАЛИЛОВА
Компьютерная верстка	– Натаван ХАЛИЛОВА
Корректор	– Анна КУЗЁМКИНА
Редакционная коллегия:	<i>Почетный аксакал «Л.А.» Сияуш МАМЕДЗАДЕ, Кямаля АГАЕВА, Эльмира АХУНДОВА, Агиль ГАДЖИЕВ, Асиф ГАДЖИЕВ, Шелаля ГАСАНЛИ, Александр ГРИЧ (Лос-Анджелес, США), Динара КАРАКМАЗЛИ, Азер МУСТАФАЗАДЕ, Эльчин ШЫХЛЫ</i>
Литконсультант	– Натиг РАСУЛЗАДЕ

Журнал зарегистрирован 19.04.96 г. в Министерстве
печати и информации Азербайджанской Республики
Регистр. № 352

Адрес редакции:

AZ 1000, Баку, ул.Хагани, 53

Электронный адрес: litaz1931@gmail.com

Тел: 493-86-04

Сдано в печать 22.06.2017г.

Бумага офсетная. Формат 70x100 1/16

Печать офсетная, 8.25 печ. л.

Тираж 400

Отпечатано в типографии «OL»НКРТ ММС

Тел.: 497-36-23

Адрес: ул. Мирзы Ибрагимова, 43

ПРИ ПЕРЕПЕЧАТКАХ ССЫЛКА НА ЖУРНАЛ ОБЯЗАТЕЛЬНА

***Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов.
Ранее опубликованные произведения редакцией
не рассматриваются.***

Во всех случаях полиграфического брака в экземплярах журнала
обращаться в типографию «OL»НКРТ ММС

© «Литературный Азербайджан», 2017 г.

ГУСЕЙНБАЛА МИРАЛАМОВ

ЗАВЕЩАНИЕ

Черная комедия в двух действиях

Перевод Ниджата МАМЕДОВА

Действующие лица:

ДЭВРАН – миллионер
РЁЙЯ – его жена
БАЙРАМ – брат ДЭВРАНА
ЗОХРА – жена БАЙРАМА
ДЖЕЙРАН – сестра ДЭВРАНА
ПИРИМ – муж ДЖЕЙРАН
САМИР – внучатый племянник ДЭВРАНА
ЭЛЬМАН – близкий друг ДЭВРАНА
ДЕЛИСАЙ – филиппинка, домашняя прислуга
ТИМУР – стилист РЁЙИ, экстравагантно одетый молодой человек

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Роскошный, широкий зал с изысканным интерьером. С обеих сторон на второй ярус ведут лестницы с инкрустированными перилами. С потолка свисает огромная люстра, изготовленная по современному дизайну. Всё вокруг говорит о богатстве, достатке и отменном вкусе. Посреди зала большой стол для приемов. На белоснежной скатерти красивая сервировка: дорогие фужеры, тарелки, сверкающие ножи и вилки... Одета горничной Делисай занимается сервировкой. Она то и дело входит и выходит, приносит одно, уносит другое. Происходящее на сцене не имеет к ней ровно никакого отношения. Кроме своих обязанностей, она ко всему равнодушна. На втором ярусе показывается Рёйя. В сопровождении Тимура она спускается по лестнице с аристократической грацией и при этом продолжает говорить. Чувствуется, что она наслаждается своей красотой, речью, тембром голоса, одним словом, всем своим существом.

РЁЙЯ. Тимур-бей, лишь с вами я не устаю и не скучаю! Прежние стилисты были мне не по душе, мучили меня всю.

ТИМУР. Да разве они стилисты, Рёйя-ханым? Они обыкновенные брадобреи... (саркастично) парикмахеры! Не сочтите за сплетни, каждый проходимец раздобыл себе якобы сертификат, повесил на грудь железяку типа медали и назвался стилистом. Не хочется о них говорить, Рёйя-ханым, у меня и так завистников хватает.

РЁЙЯ (одобрительно). Да-да, Тимур-бей, не будем, таким благородным людям, как мы, не к лицу пересуды. (Останавливается посреди зала и оглядывает Тимура

величественным взором.) Лучше скажите-ка, эта прическа мне подходит или нет?

ТИМУР (*изумленно*). Не то слово, Рёйя-ханым, вы смотрите величественно, я не могу отвести от вас глаз... Ах, сами увидите, как все мужчины падут у ваших ног...

РЁЙЯ (*кокетливо*). Тимур-бей, прошу, будьте осторожны в словах... Ведь я замужняя женщина...

ТИМУР. Ах, Рёйя-ханым, как ни крути, всё настолько условно, что... Уверю, всё понарошку, будто в театре.

РЁЙЯ (*удивленно*). При чем тут театр?

ТИМУР (*радостно*). Я ведь окончил режиссуру, Рёйя-ханым.

РЁЙЯ. Вот оно что...

ТИМУР. Да-да, потому порой воспринимаю жизнь как театральную сцену, а события как спектакль неопределенного жанра.

РЁЙЯ. Вот как? А я-то думаю-гадаю, откуда эти театральные жесты, тонкие манеры?! Взять хоть вот эту прическу, этот сложный силуэт! Самый настоящий театр!..

ТИМУР. Ваши нежные и шелковистые волосы так мягко и легко ложатся на расческу, что можно получить любой силуэт.

РЁЙЯ. Ах, Тимурчик, это всё пустяки, видал бы ты меня прежнюю... У меня были такие волосы – одно загляденье!.. (*Проводит рукой по волосам и вздыхает.*)

ТИМУР. Рёйя-ханым, о чем вы сожалеете? Самые роскошные женщины нашего города завидуют красоте ваших волос...

РЁЙЯ. Не могу забыть свое прошлое... Пережитое... увиденное... никак не стереть из сердца и памяти. Как вспомню – так сердце заночует... готова расплакаться... выбиваюсь из сил... Ах... становится легче только при мыслях о нашей семье.

ТИМУР. Рёйя-ханым, не беспокойтесь, мне вы можете открыться...

РЁЙЯ (*тоскливо*). Тимурчик, как же тогда я была счастлива, как беззаботно жила! Мне так не хватает тех дней... Отец был знаменитым ученым, мать – известным врачом. Но это счастье длилось совсем недолго...

ТИМУР (*изумленно*). Что же случилось потом? Что же стряслось?

РЁЙЯ. Родители мои были знатного племени-рода. Представь, у порога такой вот семьи объявился парень по имени Фархад из горной деревушки просить моей руки. Бедный деревенский парень без ощутимых перспектив на будущее...

ТИМУР (*перебивает ее*). Фархад? Рёйя-ханым, кто такой этот Фархад?

РЁЙЯ (*жеманно*). Неужели он так тебя заинтересовал?

ТИМУР. Конечно, Рёйя-ханым. Меня интересует всё, что с вами связано.

РЁЙЯ. Тимур-бей, ты знаешь, что Дэвран-муаллим – мой второй по счету муж?

ТИМУР (*жеманно удивляясь*). О, боже!.. Что вы говорите?..

РЁЙЯ. Да, именно... Немногим это известно, Тимурчик... В прежние годы я прожила с Фархадом пламенную, невообразимую любовь... Незабываемую любовь.

ТИМУР. Я в шоке, Рёйя-ханым!

РЁЙЯ. Поверь, Тимурчик... В этом простом деревенском парне имела такая статья, такая притягательность и величие... Невозможно описать словами. Господи, больше ни в ком я не видела подобной харизмы. Я влюбилась в него без остатка! Влюбленность женщины – совершенно иной мир, Тимур-бей, тебе этого не знать.

ТИМУР. А ваши родители? Как они отнеслись к вашему увлечению?

РЁЙЯ (*с сожалением*). Родители... Не сыпь мне соль на рану... Они даже имени Фархада слышать не желали.

ТИМУР. О Боже! Рёйя-ханым, почему же родители не уважают чувств своих

детей?.. К тому же такой дочери, как вы, элегантной, красивой...

РЭЙЯ. Мы знатного племени и роду, говорили они. Этот деревенщина нам не ровня. Ты не сможешь стать с ним счастливой. Они хотели выдать меня за Дэврана, который еще с тех пор ходил за мной по пятам, продоху не давал.

ТИМУР. Но, насколько я знаю, Дэвран-муаллим тоже не из столицы? А вдобавок еще и намного старше вас...

РЭЙЯ. Верно. Но родители твердили, что Дэвран предприимчивый, многое повидал на своем веку, хорошо зарабатывает и в придачу любит тебя. А его возраст – дополнительный плюс, значит, есть жизненный опыт... Я сказала: «Мама, меня с Фархадом не разлучит сама судьба! Я выйду за того, кого люблю, папа!». И вышла!..

ТИМУР (*изумленно*). А как же они – ваши родители, что они сделали?

РЭЙЯ. Что сделали? Даже не поверишь, они отвернулись от меня, от единственной дочери.

ТИМУР. Боже, что я слышу? Рэйя-ханым, ведь это настоящая жестокость по отношению к вам! А Дэвран-муаллим? Он тоже от вас отвернулся? Или женился...

РЭЙЯ. Что ты говоришь?! Дэвран не из тех, кто терпит поражения. Когда мы познакомились, он уже расстался с семьей... Говорил, что ни за что и никогда от меня не отступится! Что, в конце концов, я буду принадлежать ему... Что пройдет совсем немного времени, и я сама прибегу к нему с со слезами раскаяния...

ТИМУР. Господи, это ж настоящий сериал! А потом?

РЭЙЯ. Большинство сериалов – плод фантазии, Тимур-бей. А моя история – подлинная жизнь!

ТИМУР (*с интересом*). А дальше?

РЭЙЯ. Я ни о чем не сожалела, так как была безгранично счастлива. И потом – в ту пору что бедные, что богатые – все жили примерно одинаково. Правда, мы с Фархадом снимали квартиру, своего жилья не имелось. Моя стипендия отличницы, его зарплата... Днем он учился, а вечером подрабатывал где-то чернорабочим.

ТИМУР (*перебивает ее*). Где он работал?

РЭЙЯ. Он не рассказывал мне в деталях, где и кем работает... В общем, речь не о том, мы благодарили Бога за каждый сладкий кусок честно заработанного хлеба. Главное, мы были счастливы. Любили жизнь, жизнь нам была в радость... Мы радовались каждому дню... От всего сердца...

ТИМУР. Рэйя-ханым, чем же закончилась эта история великой любви? Что произошло, кто встрял в ваши отношения? Почему вы расстались?

РЭЙЯ. Мы не расставались.

ТИМУР. В таком случае...

РЭЙЯ (*со слезами в голосе*). Нас разлучили!..

ТИМУР (*удивленно*). О Господи!.. Как так разлучили?

РЭЙЯ. Однажды ночью он не вернулся домой. Ничего плохого я не подумала, так как ему иногда приходилось оставаться на работе на ночь. Не пришел он и на следующий день, и еще через день... (*Утирает рукой набежавшие слезы.*) А потом... Фархад просто взял и исчез, с концами... Будто и не было вовсе такого человека. Никто мне на помощь не пришел, ни милиция, ни прокуратура!.. Куда бы я ни обращалась, никаких сведений о Фархаде мне найти не удалось. Чего только я не натерпелась... Ушла в депрессию... Несколько раз пыталась покончить с собой... не вышло. Наконец, за мной пришла мама и забрала с собой. Спустя пару месяцев скончался бедный папа. И вот именно тогда снова объявился Дэвран-муаллим. Он то и дело бегал за мной,

умолял, надавал обещаний... А потом... Женщина – существо слабое, мой друг!

ТИМУР *(с интересом)*. Вы смогли его полюбить?

РЁЙЯ. Кого?

ТИМУР. Дэвран-муаллима.

РЁЙЯ *(с печальной интонацией)*. Человек испытывает настоящую любовь лишь раз в жизни, друг мой... После Фархада мне уже было безразлично... Я не смогла бы полюбить истинной любовью ни Дэврана, ни кого-либо еще. Двери моего сердца хлопнулись навстречу любви. *(Приближается к столу.)* Вот такие дела, Тимур-бей...

ТИМУР. Ах-х-х... Жестокая жизнь, как можно было учинить всё это с такой женщиной, как вы?

РЁЙЯ. Дааа... Судьба и люди жестоки, Тимур-бей... Жестоки... *(пауза)* Закруглимся. Скоро должны прийти гости, посмотрим, как накрыт стол, глянем, как справилась эта молчаливая филиппинка.

ТИМУР *(заинтригованно)*. Рёйя-ханым, хочу спросить еще одно...

РЁЙЯ *(перебивает и продолжает в совершенно ином тоне)*. Тимурчик, я же сказала, разговор окончен! Твоя миссия подошла к концу. Пока, до следующей встречи...

ТИМУР. Рёйя-ханым, прошу, раскройте еще один секрет...

РЁЙЯ *(задыхаясь)*. Покороче...

ТИМУР. Почему ваша прислуга – филиппинка?

РЁЙЯ *(с иронической улыбкой)*. Чтобы не понимать того, что при ней говорится... Я не обязана всё для тебя раскладывать по полочкам... Давай до свидания.

ТИМУР. Пардон! *(Торопливо откланивается и уходит.)*

Входит Делисай с непрерывно звонящим мобильным телефоном в руке. Девушка протягивает телефон Рёйе, откланивается и спешно уходит.

РЁЙЯ. Ал-ло! Слушаю! *(Вслушивается в телефон. Постепенно выходит из себя. Отвечает в бешенстве.)* Что ты сказал?.. Рехнулся, что ли?.. Я не могу просить у Дэврана денег, тем более такую огромную сумму! Я же тебе сто раз говорила, не берись за дело, с которым не в силах справиться! *(Жестко.)* Что ты хочешь сказать?.. Самир, я тебя не понимаю, не делай так, чтобы я передумала. Самир... Самир... Ты должен прийти, конечно, должен. Сам ведь знаешь, что приглашен... Нет, наш дом – не место для подобных разговоров... Хватит перебарщивать, у людей глаза не на затылке. *(Замечает, как входят Джейран с Пиримом.)* Ладно, тут пришли, потом поговорим... всё!

ДЖЕЙРАН. Здравствуй, о прекрасная супруга моего несравненного брата! *(Обнимает и расцеловывает Рёйю.)* Пирим, сыскать ли во всём Баку такую прекрасную, статную женщину?

ПИРИМ. Джейран-ханым, не задавай мне сложных вопросов!

РЁЙЯ *(вырывается из ее объятий)*. Да и такую любящую, добрую золовку, как ты, не сыскать.

ДЖЕЙРАН. Ради Дэврана, правду говоришь или шутишь?

РЁЙЯ. Ты что, сомневаешься?

ДЖЕЙРАН. А что мне сомневаться, ничего подобного. Переверни весь город вверх дном – такую, как я, золовку не отыщешь! А, Пирим?

ПИРИМ. Джейран, не спрашивай у меня того, чего я не знаю!

ДЖЕЙРАН. Да что ты знаешь, кроме того, как охотиться, старец Пирим ?

ПИРИМ *(обращается к Рёйе, чтобы сменить тему)*. Рёйя-ханым, почему Дэвран-

муаллим не захотел отмечать свой юбилей в одном из ресторанов? Слава Богу, у него всего в досталь...

ДЖЕЙРАН. Да и я собиралась спросить о том же. Что за дело? Нельзя было бы собраться в нашем собственном ресторане, мир, что ли, рухнул бы?..

РЁЙЯ. Думаете, Дэвран во всём мне отчитывается? Или советуется, что, как и когда собирается сделать?

ДЖЕЙРАН. А с кем же он делится? С кем он советуется?

РЁЙЯ. Я уже сказала: ничего я не знаю.

ПИРИМ (*жадно оглядывает накрытый стол*). Рёйя-ханым, шурин крепко-накрепко наказал, чтобы здесь собрались все. Значит, сегодня мы хорошенько тяпнем. Если даже родной отец помер бы – я всё равно пришел бы...

ДЖЕЙРАН (*презрительно тыча в Пирима*). Пирим, твой отец важнее или день рождения Дэврана? Разве не мой брат обеспечил всех нас куском хлеба? Да дарует ему Аллах наследника! (*Обращаясь к Рёйе*.) А где же сам мой брат, Рёйя, милочка?

РЁЙЯ. Вот-вот должен прийти. Присаживайтесь поудобней. (*Покидает гостей*.)

ДЖЕЙРАН (*ей вслед*). Ну и ну! Ведет себя, как принцесса! Ничего себе манеры.

ПИРИМ (*с жесткими нотками в голосе*). Стой смирно, держи язык за зубами, женщина! Хватит колкостей!

ДЖЕЙРАН. А что я такого сказала, Пирим? Воды в рот набрать?! Так и вертелось на языке – вот я и сказала.

Входит Делисай с полным подносом и расставляет блюда. Джейран с Пиримом заинтригованно за ней наблюдают.

ПИРИМ. Болею я за эту девчонку, порхает, как жаворонок!

ДЖЕЙРАН. Девчонку?! Нет – малышку! Как жаворонок?! Еще бы, как турач! Эй, она постарше меня, лет пятьдесят точно. Говорят, все филиппинки такие мелкие.

ПИРИМ. Да ладно тебе, не перебарщивай! Куда там пятьдесят. Ты...

ДЖЕЙРАН (*перебивает*). Клянусь могилой отца. Сама слышала от Рёйи-ханым.

ПИРИМ. Чертовка, мало того, что словом не обмолвится, так даже не пикнет.

ДЖЕЙРАН. А если пикнет – разберешь, что говорит?

ПИРИМ. Ну, хотя бы здороваается пусть.

ДЖЕЙРАН. Кажется, в их стране это не принято.

ПИРИМ. Да кто ж такое говорит?

ДЖЕЙРАН. Я говорю!

ПИРИМ (*склабится*). Говорят, в домашних делах, в наведении чистоты им цены нет. Да и рот всегда на замке.

ДЖЕЙРАН. А ты-то откуда знаешь?

ПИРИМ. Да большинство нашеньких набирает прислугу из их числа. Как только приведут домой – отбирают паспорт и прячут за семью замками. Вот они и не могут выбраться из дому. Возвращают паспорта, лишь когда выйдет срок контракта. Только и делают, что пашут с утра до ночи, без усталости, как муравьи.

ДЖЕЙРАН. Говори, Пирим, говори, да не заговаривайся. Тебе только филиппинки не хватало! Смотри, не подавись. Ну и ну, седина в бороду – бес в ребро!

ПИРИМ. Да разве не ты сама целыми днями перемываешь косточки нашей Гюле? Не надоела она еще тебе? Мне вот тоже надоела!

ДЖЕЙРАН. Тебе-то, может, надоела, а мне вот нет.

ПИРИМ. Ну и чего тогда злишься? Я ж не во вред тебе говорю.

ДЖЕЙРАН. Пирим, хватит прикидываться, ты с Гюлей шашни крутишь, я тебе еще задам, ей-богу! Молчу, не кричу – это не значит, что не знаю, не замечаю, ты у меня на счетчике. Когда надо будет – задам тебе трепку, все карты твои раскрою... Вот увидишь тогда, какова я на деле.

ПИРИМ. Ты с ума сошла, Джейран?

ДЖЕЙРАН. Пусть сойдет с ума твоя сестра-мымра, старая дева, Пирим!

ПИРИМ *(еле-еле удерживается со смеху)*. Хватит орать, нас услышат.

ДЖЕЙРАН. К черту! Пусть слышат.

Входят Байрам с Зохраной. Зохрана в хиджабе.

БАЙРАМ. Раз слышен шум да гам, знайте, сестра моя там.

ДЖЕЙРАН. Вай, Байрам, ты, что ли?!

БАЙРАМ. Не узнала брата родного?

ДЖЕЙРАН. Братец, как же так, не узнать? Что ж по имени-то не зовешь?

БАЙРАМ. По имени? А как тебя звать?

ДЖЕЙРАН. Шельмец ты эдакий, разве у тебя целая дюжина сестер, чтоб имени не вспомнить?

БАЙРАМ. Насколько помню, зовут тебя Джейран, Джейран, которую отловил охотник Пирим...

ДЖЕЙРАН. Да уж, отловил и откормил, напоил!

БАЙРАМ. Не жалуйся, сестра, все знают, что Пирим – хороший охотник, промаху не даст.

ДЖЕЙРАН. Хватит баламутить! Чего не звонишь, не заходишь, не справляешься, как я, жива ли, здорова? Дай Бог тебе здоровья, я уже и забыла, как ты выглядишь.

БАЙРАМ. С этими претензиями обращайся к брату нашему Дэврану. Столько дел поручил, что рук не хватает. Зохрана свидетель, даже для намаза времени урвать не могу.

ДЖЕЙРАН *(удивленно)*. Какой еще намаз? Ты что, совершаешь намаз? И давно ты начал молитвы возносить?

БАЙРАМ *(кивая в сторону Зохраны)*. С кем поведешься – от того и наберешься!

ДЖЕЙРАН *(Зохране)*. Эй, невестка, ты что такое творишь с моим бедным братом?

ЗОХРА. Это не людских рук дело, сестрица Джейран, это путь, указанный Аллахом для каждого мусульманина. Путь истины!

ДЖЕЙРАН. Ей-богу, даже не знаю, что сказать?! Раз ты завела речь об Аллахе, то добавь мне уж нечего.

ЗОХРА. Иншаллах, и ты вступишь на истинный путь и перестанешь упрекать брата.

БАЙРАМ. Охотник Пирим, мы пришли отмечать день рождения или вести споры?

ПИРИМ. Байрам, надо же как-то убить время, пока не придет Дэвран-муаллим.

БАЙРАМ. А где же он сам?

ДЖЕЙРАН. Рёйя-ханым сказала, что он задерживается на работе, вот-вот придет.

БАЙРАМ. Где же сама Рёйя-ханым?

ДЖЕЙРАН. Рёйя ушла при... *(Не удается договорить. Входит Рёйя в вечернем платье. Она очень привлекательна. Все смотрят на нее с изумлением.)* А вот и прекрасная, сладкая возлюбленная моего братца!

РЁЙЯ *(с фальшивой улыбкой)*. Всем добро пожаловать! Я рада вас видеть. Пожалуйста, садитесь за стол! *(Здоровается с Байрамом и Зохраной.)*

ДЖЕЙРАН. Невестушка, может, дождемся моего брата и уж потом за стол?

РЕЙЯ. Он сейчас придет, не беспокойтесь, присаживайтесь. Он сам так захотел! Каждый занимает свое место за столом. *Входят Дэвран и на шаг позади него Самир. Дэвран – довольно подвижный и крепкий мужчина лет шестидесяти, с достаточно привлекательной внешностью. Самир – рослый симпатичный молодой человек тридцати лет, с атлетическим телосложением, сразу привлекающий внимание. При виде Дэврана все гости встают как один. Дэвран дает всем знак рукой садиться.*

ДЭВРАН. Садитесь, садитесь! Рад всех видеть! Ах, моя дорогая сестра Джейран! *(Подходит к Джейран и целует ее.)*

ДЖЕЙРАН. Да буду я твоей жертвой! Умереть готова под твоими ногами.

ДЭВРАН. Байрам, брат мой! *(Целуется с Байрамом.)* Зять – Пирим-охотник, отловивший мою бедную сестру. Сестрица Джейран, безропотная, забитая! *(Закатывается в смехе от своих же слов.)* Наша уважаемая невестка Зохра-ханым, знаю, знаю, с чужими мужчинами ты за руку не здороваешься. *(Кладет обе ладони себе на грудь и кланяется ей.)*

ЗОХРА. Да будет доволен тобою Аллах, братец Дэвран! Пусть сам Всевышний тебя хранит.

ДЭВРАН. Куда делся Самир?

САМИР *(подходит к нему)*. Я здесь, дядя.

ДЭВРАН. Здесь... отлично, племянничек. *(Окидывает всех теплым взглядом.)* Дорогие мои, всем известно, что Самир мой, как говорится, референт и в то же время – правая рука. *(Берет Самира за руку.)* Вы сами свидетели: на первую встречу с партнерами я всегда отправляю вот этого парня-красавца. Знаю, что своими словами он обольстит кого угодно. Самир дорог не только мне, но и всем нам. Вдобавок, он один из лучших представителей нашего рода. Потому, Самир, твое место рядом со мной во главе стола, по правую руку. А по левую сторону, ближе к сердцу, сядет редчайшая во всем мире красавица, редчайшая жемчужина – Рейя-ханым, которую я люблю, как самого себя. *(Обращается с улыбкой к Джейран.)* Что скажешь, сестрица Джейран, если есть дополнения – пожалуйста!

ДЖЕЙРАН. Ну что ты, братец, как мы смеем дополнять твои слова? Каждое твое слово для нас закон.

Все смеются, Дэвран смеется громче остальных.

ДЭВРАН. Ну, всё, садимся! Все собрались? *(Замечает пустующее место за столом.)* Кого с нами нет, Рейя-ханым?

РЕЙЯ. Все приглашенные здесь.

ДЭВРАН. А где же Эльман? Ты его не пригласила?

РЕЙЯ. Дэвран, он ведь посторонний, а тут присутствуют одни родственники.

ДЭВРАН *(достает телефон и звонит)*. Здравствуй... Да, это я... Тут же садись в машину и приезжай к нам! Да, прямо домой! Ты обязательно должен здесь быть! Не прекословь, раз сказал и точка... Ждем. *(Возвращает телефон в карман.)* Эльман мне ближе, чем многие родственники, Рейя-ханым! Знаю, ты его недолюбливаешь... Но... Если на то пошло, то и меня в свое время недолюбливала.

РЕЙЯ. Если бы ты сказал это в более подходящее время, я б тебе парировала.

ДЭВРАН. Ладно, проехали... Мы собрались веселиться. Мои дорогие, сегодня

мне исполняется шестьдесят лет. Я мог бы отметить эту дату с большой помпой... Дай Бог, скоро так и сделаю... А сегодняшний день мне захотелось провести лишь с вами, самыми близкими родственниками. Знаете, почему? Никому и в голову не придет, почему. *(Окидывает собравшихся внимательным взглядом.)* А потому, что я приготовил для вас маленький сюрприз.

БАЙРАМ. Брат, ты сам для нас сюрприз, чего ж еще желать?

ПИРИМ. Дэвран-муаллим, Байрам верно говорит, ты сам для нас большой сюрприз.

ДЖЕЙРАН *(обращаясь к Дэврану)*. Братец, ты наш аксакал, все мы живы-здоровы благодаря тебе. Только хватит испытывать наше терпение, ты прямо скажи, в чем вся суть, чтобы и мы дело свое знали, родной ты мой!

РЁЙЯ *(встает и уходит с недовольным видом)*. Простите, мне нужно на кухню.

ДЭВРАН *(смотрит ей вслед. С сожалением)*. Кажется, я обидел Рёйю-ханым.

ДЖЕЙРАН *(подливает масла в огонь)*. Да-да, братец, твоя женушка очень обидчива...

ДЭВРАН. Что ты сказала, сестра?

ДЖЕЙРАН. Говорю, избаловал ты ее, братец.

ДЭВРАН. Сестрица Джейран, она не избалованная, она изнеженная. Я не могу ее обидеть – она мне очень дорого обошлась. Если копну глубже, могу ее потерять. Это знаю лишь я один да... один Аллах! *(Обращаясь к Самире.)* Племянничек, ступайка за ней, утешь, приведи обратно. Знаю, она тепло к тебе относится.

САМИР *(радостно)*. Слушаюсь! *(Уходит.)*

ДЖЕЙРАН. Братец, можно попробовать эти блюда?

ДЭВРАН. Джейран, ты что, издеваешься?

ДЖЕЙРАН. Да вы одними намеками и экивоками говорите, голова кругом идет.

ДЭВРАН. Пирим-охотник, наполни бокалы! Сестрица Зохра, придется тебе нас простить! Это не водка, а вино, экстракт винограда, растущего в нашем собственном саду. Халальный сертификат прилагается.

ЗОХРА. Да будет доволен вами Аллах, братец Дэвран! Хозяин – барин.

Свет над столом затухает. Освещается авансцена. Входит Рёйя с телефоном в руке. Она кому-то звонит, но ответа не получает. Вбегает Самир, добежав до Рёйи, он внезапно ее обнимает и страстно целует в губы. Рёйя пытается вырваться из его объятий.

РЁЙЯ *(полукокетливо-полуиспуганно)*. Пусти! *(Отстраняется.)* С ума сошел? А если увидят?

САМИР *(с безумной страстью)*. Рёйя, как только я тебя увидел, захотелось обнять и поцеловать, прямо там, посреди гостей. Еле-еле удержался.

РЁЙЯ *(тревожно)*. Надо быть осторожным, Самир. Даже у стен есть уши...

САМИР. Что такого?

РЁЙЯ. Ничего особенного, просто сама себя не пойму.

САМИР. Не делай из мухи слона.

РЁЙЯ. О Господи!

САМИР. При чем тут Господь? Я же рядом...

РЁЙЯ *(тоскливо)*. Каждый раз, когда встречаюсь с тобой, мне постоянно что-то мерещится, кажется, будто тону в омуте. Будто из самой-самой дали, из-за пелены тумана на меня неотрывно смотрит пара глаз, полных тоски и скорби... Эти вперившиеся в меня беспокойные, тоскливые глаза потом исчезают в глубине тумана. Я ощущаю в этом взгляде какой-то упрек, даже ненависть. *(Перекрещивает руки на*

груди, будто ей зябко.) Я очень боюсь этого взгляда... Очень...

САМИР (*шутливо*). Ты, кажется, и впрямь сходишь с ума. Несешь чепуху. Какие еще глаза, упреки?.. Наверно, ночью тебе снились кошмары.

РЁЙЯ (*с сожалением*). Тебе этого не понять, Самир. Надо иметь сердце, душу, чтобы понять такое...

САМИР. Рёйя-ханым, советую не поддаваться иллюзиям! В этом бренном мире надо жить настоящим, ловить момент и наслаждаться... Поняла? Деньги и гульба... Вот в чем весь смысл жизни...

РЁЙЯ (*растерянно глядит на Самира*). Может, ты и прав! Сейчас я чайка с пербитыми крылами. Небесные выси, о которых я мечтала, теперь мне недоступны.

САМИР. Рёйя, вижу, ты очень изменилась, стала совсем другой. Правду скажи, может, ты несешь весь этот вздор, чтобы помучить меня? Ты нарочно хочешь сделать мне больно!..

РЁЙЯ. Нет, почему же? Ты ничего плохого мне не сделал, наоборот, ты сыграл свою роль достаточно открыто, вдобавок мастерски...

САМИР. Сыграл роль?

РЁЙЯ. Сыграл... Ты превратил жизнь в сцену и мастерски сыграл свою роль... И всегда стократно получал то, что отдавал взамен. Это естественно. Думаю, сейчас всё небескорыстно. Думаю, даже самые святые, самые чистые и недосягаемые чувства управляются жесткими правилами бизнеса.

САМИР. Ты меня совсем сбила с толку.

РЁЙЯ. Почему, разве не правду говорю?

САМИР (*иронично*). Знал бы, что ты такая умная, близко не подошел бы, боялся.

РЁЙЯ. Это не ум, а опыт, Самир... Опыт... Опыт женщины, изведавшей всю го-речь жизни! Опыт женщины, чья счастливая звезда погасла, чье солнце закатилось навеки... Опыт хрупкой женщины похожей на лодку без парусов и ветрил, утонувшую в безжалостной пучине жизни...

САМИР (*с некоторой опаской*). Рёйя, порой мне кажется, что ты мстишь Дэ-врану. Только вот никак не пойму, почему и за что ты мстишь?

РЁЙЯ (*саркастично*). Почему не поймешь?

САМИР. Да ведь твое имя у него с языка не сходит, он только и делает, что нянчится с тобой.

РЁЙЯ. Ты плохо его знаешь, Самир! Он раб своей страсти, своей похоти. Самое большее – он влюблен в мою красоту. Он всегда относился ко мне как к дорогой без-делушке. Этот человек никогда не обращал внимания на мои мечты и чувства. Смысл всего видел лишь в гулянках, нарядах и наслаждении. А я уже в глубокой-глубокой пропасти. Знай, меня в эту пропасть толкнул именно он...

САМИР. Рёйя, кончай нести чепуху. Да что с тобой? (*Пауза. Будто он впервые видит Рёйю.*) Боже, как внезапно может измениться человек?!

РЁЙЯ. Не вини меня, Самир! Совместная жизнь с Дэвраном полностью меня пере-менила!.. Я стала равнодушной... Безразличной... Любовь, живущая в душе, ушла во-свосяи вместе с Фархадом... Изменился смысл моей жизни. Погасло ее пламя, она обратилась в золу и пепел... Одним словом, он не смог меня полюбить. Увы... (*Пауза. Утирает набежавшие слезы.*) Самир, в последнее время какой-то внутренний голос нашептывает мне ужасную тайну... Тайну, разъедающую мой мозг, гложущую сердце...

САМИР (*перебивает ее*). Рёйя, что это за тайна?

РЁЙЯ. Мне кажется, что тогда Фархада убрал Дэвран... (*Пауза.*) Ей-богу, совсем

голову потеряла...

САМИР (*еще раз перебивает ее*). Но ведь он очень тебя любит...

РЭЙЯ. Самир, я ведь сказала: он не смог меня полюбить. Он полюбил свои миллионы, а не меня! У него нет ничего святого, кроме денег, ни любви, ни души. Деньги – его святыня. А настоящая любовь должна быть вечной, дарить счастье вплоть до самой смерти. У любви, рожденной страстью и похотью, недолог век. И эта короткая жизнь проходит в мучениях и страданиях... (*Пауза, резким тоном.*) Ты говорил, что тебе нужен миллион?

САМИР. Может, не стоит сейчас заводить об этом речь?

РЭЙЯ. Разве не ты всего час-полтора назад прожужжал мне все уши по телефону?! И что теперь, застенялся лицом к лицу?

САМИР. После твоей жизненной философии мне кажется бессмысленным толковать о деньгах. К тому же... Я поговорю с самим Дэвран-муаллимом. Не думаю, что он мне откажет. (*Пауза. Затем повелительным тоном.*) Вернемся к гостям... Неудобно...

РЭЙЯ (*жестко*). Я не хочу туда идти.

САМИР. Ради меня! Дэвран-муаллим сам меня послал, чтоб я тебя утешил.

РЭЙЯ. Он проинструктировал тебя, как надо это сделать?

САМИР. Он знает, что в инструкциях я не нуждаюсь. (*Внезапно обнимает и целует Рэйю.*)

В ту же секунду входит Эльман и застаёт целующихся. На миг он в растерянности задерживает шаг. Заметив его, Самир отстраняется от Рэйи. Рэйя поспешно удаляется. Самир поначалу хочет последовать за ней, но останавливается.

САМИР (*растерянно*). Эльман?! Что ж ты так тихо да лихо?..

ЭЛЬМАН (*с явной иронией*). Простите уж, Самир-бей, сигнала при себе не имею!

САМИР. Дэвран-муаллим нечаянно обидел свою супругу, вот и отправил меня ее утешить...

ЭЛЬМАН. Я совсем и не знал, что утешают таким способом.

САМИР. Это – мой способ. (*Берет его под руку.*) Ты умный, сдержанный и даже воспитанный человек. Всем нам, в том числе и тебе, известно, что шеф безумно любит Рэйю-ханым.

ЭЛЬМАН (*раздраженно*). Вот собака, смеет еще зубы заговаривать. Какой же ты подлец, нечестивец. Дэвран братом тебя считает, доверяет тебе, тепло относится... А ты его предаешь. Срежь бела дня в его же собственном доме целуешь его жену. (*Разгневанно хватаят Самира за грудки и трясет.*)

САМИР. Эльман, Рэйя... Рэйя сама проявляет ко мне интерес... Она сама меня совратила. Прости меня... Виноват, каюсь... Ничего не говори Дэврану. (*Начинает умолять Эльмана. Делает небольшую паузу.*) Если даже скажешь – не поверит. Он верит только мне, мне...

ЭЛЬМАН (*сердитым тоном*). Ах ты бессовестный ублюдок, ты знаешь, что Рэйя – жена Дэврана. Тебе что незамужних женщин мало? Ты ж всегда толкуешь о мужестве, чести, достоинстве. И что ж теперь? Как быстро ты забыл всё свое мужество, честь и достоинство. Ты ешь хлеб Дэврана, сидишь во главе его стола, ведь... Ей-богу, этот кусок хлеба у тебя поперек горла встанет. Как ты посмеешь взглянуть в глаза Дэврану?.. Ах ты черт поганый!.. (*Эльман хочет вернуться. Самир тут же преграждает ему путь.*)

САМИР (*умоляюще*). Эльман, погрешил я, оступился, прости. Умоляю, забудь и прости... Заходи, Дэвран-муаллим ждет тебя. Не расстраивай его юбилей.

Эльман задумывается. Затем с расстроенным видом входит в гостиную прежде Самира. Свет над столом становится ярче. Самир, Рёйя и Эльман заняли свои места.

ДЭВРАН. Да-а-а, все собрались. Компания в полном сборе. Пирим-охотник, бокалы полны?

ПИРИМ. Полны и бокалы, и наши сердца! Лишь в животе пусто.

ДЭВРАН. Раз полны сердца – это хорошо. А что касается животов – потерпите немного, успеете набить. Дорогие мои! Слушайте меня внимательно, сначала я хочу поведать вам одну важную жизненную историю. (*Все внимательно слушают Дэврана.*) Вчера я вернулся с работы уставшим. Выпил стакан чаю, хотел прилечь на диване, но тут мое внимание привлекла передача по телевизору. Значит, один довольно-таки постаревший лев растерзал в лесу то ли оленя, то ли джейрана (*смотрит с улыбкой на Джейран*), тьфу-тьфу, не сглазить бы сестру. Растерзав свою добычу он, запыхавшись, предался отдыху. Видать, переведя немного дух, этот старый лев собирался отведать нежного мяса. Вот в эту минуту и пришла беда. Поначалу к нему приблизилась одна гиена и остановилась на почтительном расстоянии. (*Пауза. Внимательно всех оглядывает.*) Гиены – самые мерзкие существа на свете. Потом, откуда ни возьмись, появилась вторая, третья, четвертая... Короче говоря, гиены полностью окружили льва. Постепенно они стали сужать круг и подбираться к нему с противным урчанием. Лев, угрожающе рыча, сбил лапой пару гиен, но, в конце концов, не выдержал натиска стаи и был вынужден отступить, оставив им свою добычу.

ДЖЕЙРАН. Дэвран, родной, а почему лев был один-одинешенек? Видать, все его друзья да родичи перемерли?

ДЭВРАН (*полушутя-полувсерьез*). Сестрица Джейран, видать, этот одинокий лев был настоящим скрягой. Любил одиночество и ел добычу один, ни с кем не делился. Как говорится, щедрости ему не хватало. Такие в итоге остаются одни. Вот потому-то и терпят поражение. И в большинстве случаев их добыча достается мерзким гиенам.

БАЙРАМ. Брат, спасибо за нравоучительную историю. Только скажи, какое она имеет отношение к твоему юбилею, к нашей компании?

ДЭВРАН. Самое прямое, Байрам-муаллим, мой дорогой брат. Разве так сложно понять? Я тем самым хочу сказать, что если бы мы не объединились, добросовестно не трудились, как я смог бы заработать все эти миллионы, окружить себя всей этой роскошью? Конечно, не смог бы! Только и только с вашей помощью, в результате нашей совместного добросовестного труда я стал одним из уважаемых людей в стране.

ДЖЕЙРАН. Да и мы, слава Богу, выбились в люди с твоей помощью, братец. Если не ты, что бы мы сейчас делали?

ДЭВРАН. Эх, сестра моя, милая, нас с Рёйей-ханым всего-навсего двое. Нет у нас целой оравы детишек, чтобы думать об их будущем. Да проживи мы хоть тысячу лет, моих миллионов на двоих хватит сполна. (*Чуть опечаленно.*) Ну что там говорить, мир бремен, а жизнь скоротечна...

ДЖЕЙРАН. Что это за слова, родненький мой? Разве мои сыновья – не твои? Не ты поставил их на ноги? Им целовать бы пыль у твоих подошв!

ДЭВРАН. Сестра, не передергивай... Мне дороги и твои дети, и ты сама... Кто отправил их учиться в Лондон? Я еще не говорю о дочурке нашего брата Байрама, которая учится в Оксфорде. Речь вовсе не о том, не перебивайте... Слушайте

внимательно, что говорю. Мир стал таким беспокойным, жизнь настолько вероломной, что трудно надеяться даже на завтрашний день. Потому я и дал слово... *(В горле встает ком, но Дэвран, откашлявшись, тут же берет себя в руки.)* Я дал себе слово в день своего шестидесятилетия написать завещание. Да, сегодня мне исполнилось шестьдесят. Я исполнил свой обет. Прямо сегодня же отправился к нотариусу и утвердил свое завещание. Будто гору с плеч сняли. Вот потому мы и собрались здесь, чтобы я ознакомил вас со своим завещанием.

ДЖЕЙРАН *(растерянно)*. Дэвран, ты что несешь? Клянусь могилой отца, обижусь на тебя. Какое еще завещание? В могилу хочешь меня свести? Сердце хочешь расколоть? Рёйя-ханым, что это говорит твой муж-смельчак? Ответь же, ответь ему.

РЁЙЯ. А что тут отвечать, Джейран-ханым? И так всё ясно.

ДЖЕЙРАН *(Байраму)*. Байрам, а ты чего воды в рот набрал? Чего молчишь?

БАЙРАМ. Джейран, наш брат умнее и дальновиднее нас. Раз он так считает, значит, так оно и нужно.

ДЖЕЙРАН. Дэвран, хватит, прекращай, позволь по-человечески поесть кусок хлеба. У меня этот кусок поперек горла встал.

ДЭВРАН. Родная моя, ты, кажется, ничего не понимаешь... Слышала, нет? Речь идет о миллионах, миллионах!.. Или ты совсем позабыла, что смерть входит без стука?

Все, услышав о миллионах, вытягиваются в струнку.

ДЖЕЙРАН *(встает с места и подходит к Дэврану)*. Братец, типун мне на язык, может, ты болен, скрываешь от нас?

ДЭВРАН *(обнимает Джейран)*. Сестра, разве я похож на больного?

ДЖЕЙРАН. Да нет, что ты! Машаллах, здоров, как бык!

ДЭВРАН. Суть моих слов в том, что мы работали вместе, одной командой. Вы помогали мне всеми силами. В моих миллионах есть и ваша доля. Не хочу, чтобы вы после меня грызлись между собой, обивали пороги судов, препирались. Ведь, как говорится, жизнь – игра, а деньги – способ вести счет, и не в деньгах счастье, а в их количестве. *(Нависает пауза.)* Молчите! Значит, вы меня поняли. В таком случае продолжаю. Одна утвержденная копия моего завещания находится у нотариуса. А другая – дома, в моем личном сейфе. Завещанная вам сумма денег указана в документе.

ЗОХРА. Да будет доволен тобою Аллах, братец Дэвран!

РЁЙЯ *(изумленно и удивленно)*. Почему я не слышала об этом завещании?

ДЭВРАН. Тебя никогда не интересовали деньги.

ДЖЕЙРАН. Почему же, братец? А вся эта роскошь, эта вилла, украшения и драгоценности задаром обошлись?

ПИРИМ *(обращаясь к Джейран)*. Да заткнись ты, наконец! Хватит встречать где ни попадя! Дай выслушать человека.

ДЖЕЙРАН. Ты чего это раскричался?!

ДЭВРАН *(обращаясь к Джейран с Пиримом)*. Успокойтесь. Тут только Эльман не приходится мне кровным родственником, но он мне ближе многих родичей.

ПИРИМ *(льстиво)*. Шурина, родной, может, ты прям сейчас огласишь списочек?!

ДЭВРАН. Я ведь уже сказал, зятёк! Все здесь присутствующие упомянуты в списке... Никто не забудь.

ПИРИМ *(кривляясь)*. Не сочти за наглость, шурина, родной, а если в одной семье двое? Например, Джейран-ханым плюс...

ДЭВРАН (*не дает ему договорить*). Понятно, зятёк! В списке упомянуты отдельно и ты, и сестра. Отдельно упомянуты брат и наша невестка Зохра!

ЗОХРА (*подобострастно*). Да будет доволен тобою, Аллах, братец Дэвран! Век живи...

САМИР. Дядя, может, это неудобный вопрос, но мне хотелось бы знать, по какому принципу сделан дележ?

ПИРИМ. А что? Отличный вопрос. Знать-то надо.

ДЖЕЙРАН. Сразу видно – юрист.

БАЙРАМ (*шепчет на ухо Джейран*). Да какой там юрист, плясун он, забыла, что ли – он раньше балет танцевал. Теперь вот бизнесменом заделался, тоже мне...

ДЖЕЙРАН (*шепчет Байраму*). Да, да, вспомнила, как же... покойный дядя отца записал его в балетную школу еще мальчишкой.

ДЭВРАН (*сначала внимательно смотрит на Байрама. Байрам согласно кивает головой. Дэвран начинает говорить громче*). Я никогда не раскрою этот принцип, Самир. Но, прошу, когда в свое время раскроются карты, не задавайте и не задавайтесь вопросом: «Почему Дэвран одним дал больше, другим меньше?»

ЗОХРА. Вот именно, точь-в-точь как грешно бунтовать против Всевышнего за посланные им испытания и допытываться об их смысле.

ДЭВРАН. Отлично сказано, сестрица Зохра! Вот это мудрый подход, верный принцип. И я так считаю.

ДЖЕЙРАН. Братец, родненький, теперь как получается – нам не следует знать, кому ты что и почему даешь?

ДЭВРАН. Нет, я не могу сейчас всё это раскрыть, это может навредить нашему общему делу. Спроси «почему?»

ДЖЕЙРАН. Почему же, мой родной?

ДЭВРАН. Потому что, не в обиду будет сказано, человек человеку волк. Начнутся тяжбы, нарушится единство нашего рода. Могу сказать лишь то, что каждому полагается не менее пяти миллионов.

*У всех отвисают челюсти, будто их окатили ледяной водой.
Нависает тревожная пауза. Дэвран встает со стула и внимательно оглядывает собравшихся одного за другим.*

ДЖЕЙРАН. Родной ты мой, свет моих очей, ты в каких деньгах говоришь?

ДЭВРАН (*шутливо*). А тебе в каких выгодней?

ДЖЕЙРАН (*с явным лицемерием*). В наших манатах, братец, мы патриоты, любим свой народ.

Дэвран смеется, затем смеются остальные.

ДЭВРАН. Еще вопросы есть?

ПИРИМ (*подобострастно кривляясь перед Дэвраном*). Шурин, дорогой, Бога ради, не обижайся, но всё это похоже на розыгрыш! Не вертишь ли ты, мягко говоря, нас вокруг пальца? Всё-таки день рождения ведь у тебя... Может, шутишь, подтруниваешь над нами?

БАЙРАМ (*угрожающе*). Пирим-охотник, не мели ерунду. Видать, ты плохо знаешь моего брата. Его слово – закон. Тебе давно надо было это усвоить!

ДЭВРАН (*слегка раздраженно*). Тормози, Байрам! Эй, Пирим-охотник, ты видал, чтоб я ногами кренделя выкидывал? Я тебя когда-либо обманывал?

БАЙРАМ. Брат, ты прости охотника, ей-богу, у него с головой туго. Не спорь с дураком.

ДЭВРАН (*перебивает Байрама*). Эльман, а ты чего сидишь смурной? Что стряслось? Выглядишь печальным... Печаль не красит, горе не цветит.

САМИР беспокожно ерзает на стуле. С тревогой смотрит на Эльмана.

ЭЛЬМАН. Дэвран-муаллим, я немного приболел. Не обращайтесь внимания, дело пустое. Что же касается ваших слов, я воспринимаю их крайне серьезно. Никто не должен спрашивать у вас, почему вы так решили.

ДЭВРАН. Слыхали? Вы прекрасно знаете Эльмана, его на мякине не проведешь, потому-то и жалуетесь мне на него. Разве нет, Самир?

САМИР (*бросает мельком взгляд на Эльмана, затем растерянно поворачивается к Дэврану*). Дядя, мы не такие умные и дальновидные, как ты!

ДЭВРАН. Все сомнения развеяны?! (*С мест доносятся реплики «да».*) В таком случае поднимем бокалы, выпьем за наше многолетнее сотрудничество! Каждый из вас дорог мне как родственник, но в то же время и как верный партнер. (*Пьет.*)

Все выпивают, кроме Зохры. Едят. Дэвран встает и подходит к Рёйе.

ДЭВРАН. Самир, давай музыку, танго! Сейчас я станцую с самой прекрасной, обворожительной и милой женщиной на всём белом свете. (*Звучит ритмичная музыка. Дэвран кланяется перед Рёйей.*) Давненько не видел, как ты танцуешь.

РЁЙЯ. Может, отложим на другое время? Я немного не в себе.

ДЭВРАН. Ты знаешь, что я не отстану, пока не добьюсь своего.

РЁЙЯ. Знаю, знаю, желания другой стороны никогда тебя не интересовали. Как говорится в одном романе: мужчина – пахарь, а женщина – нива! И неважно, любит ли нива пахаря.

ДЭВРАН. Увы, ты не захотела меня понять... И даже никогда не старалась!

Звучит танго. Дэвран с Рёйей движутся в чарующем танце. После танго Дэвран приглашает всех гостей к танцу. Звучит зажигательный и игривый национальный танец. Дэвран вскакивает на стул и пускается в пляс. Все, за исключением Рёйи, умильно отплясывают перед ним. Рёйя стоит в сторонке и с ненавистью смотрит на танцующих. Устав от резких движений, Дэвран спускается со стула.

ДЭВРАН. Танцуйте, мои родичи-миллионеры! Танцуйте! Вам так к лицу танцевать и веселиться. Ведь и вы теперь миллионеры! Весь мир ваш! Вся жизнь ваша! (*Подходит к Самиру, аплодирующему стоя в сторонке, и фамильярно подталкивает его к группе танцующих.*) Покажи свою удаль, племянничек!

Самир включается в общее кружение, но преимущественно танцует лицом к лицу с Рёйей. Они танцуют очень умело. Все расступаются, освобождая для них пространство.

ДЖЕЙРАН. Братец, да твоя милая женушка – настоящая танцовщица...

ДЭВРАН. Сестра, моя ненаглядная окончила консерваторию, она с высшим образованием. А в детстве ходила на танцы.

ДЖЕЙРАН. Вай-вай-вай... Ей-богу, мне-то бедной всё невдомек, ни сном, ни духом ничего не ведаю.

ПИРИМ. Ты погляди на Самира! Кто бы подумал, что такой серьезный бизнесмен умеет так отжигать?! Прямо с филармонии на бал.

ДЖЕЙРАН. Настоящий артист.

БАЙРАМ. Я тебе уже сказал, Джейран... Этот хлюст раньше танцором работал.

ДЖЕЙРАН. Кончай. Он нашенький. Пусть себе танцует. Машаллах, и сам красавец, и танцует красиво.

ДЭВРАН. Многие мировые знаменитости были танцорами. Сестра, Самир не только хороший танцор, но в то же время умелый руководитель всех наших сложных проектов. *(Машет рукой. Музыка смолкает. Все занимают свои места за столом.)* Давненько я не получал такого удовольствия от танца. Это наслаждение мне подарили Рёйя-ханым и Самир-бей. Молодцы! Мои дорогие, теперь прошу внимания. *(Пауза.)* Обычно в юбилей подарки дарят виновнику торжества. Мне этот подарок сделан давно. *(Все слушают с удивлением.)* Этот подарок мне преподнес сам Господь Бог. Мой судьбоносный дар – несравненная Рёйя-ханым, ее присутствие рядом. Ее красота, ее царственное очарование – торжество моей жизни! Дорогие родственники! Рёйя – подарок не только к моему юбилею, но и ко всей моей жизни и судьбе. Дорогие мои, я, в свою очередь, хочу преподнести свой скромный подарок этому живому дару от Всевышнего вашему покорному слуге. Самир!

САМИР *(достает из кармана прекрасный футляр и передает Дэврану)*. Пожалуйста, Дэвран-муаллим!

ДЭВРАН *(подходит к Рёйе и величественным жестом преподносит ей футляр)*. Если б не ты – грош цена моей жизни. *(Целует ей руку.)*

ДЖЕЙРАН. Счастливица! Родила она, как мы, пару-тройку детей – брат весь мир сложил бы к ее ногам!

ДЭВРАН. Рёйя-ханым, милая моя, прошу открыть этот футляр у всех на глазах!

РЁЙЯ *(открывает футляр и невольно улыбается)*. Большое спасибо!

ДЭВРАН. В «спасибо» я не нуждаюсь. *(Подставляет щеку для поцелуя.)*

РЁЙЯ *(обращаясь к собравшимся)*. Простите, он не отстанет, если не поцелую. *(Целует Дэврана.)*

ДЭВРАН. А сейчас надень на палец.

РЁЙЯ. Оно очень красивое... Спасибо!

ДЭВРАН. Знаешь, откуда я его достал?! С другого конца света! Эксклюзивная вещь! Во всем мире только одно такое кольцо, и оно украшает палец моей любимой!

ДЖЕЙРАН. Ради такого мужчины умереть не жалко! *(Подходит поближе, крепко расцеловывает Дэврана и смотрит на кольцо.)* Батюшки, огромный бриллиант!

РЁЙЯ. Главное не караты, золушка, глянь, какая огранка, тонкая ручная работа!

ДЖЕЙРАН. Вижу, вижу, милая моя! Носи на здоровье.

ДЭВРАН. Понравилось, сестрица Джейран?

ДЖЕЙРАН *(довольным тоном)*. А как же?! Конечно. Родные мои, дай Бог вам счастья и долгих лет.

ДЭВРАН *(обращаясь к Байраму)*. Брат, а ты чего молчишь? Чего это воды в рот набрал? Разве нечего сказать?

БАЙРАМ. Братец, а что тут добавить? Гляжу на тебя, гляжу на нашу невестку,

и сердце радуется. Ей-богу, горжусь тобой! Быть рядом с тобой – большая честь. Когда люди узнают, что я твой брат, мне оказывают совсем другое уважение. Все мы под тобою ходим. Да перейдут на меня все твои беды. Поверь, голову сложить за тебя готов... Будь здоров, будь счастлив, дорогой мой!

ДЭВРАН. Спасибо. Я всегда относился к вам добросовестно. Клянусь, что всегда был перед вами честен.

БАЙРАМ. Да хранит тебя Аллах!

ЗОХРА. Да будет доволен тобою Аллах, братец Дэвран!

ДЖЕЙРАН (*остаётся лицом к лицу с Дэвраном*). Братец, раз не спрошу, не узнаю – заснуть не смогу.

ДЭВРАН. Чего опять, сестрица?

ДЖЕЙРАН. Поговорка есть такая: «Веселюсь да гуляю, но хахалю не забываю».

ДЭВРАН (*громко хохочет*). Слыхал, Байрам, бабки нашей покойной слова! (*Обнимает Джейран.*) Меня за уши не оттащишь, когда она вот так балакает.

ДЖЕЙРАН. Ну дай же мне договорить...

ДЭВРАН. Пожалуйста!

ДЖЕЙРАН. Я о том самом завещании...

ДЭВРАН. Женщина, у тебя всё еще остались какие-то сомнения?

ДЖЕЙРАН. Да нет, какие еще сомнения?

ДЭВРАН. Так в чем дело?

ДЖЕЙРАН. Я вот что хочу спросить... когда мы... да хоть лично я сама смогу получить выделенную мне сумму?

ДЭВРАН. Сестра, в завещании всё четко указано.

ДЖЕЙРАН. Да оставь ты это завещание. Ты мне прямо ответь. Вот мы с Пиримом хотим устроить дела нашему сыну Исмаилу. Хотим, чтоб у него был свой бизнес.

ДЭВРАН. Почему своё, отдельное? Умер я, что ли? Или мы ему не по нраву? Может, замаранные мы, заразные?

ДЖЕЙРАН. Братец, Исмаил не хочет быть тебе обузой. Говорит: «С деньгами весь мир мой. Горы свернуть смогу. Создам для себя толковый бизнес, где захочу».

ДЭВРАН. Сестра, у Исмаила мозги набекрень встали! Он, что, не видит, куда всё катится? Где он создаст для себя бизнес в этом безумном мире? Думаешь, в наше нелегкое время так просто заняться бизнесом? (*Обращается к Эльману.*) Эльман, что несет эта женщина?

ЭЛЬМАН. Дэвран-муаллим, иншаллах, всё образуется. Со временем всё встанет на свои места.

ДЭВРАН. Вот как оказывается...

ДЖЕЙРАН (*перебивает его*). Родной, дай мне договорить.

ДЭВРАН. Ты уже всё сказала!

ДЖЕЙРАН. Не упрекай меня! Дэвран, умереть бы мне под твоими ногами, когда мы сможем получить завещанные нам деньги? Вот так, если короче!

ДЭВРАН. Я ведь тебе уже сказал: всё четко расписано в завещании. Правило такое: размер суммы ты узнаешь только после моей смерти. Поняла?! (*Обращается ко всем гостям.*) Вы разве не понимаете, что значит завещание?

ДЖЕЙРАН. Ай Аллах, какой ужас!

ДЭВРАН. Или тебе хочется, чтоб я прям сейчас взял да помер? Смерти моей хочешь?

ДЖЕЙРАН. Хватит, помолчи! Как у тебя язык поворачивается такое говорить? Пусть враги твои помрут! Пусть завистники твои в могилу сойдут!

ПИРИМ. Джейран-ханым, ты прямо скажи, чего хочешь, не тяни.

ДЖЕЙРАН. Да помолчи ты, Пирим! *(Обращаясь к Дэврану.)* Братец, а вдруг мы умрем раньше тебя? Что тогда?

ДЭВРАН *(крайне жестко)*. В таком случае пеняй на себя!

БАЙРАМ *(обращаясь к Джейран)*. Постарайся не умирать!

ДЖЕЙРАН. Да что такое несут мои братья-умники?

ДЭВРАН. А что, плохо сказано?

ДЖЕЙРАН *(разгневанным тоном говорит Дэврану)*. Да разве это в наших руках? *(Байрам хохочет.)* Или мне надо сидеть и ждать, когда ты... Типун мне на язык!.. К чему мне твои миллионы, когда я стану старухой?

РЭЙЯ. Дура, а правду говорит!

ДЖЕЙРАН. Кто это дура?

РЭЙЯ. Да я так, к слову. Ты самого черта обманешь.

ДЖЕЙРАН. И черта, и сатану – обоих обману! Колышет тебя, что ли?

ДЭВРАН *(обращаясь к Рэйе)*. Дорогая, а что ты думаешь об этом деле?

РЭЙЯ. Может, и хорошо, что ты составил завещание. Но мне кажется, никому не следовало об этом говорить. Тем более, в такой форме, за праздничным столом. Ты шоу, что ли, показываешь?

ДЭВРАН *(удивленно)*. Рэйя, ты называешь всё это шоу?

РЭЙЯ. Не знаю, что и сказать... так как суть дела до меня не дошла. Я не поняла, в чем цель. С другой стороны, эта весть может вызвать плохие последствия.

ДЭВРАН *(обеспокоенно)*. Хочешь сказать, родственники могут меня убить, Рэйя-ханым?

ДЖЕЙРАН *(истово)*. О, Аллах, пошли мне смерть! Что я слышу?! Пирим, что они говорят? Да кто осмелится поднять на тебя руку? Кто покусится на твою жизнь?

ДЭВРАН. Мои дорогие, разве я плохо с вами обошелся? Байрам, что скажешь? Самир... Эльман... Пирим-охотник... А вы что думаете?

САМИР. Дэвран-муаллим, хотя Джейран-ханым высказалась не совсем корректно, в ее словах есть правда. Что, если кто-либо из наследников скончается раньше вас? Что будет в таком случае?

ДЭВРАН. Ничего не будет! Пусть пеняет на себя, пусть старается пережить меня.

ПИРИМ. Чётко сказано.

ДЖЕЙРАН. Что тут чёткого, эй? Разве это в наших руках, от нас самих зависит?

ЗОХРА. Не стоит паниковать, мои братья и сестры. Никто не в силах опередить или замедлить свою участь. Всё находится в руках Всевышнего, у Него и ищите защиты. Братец Дэвран поступил благородно, не упрекать его мы должны, а славить, молиться за него.

ДЭВРАН. Наконец-таки нашелся здесь умный человек! Спасибо, сестрица Зохра. А то заладили: ты не умрешь, мы умрем; мы не умрем, ты умрешь... Я оставляю им миллионы, а они сидят и прикидывают, когда я отдам концы.

ДЖЕЙРАН. Родной мой, нельзя ведь такие дела делать исподтишка...

ДЭВРАН. До сих пор вы ничего не знали о моем завещании, и о чьей-либо смерти и речи не было. А узнав, только о смерти и говорите...

ДЖЕЙРАН. Лучше было б нам об этом ничего не знать, брат, мы ведь не требовали у тебя свои законные деньги.

ДЭВРАН. Верно, не требовали, но до меня доходили ваши жалобы. По сути, вы были правы. Я уже сказал, что заработал это состояние не в одиночку. Да, с юриди-

ческой точки зрения всё состояние принадлежит мне. Но ведь этим дело не кончается. А как же Бог, как же совесть? Родственные узы? Как же весь ваш труд и старания? Эх, дорогие мои, на тот свет с собой ничего не возьмишь *(Делает паузу.)* Я пришел к этому решению потому, чтобы каждый знал: что у него есть, чего нет. Мне хотелось, чтобы вы стали смелее. Ибо мужчина при деньгах смел и бесстрашен. При таком раскладе вы станете еще усерднее трудиться в нашем общем деле. И наш капитал увеличится в разы. Байрам, чего еще они от меня хотят? Ну, может, я поступил неправильно? *(Оглядывается собравшихся одного за другим, трясет головой и прикуривает сигарету. Затем расстроено ложится на тахту. К нему подходят мужчины с бокалами в руках. А обидевшийся Дэвран даже в лицо им не смотрит.)*

ЭЛЬМАН. Дорогие друзья, я считаю этот поступок Дэвран-муаллима примером настоящего мужества. Воистину, он заслуживает аплодисментов. *(Все аплодируют.)* Давайте поднимем наши бокалы за здоровье Дэвран-муаллима.

Все поднимают бокалы, и в эту же минуту звучит песня «День рождения». Входит вместе с Рёйей Дэлисай с тортом в руках. Рёйя-ханым подходит к расстроенному Дэврану, лежащему на тахте, и ласково помогает ему подняться. Они вдвоем подходят к Делисай, стоящей с тортом в руках. Все как один кричат «Дэ-вран, Дэ-вран». Дэвран задувает свечи на торте. В ту же секунду слышится ужасный взрыв, свет гаснет. На сцене и в зале полная тьма. Голосят женщины. Доносятся реплики: «Что случилось?», «Что-то взорвалось?» и т.д.

ДЭВРАН. Спокойно! Это просто короткое замыкание. Где мой телефон? Нашел! Минуточку! *(Включает фонарик телефона, сцена немного освещается.)* Сейчас всё исправлю!

ДЖЕЙРАН. Почему ты, Дэвран? Вызови мастера, сам не лезь – током ударит... типун мне на язык! Этого еще не хватало...

ЭЛЬМАН. Я сейчас посмотрю!

ДЭВРАН. Эльман, стой! Садитесь! Дело мастера боится.

Все включают телефонные фонарики. Сцена еще немного освещается. Дэвран выходит. Все беспокойно смотрят ему вслед. Чуть спустя ярко включается свет.

ДЖЕЙРАН. Слава Аллаху! Мой родной на все руки мастер!

БАЙРАМ. Дэвран с детства любил возиться с электричеством.

ПИРИМ. А куда он пропал? *(Зовёт его.)* Дэвран-муаллим! Шурин, дорогой!

РЁЙЯ. Садитесь, сейчас придет! Самир, належ мне немного вина, что-то я переедалась.

САМИР. Наверно, перепугались? *(Наливает вина.)*

ЗОХРА. Вот в какие минуты человек ценит свет. Слава тебе, о Аллах!

ДЖЕЙРАН. Братец, где ж ты пропал? Да посмотрите, что с ним? Может, помощь нужна.

ЭЛЬМАН. Сейчас сбегаю. *(Спешно идет за Дэвраном, покидает кулисы.)*

ДЖЕЙРАН. Пирим, выходит, мы все сейчас миллионеры?!

САМИР. С теоретической точки зрения да, Джейран-ханым, что же касается практической стороны, то есть реального положения дел...

ЭЛЬМАН *(кричит)*. Дэвран! Дэвран!!! *(Все вздрагивают и оборачиваются на*

крик.) Дэвран!.. (Кричит.) Байрам, сюда, скорей!

Байрам бежит на крик.

БАЙРАМ (его голос доносится из-за кулис). Что с ним? Дэвран! Родной!!!

Эльман с Байрамом вносят на руках бездыханное тело Дэврана и укладывают посреди сцены.

ПИРИМ. Что это с ним?

ДЖЕЙРАН (кричит). Братец, родной!!!

РЁЙЯ. Что с ним, Самир?

БАЙРАМ (трясет бездыханное тело Дэврана). Дэвран?! (Обращается к Эльману.)

Что с ним, Эльман, почему не шевелится?

ПИРИМ. Даже не дышит.

ЭЛЬМАН (сквозь слезы). Током ударило, еле-еле отцепил его от проводки! Со-
всем не дышит... (Плачет.)

РЁЙЯ. Самир, вызывай «скорую». Срочно!

ДЖЕЙРАН. Умер мой брат, да? Вааай... горе мне, горе! (Шлепает ладонями по
коленям, причитает и бросается на тело Дэврана.)

ПИРИМ (пытается отстранить Джейран). Хватит цыганщину разводить!

ЗОХРА. Ай Байрам, закройте ему челюсть. (Тихо шепчет «Фатиху».) Аллахум-
мехфир лиль мёмининэ валь мёминат. Валь муслиминэ валь муслимат. Ля сийяме
иля рухиль махфуриль мелум вэ бихэггиль суратиль мубаракатиль. Фатиха.

ДЖЕЙРАН. О брат мой, родной... На кого ты нас покинул?..

ПИРИМ. Да помолчи ты, наконец!

ЗОХРА. Уложите покойного лицом к кыбле! (Мужчины ворочают тело покой-
ного куда попало. Зохра упрекает их и указывает верное направление кыблы. Затем
продолжает раздраженно.) Что вы за мусульмане – даже кыблы своей не знаете!

*Самир говорит по телефону. Вызывает «скорую помощь».
Все молчат, смущенно потупив взор.*

РЁЙЯ. Отойдите, дайте просочиться воздуху!

*Никто не обращает внимания на Рёйю. В ту же секунду слышится звонок телефона.
Все удивленно переглядываются.*

Звонок становится громче и громче, царапая по нервам.

РЁЙЯ (озлобленно). Чей телефон?! Выключите к чёрту!

Все смотрят друг на друга, а телефон продолжает звонить всё громче.

ЭЛЬМАН. Это его телефон! (Ищет в карманах Дэврана и видит, что телефон
крепко-накрепко стиснут в его ладони.) Стиснут в ладони. (Пытается вырвать мо-
бильник из сведенной судорогой кисти Дэврана.)

Мобильник продолжает непрерывно звонить.

РЁЙЯ. Ну что там, Эльман?

ЭЛЬМАН. Минутку! Его руку свело судорогой, не могу разжать пальцы. *(Насилу разводит пальцы Дэврана, достает телефон и кладет в нагрудный карман своей рубашки.)*

РЁЙЯ *(раздраженно)*. Да выключи ты эту чертову штуку, она ему больше не понадобится!

ДЖЕЙРАН *(причитает)*. Вааай, мой родной, никому уже не ответишь, вааай!

БАЙРАМ. Джейран, успокойся! Не мешай!

Все стоят, склонившись над всё еще бездыханным телом Дэврана, будто чего-то ждут. Гаснет свет.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Тот же интерьер. В убранстве дома присутствуют элементы траура. Входит Рёйя в сопровождении Тимура. Она в очень элегантном и роскошном траурном одеянии: длинное черное платье, на плечах полуманто из черного меха, на голове черная шляпа с широкими краями. Вуаль шляпы скрывает верхнюю часть ее лица. В одежде Тимура тоже присутствуют траурные элементы. Его внимание полностью сосредоточено на внешности Рёйи.

РЁЙЯ. Как будто я нахожусь во сне, а всё происходящее – спектакль... И я – зритель со слезами на глазах.

ТИМУР. Я бы сказал иначе, Рёйя-ханым. Вы не зритель, а главная героиня этой трагедии. Во всей вашей внешности есть изысканность, аристократизм. На всем протяжении поминок я не мог отвести от вас глаз. Горе и трагедия уродуют многих женщин и даже ставят в смешное положение... Да взять хоть, не в обиду сказано, вашу золовку. Как отталкивающе она выглядела! А вы от скорби и печали выглядели еще благородней, нежней.

РЁЙЯ. Еще вчера, в это же время беседуя тут с вами, я была замужней женщиной. А теперь я вдова. Вдова в черном облачении, со слезами на глазах. О, как я ненавижу это слово – «вдова»!

ТИМУР. Своей участи не избежать, Рёйя-ханым. Кто бы мог подумать, что такая выдающаяся личность, как Дэвран-бей, распрощается с жизнью таким примитивным образом? Ведь он был человеком не из ряда вон, он был сильным и могущественным Дэвраном Аминбейли. Зачем ему понадобилось возиться с электричеством, неполадками, счетчиком?

РЁЙЯ. Да, у покойного имелась такая причуда, Тимур-бей. Он любил возиться дома с обычными мужскими бытовыми делами. А к электричеству проявлял особую симпатию. Радовался, как ребенок, когда удавалось починить утюг, чайник или фен...

ТИМУР. Ах!!! Как торжественно прошла похоронная церемония! Я был очень тронут... даже слезы на глаза набегали. А взять хоть вашу трагическую позу? Боже, будто сама Антигона стояла над могилой матери.

РЁЙЯ *(перебивает его)*. Не матери, а отца.

ТИМУР. Да-да, отца. Масс-медиа были в шоке! Всё внимание сосредоточилось

на вас. Все сайты опубликуют вашу фотосессию. Вы в черном платье, охваченная скорбью... Я так волнуюсь, когда представляю заголовки: «Вдова-миллионерша!», «Изысканная вдова в элегантном наряде», «В траурном одеянии»... Вдобавок и меня упомянут.

РЁЙЯ. Что правда, то правда, Тимур-бей! Интернет-медиа превращает в шоу даже людское горе. Снимите мою шляпу, хочется перевести дух. Я не умею снимать ее аккуратно, мну...

ТИМУР (*аккуратно снимает ее шляпу*). Жаль, церемония окончилась рано, вам так к лицу этот наряд. Все стали свидетелями настоящего поминального перформанса. На европейский манер.

РЁЙЯ. Ах, Тимур-бей, я об одном, ты о другом. В эту минуту все мои думы о более серьезных вещах.

ТИМУР. Прекрасно вас понимаю, разделяю ваше горе.

РЁЙЯ. Как я проживу дальше без Дэврана, о Господи?..

ТИМУР. Осмелюсь предположить... что вы его не любили и даже...

РЁЙЯ. Да, не любила, даже ненавидела... но после его смерти, особенно сегодня утром увидев его тело в гробу, я впервые почувствовала себя одинокой, беззащитной, стала бояться и опасаться людей. Уже вчера, спустя всего час после того ужасного происшествия, я почувствовала, что люди, прежде обходившиеся со мной вежливо и почтительно и даже лстиво, полностью переменились. И в первую очередь моя золовка Джейран – аферистка, которая триндела как деревенщина, лишь бы понравиться Дэврану. «Почему ты не плачешь, не причитаешь, Рёйя-ханым, – говорит она мне в лицо, – разве не у тебя муж умер?»

ТИМУР (*хитро*). А что говорит Самир-бей?

РЁЙЯ (*сердито*). При чем тут Самир?

ТИМУР (*осторожно*). Рёйя-ханым, я очень чувствительный, мне хватает одного взгляда мужчины.

РЁЙЯ. Ах, Тимур-бей, ты единственный человек, с кем я говорю открыто.

ТИМУР. Благодарю за доверие...

РЁЙЯ. Но боюсь, что...

ТИМУР (*фамильярно*). Рёйя-ханым, буду молчать, как могила...

РЁЙЯ. Я уже давно никому не доверяюсь всей душой, Тимур-бей. Как поговаривал покойный Дэвран, обхожусь с людьми по принципу: «Даю-получаю» и потому не строю далеко идущих иллюзий.

ТИМУР. Я вами восхищен, Рёйя-ханым, позвольте поцеловать вам руку (*Целует ей руку.*)

САМИР (*входит с траурным портретом Дэврана, окидывает Тимура недовольным взглядом*). Рёйя-ханым?!

ТИМУР. Разрешите уйти, Рёйя-ханым. У меня эксклюзивная идея для третьего дня поминок. Можем обсудить завтра в удобное для вас время.

РЁЙЯ. Благодарю, Тимур-бей! (*при виде Самира Тимур теряется, затем уходит, но не в ту дверь.*) Тимур-бей, дверь напротив.

Тимур в растерянности выходит.

САМИР (*обращаясь к Рёйе*). Я чуть ли не ревную тебя к нему!

РЁЙЯ. Мог бы сказать что-нибудь поумнее.

САМИР (*подходит вплотную к Рёйе*). В траурном платье ты выглядишь еще сексуальной. (*Хочет ее поцеловать.*)

РЁЙЯ (*отстраняет его рукой*). Его душа еще здесь.

САМИР. Это что за новость? Когда его тело и душа находились здесь, в этом доме, мы с тобой вытворяли сумасшедшие вещи, а сейчас из-за какой-то виртуальной души... (*Не договаривает и снова пытается ее поцеловать.*)

РЁЙЯ (*снова отстраняет его рукой*). При его жизни я относилась к нему иначе. А после его смерти многое изменилось.

САМИР. И вправду, понять женщину обычной логикой непросто.

РЁЙЯ. В особенности для того, у кого логика хромает.

САМИР. Хочешь сделать мне больно? Не получится.

РЁЙЯ. Почему же?

САМИР. Потому что я тебя очень люблю.

РЁЙЯ. Давно не слышала от тебя этих слов.

САМИР. У нас будет еще много времени поговорить об этом, теперь давай перейдем к неотложному делу.

РЁЙЯ. Верно, надо подумать, где и как устроить поминки.

САМИР. Я не о том. Это обсудим позже.

РЁЙЯ. А ты о каком неотложном деле?

САМИР. Речь о миллионах! Неси сюда его завещание. Одна копия у нотариуса, другая здесь, в его личном сейфе, а ключ, как он сам сказал, у тебя.

РЁЙЯ. Если даже не у меня, я знаю, где он лежит.

САМИР. Отлично! По-твоему, мы должны делить миллионы между этими проходимцами – его родичами?

РЁЙЯ. Делим не мы, делит владелец денег и завещания. Мы просто получим то, что нам причитается. К тому же говорить об этом еще рано. Мы только-только похоронили бедолагу. И перестань крутиться вокруг меня, все начеку.

САМИР. А кого уже бояться? Пусть что хотят, то и думают. Ты мне прямо скажи: что думаешь делать дальше?

РЁЙЯ. Ничего не думаю, всё уже продумано Дэвраном. А к криминальным делам душа не лежит. Каждый получит то, что ему причитается, и как можно скорее.

САМИР. Почему ты так спешишь?

РЁЙЯ. Хочу поскорее от них избавиться, в особенности от Джейран. И прямо сегодня! Прямо сейчас.

САМИР. Рёйя, ты спятила! Ведь мы можем прибрать к рукам все эти деньги.

РЁЙЯ. Как? Как ты это себе представляешь?

САМИР. Ты законная жена Дэврана на протяжении долгих лет! По закону ты наследуешь всё его состояние и имущество!

РЁЙЯ. А как же копия завещания у нотариуса? Ведь все о ней знают.

САМИР (*елейным голосом*). Рёйя, я могу уничтожить эту копию... Это мне по силам! Поверь!..

РЁЙЯ. А дальше?

САМИР. Все деньги будут твоими. Мне даже известна общая сумма.

РЁЙЯ. Откуда? Ты видел завещание?

САМИР. Нет, не видел, но покойный как-то обмолвился, что сумма составляет сто шестьдесят миллионов.

РЁЙЯ. Допустим, все деньги – мои, ты-то что с этого имеешь?

САМИР (*удивленно*). Как что? Разве мы не вместе? Мы ведь поженимся...

РЁЙЯ. Поженимся? Откуда ты это взял?

САМИР (*удивленно*). Как откуда? Это ведь всегда было нашей общей мечтой?

РЁЙЯ (*раздраженным тоном*). Никогда!

САМИР. Никогда? Как же так, Рёйя? Ты меня не любишь? Не хочешь выйти за меня?

РЁЙЯ. Я остерегалась тебя еще при жизни Дэврана. А после его кончины... Я никогда тебе не доверяла.

САМИР. Значит, ты до сего дня просто пользовалась мной? Сладкие слова, которые ты шептала мне на ухо, обвив мою шею руками, твои страстные поцелуи – всё было ложью?

РЁЙЯ. Отчего же? Я просто говорила то, что чувствовала, вот и всё!

САМИР. Как же я в тебе ошибался!

РЁЙЯ. Это уже твоя проблема.

ДЖЕЙРАН (*доносится ее голос*). Братец, родной... Сердце мне исполосовал... Душу мне растерзал... Стан мой согнул, в слезах всю оставил...

САМИР. Ты отдашь все деньги этим кретинам?

РЁЙЯ. Эти, как ты выразился, кретины – родственники Дэврана, которых он очень любил.

Входят Джейран с Пиримом, за ними Байрам с Зохрой. У Джейран от плача опухли глаза. Понять, что думает Пирим, невозможно. Байрам тоже относительно спокоен. Губы Зохры непрерывно что-то шепчут. Зохра останавливается перед портретом Дэврана и читает фатиху: «Рахималлаху мэн гариаль Фатихата массалават».

ДЖЕЙРАН. Где эта филиппинка, как ее там, Дульсинея, что ли? У меня рот пересох от плача, пусть принесет стакан чаю.

Входит Делисай со стаканчиками чая на подносе по числу присутствующих, в полнейшем молчании подходит по одному ко всем собравшимся, предлагая чаю.

ПИРИМ (*указывает Делисай на Джейран*). Вот той ханым, ей хочется попить.

Рёйя отходит от Самира и стоит в сторонке.

ДЖЕЙРАН (*берет стакан чаю*). Спасибо, ай... как тебя звать-то? Как ее там, Рёйя?

РЁЙЯ. Ты уже назвала ее Дульсинеей!

ПИРИМ. Женщина, хватит! О чем ты только думаешь? Какая тебе разница? пей свой чай и возноси хвалу Аллаху.

ДЖЕЙРАН. Как хороши эти безмолвные, безропотные служанки! А наша Гюля только и делает, что валит на нас все проблемы своих родичей: устрой того-то в больницу, получи для того-то инвалидную карточку, найди тому-то работу... Свои дела забросили, ее проблемами занимаемся. Братец, милый... Родной мой, родной... (*Причитает высоким голосом.*) Умереть бы мне, не встать... (*Очень ясным, бодрым голосом.*) Байрам, брат предчувствовал свою близкую смерть, знал на все сто. Братец, родненький... На кого ты нас покинул?.. На кого ты нас сырых оставил?..

БАЙРАМ. Хватит бередить нашу рану... Сил уже нет...

ДЖЕЙРАН. Как мне не плакать? Такого брата потеряла... Как мне не причитать? Я несчастная только что Дэврана похоронила... Как можно было отдать в руки смерти такого брата?.. Нельзя было, нельзя! Здоровый, дюжий мужчина на ровном месте отдал Богу душу... Горю я, горю, полыхаю вся, места себе не нахожу... *(Рыдает.)*

БАЙРАМ *(прижимает платок к глазам)*. Милый наш брат, смелый брат, щедрый брат. Стан нам согнул, сердце разбил...

ПИРИМ. А мы вчера, знай, твердили: что если умрем раньше тебя, как тогда быть с нашей долей завещания?

ДЖЕЙРАН. Да отсох бы у меня язык, когда я это сказала! *(Рвёт на себе волосы, царапает лицо.)* Онеметь бы мне при этих словах, умереть – не встать!

БАЙРАМ. Каким уважением пользовался Дэвран! Кто только ни пришел проводить его в последний путь?!

ДЖЕЙРАН. И я о том же, Байрам! Одно загляденье – пришли все министры!

БАЙРАМ. И депутаты в придачу! И все, как один, опечаленные, расстроенные. Будто скончался самый их близкий человек.

ПИРИМ. Двадцать девять ровно, из них четыре – женщины, наш старшой считал и записал поименно.

САМИР. Прождали бы еще день, так яблоку негде было б упасть. Многие еще не в курсе. Телефон просто разрывался от звонков.

ДЖЕЙРАН. А на третий день сколько народу придет! Эх, был бы жив-здоров – сам увидел бы...

ПИРИМ. Женщина, не мели ерунду! Зачем тут всему честному народу собираться, будь он жив?

ДЖЕЙРАН. Я не в себе, не знаю, что несу! Брат, родной, милый, родной... роденький...

БАЙРАМ. Будь он болен, попади в аварию – было б не так досадно... Смерть неизбежна... А то... Монтером заделался... Почему я его не удержал? Чтоб мне провалиться!

ПИРИМ. Не уберегли мы его!

ЗОХРА. Никто не виноват, значит, так было предначертано, значит, такова воля Всевышнего. Никто не приходит в этот мир и не уходит из него по своей воле. Всё в руках Аллаха, выступить против Него – невежество и грех.

ДЖЕЙРАН. И что, Зохра-ханым, нам теперь не плакать по родному брату? По-твоему, мы должны радоваться его смерти?

ЗОХРА. Астахфуруллах! Умершего оплакивать надо, мы и имамов наших оплакиваем, но при условии смирения перед волей Аллаха, иншаллах!

Джейран, тихо постанывая, пьет чай. Входит Эльман с портретом Дэврана в руках, который он, по указке Рёйи, ставит на стол, а затем присаживается на стул.

Рёйя становится перед портретом Дэврана в черной рамке и обращается к собравшимся родственникам печальным голосом.

РЁЙЯ. Прошу вас выслушать меня. *(Воцаряется тишина.)* Все мы очень любили Дэврана, любили как брата, как мужа, деверя, зятя, друга. Он был опорой всем нам. Но против судьбы не пойдешь. Мы его не уберегли, мы его потеряли. Единственное утешение – мы похоронили Дэврана со всеми приличиями, с тем размахом, которого он заслуживал. Да упокоит его душу Аллах. *(Все повторяют «Да упокоит его душу»)*

Аллах».)

ЗОХРА (*перебывает Рёйю*). Верно, сестрица Рёйя, мы проводили его в последний путь со всеми почестями! Да смилостивится над ним Всевышний! Иншаллах, так же достойно справим и следующие поминки.

РЁЙЯ. Удивительное совпадение, даже поверить трудно. Это ужасное происшествие случилось спустя всего час после того, как он сказал нам о своем завещании. Сильный, могущественный Дэвран умер такой примитивной смертью...

ДЖЕЙРАН (*разгневанно смотрит на Рёйю и перебывает ее*). Эй ты, почему это примитивной? Не умаляй достоинства моего брата.

ЗОХРА. В этом мире ничто не случайно, сестрица Рёйя. Братец Дэвран поступил по велению Всевышнего. А выступать против предначертанного – не наше дело, бедняге была уготована именно такая участь.

ДЖЕЙРАН. Пусть сломалось бы перо того, кто написал такое предначертание!

ЗОХРА. Бунтовать против Аллаха – грех, сестрица Джейран.

ДЖЕЙРАН. Да хватит тебе пугать нас этими грехами! И рта не даешь людям раскрыть.

ЗОХРА. Астахфуруллах! Кто я такая, чтоб вас запугивать? Я лишь предупреждаю. Повторяю то, что передали наши пророки.

ДЖЕЙРАН. Братец, родной, умереть бы мне, не жить! Кормилец ты наш! Миллионерами всех нас оставил!

РЁЙЯ (*пресекает перепалку Зохраны и Джейран*). Перестаньте! Здесь вам не базар. Дайте мне высказаться. Я как вдова Дэврана беру инициативу в свои руки и хочу ознакомить вас с его завещанием. Пусть, наконец, все узнают, кому и сколько завещал Дэвран.

*Джейран замирает с разинутым ртом. Воцаряется глубокая тишина.
У всех меняется мимика на лице.*

ЭЛЬМАН. Рёйя-ханым, может, ознакомимся с документом после сороковин?

Все недовольно смотрят на Эльмана.

РЁЙЯ. Нет, Эльман-муаллим, я решила полностью и окончательно. Я не могу нести на плечах этот груз еще сорок дней. Вдобавок, мы должны сделать выводы из скоропостижной смерти Дэврана. Он совершенно не помышлял о смерти.

ЗОХРА. Верно, смерть приходит неожиданно-негаданно.

ДЖЕЙРАН (*шепотом*). Пирим, что-то сердце разболелось, валидола не найдется?

ПИРИМ. Нет, последнюю таблетку сам принял.

ДЖЕЙРАН. Наш пострел везде поспел! (*Отпивает глоток чая.*)

Рёйя уходит за завещанием в комнату с сейфом. Чуть спустя взволнованно возвращается с пустыми руками. Собравшихся охватывает тревога при ее виде. Она ищет повсюду, а родственники бегут за ней. Но найти документ Рёйе не удастся. Она даже спрашивает у Делисай. Делисай не дает ответа, мотает головой. Внезапно Рёйя спохватывается, вспомнив о своей сумочке. Она бежит к сумочке, лежащей на столе. Все удрученно спешат за ней. Им кажется, что завещание утеряно. Рёйя то-ропливо раскрывает сумочку и достает из нее большой запечатанный конверт.

«Нашла?» – спрашивают радостно родственники. А Рёйя даже в лицо им не смотрит.

РЁЙЯ. Садитесь! Самир, ты тоже присядь, хватит ходить из угла в угол! Эльман-муаллим, подойдите.

Подходит Эльман. Рёйя передает ему конверт и тихо что-то говорит.

ДЖЕЙРАН (*шепчет Пириму*). За все эти долгие годы я так и не смогла ее раскусить!

ПИРИМ. В каком смысле?

ДЖЕЙРАН. В таком! Так и не поняла: умна она или дура, глупа или хитра?!

ПИРИМ. Да сам Дэвран ее не раскусил. Он обводил вокруг пальца самых сильных, могущественных людей, а при виде этой женщины превращался в покорного раба.

ДЖЕЙРАН. Эй, следи за своим языком!

РЁЙЯ. Эльман-муаллим, вскройте этот конверт здесь и сейчас, у всех на глазах. Дорогие наследники, смотрите, конверт с завещанием вскрывается у вас на глазах. На конверте имеется печать.

ЭЛЬМАН (*обращаясь к Рёйе*). Благодарю за доверие, Рёйя-ханым!

Глаза у всех устремлены на конверт в руках Эльмана. Эльман держит конверт на свет и аккуратно его вскрывает в нужном месте. Вынимает сложенный надвое лист. Отчетливо видно, как у него дрожат руки.

ЭЛЬМАН. Прочеть?

БАЙРАМ (*перед нами уже совсем другой Байрам. Далеко не тот, который вчера славословил брата и готов был отдать за него жизнь*). Читай, конечно! Лишних слов не надо.

ДЖЕЙРАН. Пирим, мне что-то тяжело.

ПИРИМ. А кому сейчас легко?!

ДЖЕЙРАН. Умираю совсем!

ПИРИМ (*нетерпеливо*). Не время умирать, Джейран, погоди! Дай узнать, сколько нам причитается.

Эльман краем глаза смотрит на Рёйю, ожидая от нее знака.

РЁЙЯ. Читайте, Эльман-муаллим!

ЗОХРА. Бисмиллахир-рахманир-рахим!.. (*Ее губы безмолвно шевелятся.*)

ДЖЕЙРАН (*раскачивается взад и вперед на своем стуле и непрерывно шепчет*). Братец, братец...

ЭЛЬМАН. До того, как зачитать завещание, хочу напомнить вам одно пожелание покойного Дэвран-муаллима.

ПИРИМ (*нетерпеливо*). Байрам, скажи этому человеку, что мы всё помним.

ЭЛЬМАН. Дэвран-муаллим, ставя нас в известность о данном завещании, сказал следующее: «Не обсуждайте, кому и сколько я оставил, не вините ни меня, ни кого-либо другого. Довольствуйтесь своей долей».

БАЙРАМ (*постепенно теряет терпение*). Это понятно. Что дальше?

ЭЛЬМАН. Никаких «дальше»! От Дэврана уже никогда не поступит новых инструкций и указаний. *(Прижимает платок к прослезившимся глазам.)*

ДЖЕЙРАН *(готова ринуться на Эльмана)*. Хватит театр разыгрывать.

РЁЙЯ *(нервно)*. Эльман-муаллим, пожалуйста, зачитайте завещание.

ЭЛЬМАН *(читает)*. Я – Дэвран Дурмуш оглу Аминбейли...

САМИР. Может, пропустить эту часть?

БАЙРАМ *(раздраженно)*. Я тоже так считаю. Зачитайте основную часть, Эльман-муаллим! Посмотрим, кому и сколько полагается.

Эльман бросает взгляд на Рёйю, Рёйя выражает согласие легким кивком головы.

ЭЛЬМАН. Моему другу Эльману десять... *(задыхается, у него заплетается язык.)*
десять... *(Сглатывает, но ни звука издать не может.)*

БАЙРАМ *(ошарашенно)*. Эльман, что с тобой?

ЗОХРА. Дайте ему воды!

*Самир быстро реагирует и протягивает ему стакан чая.
Эльман берет стакан трясущейся рукой и отпивает глоток.*

ЭЛЬМАН *(обращаясь к Зохране)*. Благодарю!

БАЙРАМ. Продолжай, аксакал!.. Продолжай... Читай не спеша... Всю душу нам вывернул...

ЭЛЬМАН *(продолжает)*. Десять... десять... десять миллионов... *(Не может удержаться на ногах и рушится на стул.)*

ДЖЕЙРАН *(срываясь на крик)*. Кому? Кому он дает десять миллионов?

ПИРИМ. Самому Эльману.

ДЖЕЙРАН *(рвет на себе волосы, царапает лицо и грудь)*. Чтоб мне провалиться! У меня сердце сейчас разорвется.

РЁЙЯ. Джейран, держи при себе неуместные реплики!

ДЖЕЙРАН *(не обращает внимания)*. Десять миллионов чего? Долларов?

ЭЛЬМАН *(утирает рукавом пиджака стекающий с лица пот)*. Манатов! Дэвран-муаллим завещал мне десять миллионов манатов. Господа, я ему даже не родственник, но... Это... это фантастика! *(Плачет.)*

ПИРИМ *(хочет отобрать документ)*. Ну, Эльман, разве так можно?! Хочешь, чтоб мы совсем концы отдали? Давай сюда эту бумажку!..

РЁЙЯ *(разъяренно)*. Пирим! Не смей даже трогать!

ДЖЕЙРАН. Это еще почему? Пирим чужой, что ли? Или провести нас собрался? Он законный муж родной сестры Дэврана.

РЁЙЯ *(властно)*. Эльман, возьми себя в руки! Если Дэвран не посчитал бы тебя достойным этих денег – не стал бы упоминать в завещании. Возьми себя в руки!

ЭЛЬМАН *(растерянно)*. Прошу прощения, прошу у всех прощения... Даже не верится... я проявил слабость.

ЗОХРА. Скажи «бисмиллах», братец Эльман.

ЭЛЬМАН. Бисмиллах! *(Читает дальше.)* Племяннику Самиму пять миллионов и пятикомнатную квартиру в Бэшмертебе.

САМИР *(мрачнеет, но старается не подавать виду)*. Такие дела! Как это вам, Рёйя-ханым?

РЁЙЯ (*тоном, не терпящим возражений*). Господа, Эльман-муаллим уже повторил просьбу Дэврана. Прошу проявить уважение к покойному, как и он уважил нас.

ЭЛЬМАН. Сестре Джейран...

ДЖЕЙРАН. Родной мой, да будет сестра тебе жертвой!

ЭЛЬМАН. Сестре Джейран...

ДЖЕЙРАН. Умереть бы твоей сестре, не видать этого дня!

ПИРИМ. Да помолчи ты, дай узнать, что тебе оставили!

ДЖЕЙРАН. Эй, чего это ты раскричался?

ПИРИМ. Вместо того, чтобы трындеть о смерти, взяла бы да и померла наконец!

Надоела уже!

ДЖЕЙРАН. Это мне-то помереть, эй?! Пускай враги мои перемрут!

ПИРИМ. Эльман, продолжай!

ЭЛЬМАН. Сестре Джейран...

ДЖЕЙРАН. Братец, родной...

Пирим резко вскакивает и зажимает ладонью рот Джейран.

ПИРИМ. Эльман, скорей, я зажал ей рот... читай...

ЭЛЬМАН. Мужу моей сестры Джейран, зятю Пириму десять миллионов манатов!

ПИРИМ (*отпускает Джейран. Встает и целует Эльмана. От радости невольно прыгает и скачет, как мартышка*). Спасибо, шурин, да смилостивится над тобой Аллах! Хороший улов!

ДЖЕЙРАН (*в шоке*). Какой еще улов?! И ты называешь это хорошим уловом?

ПИРИМ. Джейран, возьми себя в руки, благодари Аллаха!

ДЖЕЙРАН. Погоди, как так выходит, чужаку Эльману – десять миллионов, мужу сестры – тоже десять миллионов? Что он думал, когда писал это, Рёйя? Отвечай, я тебя спрашиваю.

РЁЙЯ (*безразлично*). Я не обязана комментировать пожелание Дэврана.

ЭЛЬМАН (*официальным тоном*). Мы не можем отвечать на данные вопросы, Джейран-ханым.

ДЖЕЙРАН. Что ж, ладно, послушаем дальше, посмотрим, что еще решил наш брат?!

Раздается звонок телефона. Рёйя достает из сумочки мобильник.

РЁЙЯ. Слушаю! Да, это я. Нет, обычная смерть... Не беспокойте меня такими глупыми вопросами! (*Бросает телефон на стол.*) Даже у стен есть уши. Мы еще не ознакомились до конца с завещанием, а они уже всё пронюхали. Хотят узнать, кому сколько полагается.

БАЙРАМ. А кто это вообще?

РЁЙЯ. Пресса! Журналисты!

ПИРИМ. Бедные-несчастные, так они и зарабатывают на хлеб!

ДЖЕЙРАН. Хватит, кончайте! Дайте дослушать.

ЭЛЬМАН. Продолжаю. Супруге моего дорогого брата Байрама, нашей невестке Зохре выделяю десять миллионов манатов и дополнительно пять миллионов манатов на благотворительные цели.

Среди собравшихся наступает переполох. Все глядят друг на друга.

ЗОХРА. Да будет доволен тобою Аллах, братец Дэвран! Да откроются пред тобой двери рая! Я вот уже сколько лет мечтала открыть садик, где детям преподавали бы азы религии. Аллах услышал мой голос, воплотил нашу мечту! Слава тебе, Всевышний, слава Твоей милости! Совершим салават душе братца Дэврана: Аллахун-масалли-эла-Мухаммад-ве-али-Мухаммад!

ДЖЕЙРАН *(кричит в истерике)*. Ей-богу, я этого не вынесу!

РЁЙЯ *(властно)*. Эльман-муаллим!

ЭЛЬМАН. Моей сестре Джейран двенадцать миллионов манатов!

ДЖЕЙРАН. Сколько-сколько, Пирим?

ПИРИМ. Эльман, повтори еще раз, чуть громче, Джейран не расслышала.

ЭЛЬМАН. Моей сестре Джейран – двенадцать миллионов...

ДЖЕЙРАН. Да не глухая я, расслышала всё!

ПИРИМ. Хороший улов!

ДЖЕЙРАН. Да отстань ты со своим уловом! Чужачке Зохре пятнадцать миллионов, а родной сестре всего двенадцать? Он в своем уме это писал?

ПИРИМ. Сказано ведь – вопросов не задавать. Раз составителя завещания в живых уже нет, то и спрашивать не с кого.

ДЖЕЙРАН. Неблагодарный брат... *(Плачет, встает и угрожающе подбегает к портрету Дэврана. Размахивая рукой, спрашивает у портрета.)* Разве плохой сестрой я тебе была? Вот, значит, как ты ценишь свою родную сестру, готовую умереть за тебя? Всего-навсего двенадцать миллионов? Родной-то сестре, готовой голову за тебя сложить, беды твои перенять... Двенадцать миллионов? Тьфу на тебя! Как тебе не стыдно? *(Продолжая плакать, садится на свое место и вдруг спрашивает у Пирима совершенно бодрым голосом.)* Пирим, в долларах?

ПИРИМ *(с сожалением)*. Нет, в манатах!

ДЖЕЙРАН. Увы мне, увy! Кому пожалуюсь, кому поведаю о своей беде?!

БАЙРАМ *(раздраженным тоном)*. Джейран, хватит, ты не одна! Тебе с мужем выделено двадцать два миллиона. Живите, не тужите! Начните новое дело, увеличьте капитал.

ДЖЕЙРАН. Ты тоже не один, Байрам! Одной твоей жене полагается пятнадцать миллионов, а родной сестре – всего десять. Аллах не потерпит такую несправедливость!

БАЙРАМ *(озлобленно)*. Я хоть тебе и брат, но так никогда и не понял, что у тебя на уме. Лишь Дэвран это понимал, а его уже и нет в живых, забрал его Аллах. *(На глаза набегают слезы.)* Эльман, чего ты тянешь?! Давай кончай с этой чертовой бумажкой!

ЭЛЬМАН. Моему брату Байраму пятнадцать миллионов...

ДЖЕЙРАН *(истерично)*. Видал?

ЭЛЬМАН. Выделить Байраму дополнительно пять миллионов. Байрам сам знает, для чего эта надбавка. В скобках написано: «Я тебе верю, брат, как мы договорились»... *(Байрам кивком выражает согласие.)*

ПИРИМ *(переводит взгляд с Байрама на Рёйю)*. Интересная загадка. Какова же разгадка?

САМИР. Разгадка у Байрам-муаллима!

Входит Делисай со стаканами чая, но не уходит, встает в сторонке и наблюдает за ходом событий.

РЁЙЯ. Байрам, что это за пять миллионов, кому они предназначены? О чем вы договорились?

БАЙРАМ (*сдержанно*). Если б мой брат счел это нужным, то всё разъяснил бы в самом завещании, Рёйя-ханым.

САМИР. Но вы-то знаете. Мы тоже имеем права наследников. Да и сумма не-маленькая, пять миллионов, столько же, сколько выделено и мне. Значит, мы имеем право интересоваться.

ПИРИМ. Мне бы тоже хотелось разъяснений.

ДЖЕЙРАН. Тебе-то какая разница? Не тебе ведь причитаются эти деньги!

ЭЛЬМАН. Дорогие родственники, вынужден в третий раз напомнить вам пожелание Дэврана.

РЁЙЯ. Байрам, я тоже хочу знать, кому выделены эти пять миллионов? Почему Дэвран принял такое тайное решение? Может, у Дэврана была на стороне другая семья, а мы ничего не ведали? Может, больше того, у него незаконнорожденный ребенок?

Байрам молчит, понутив голову.

САМИР. Если не узнаем, то можем наложить вето на завещание.

ПИРИМ. Можем поделить эти пять миллионов между собой.

САМИР. Можем вынести вопрос на голосование.

БАЙРАМ (*уверенно и твердо*). Я выполню просьбу брата в той форме, как он этого хотел! Потому вынужден молчать. Слышали, что он вчера сказал? «Ты хороший брат, я тебе доверяю».

САМИР. Если в данном деле не будет открытости, как нам знать, исполнили вы просьбу Дэвран-муаллима или нет? Ведь сам Дэвран, который мог бы вас проконтролировать, уже мертв. Как нам знать, что станется с теми пятью миллионами?

ПИРИМ. Товарищи, друзья, братья, мы члены цивилизной семьи, значит, всё должно происходить демократическим путем и в открытую. Речь идет о миллионах. Каждый из нас вложил свою лепту в зарабатывание этих миллионов. Мы не знали ни дня, ни ночи, трудились до седьмого пота. Всё это вы вчера услышали из уст самого Дэврана.

ДЖЕЙРАН. Ей-богу, если не узнаю, кому даются эти деньги, прям здесь полью себя нефтью и сожгу дотла.

БАЙРАМ. Джейран, ты лучше бензином себя окати! Бензин горит лучше.

ПИРИМ. С ней шутки плохи!

ДЖЕЙРАН. Да как же, как, такой сестре, как я, – всего двенадцать миллионов, а какой-то чужачке (*показывает на Зохру*) пятнадцать миллионов? И мало того, пять миллионов какому-то имяреку? У людей глаза не на затылке. Он что, издевается, что ли? Мои глаза со вчерашнего дня на мокром месте.

РЁЙЯ. Уже на сухом – как только ты получила своё...

ДЖЕЙРАН. Ты на себя посмотри. Может, ты рыдаешь не переставая, пеплом голову посыпаешь, а мы не видим? Люди, как же так? Похоронить такого мужа и ни одной слезинки не уронить? Ей-богу, если Дэвран не умер бы у нас на глазах, я б подумала, что ты его прикончила.

РЁЙЯ. Не жди от глупца умного словца!

БАЙРАМ. Джейран, хватит нести чушь! Пирим, присматривай за женой, пускай держит язык за зубами.

ДЖЕЙРАН (*плачет*). Байрам, родной, ты теперь мой единственный брат!

ПИРИМ. Джейран, хватит перебарщивать! Помолчи-ка, дай понять, чем дело кончается!

САМИР. Байрам-муаллим, слово за вами.

БАЙРАМ. Я обещал брату, что никто не узнает адресата этой суммы. И он мне доверился. Вы слышали сами: «Байрам, я тебе доверяю».

САМИР. Выходит, вы знали о суммах, указанных в завещании?

БАЙРАМ. Нет, абсолютно! Знал лишь то, что мне будут выделены дополнительные средства, а вот с какой целью – это тайна. И я не могу эту тайну раскрыть!

ДЕЛИСАЙ. Я могу раскрыть эту тайну, мистер Байрам!

Все оборачиваются и ошарашенно смотрят на девушку.

ДЕЛИСАЙ (*с иноязычным акцентом*). Не удивляйтесь, господа, я прекрасно владею вашим языком.

ПИРИМ. А говорили, она ни бу-бу, совсем немая?

БАЙРАМ. Делисай-ханым, молчите, никто у вас ничего не спрашивает.

ЗОХРА. Байрам-муаллим, ты даже имя ее знаешь?

БАЙРАМ. Знаю, Зохра-ханым.

РЁЙЯ. Я ничего не понимаю! Какое отношение имеет Дэвран к этой женщине, и причем тут деньги?

САМИР. Кажется, я понимаю, как говорится, «шерше ля фам»!

ДЖЕЙРАН. Будь я проклята, если хоть что-то во всём этом смысле!

ДЕЛИСАЙ. Мистер Байрам, после смерти Дэврана скрывать положение дел не имеет смысла. Джентльмены, пять миллионов манатов завещаны мне. Дэвран уже давно поставил меня в известность.

РЁЙЯ. Дэвран? Ты называешь его по имени?

ДЕЛИСАЙ. Конечно, мадам! Дэвран – отец Дату!

ДЖЕЙРАН. Кто такой этот Дату?

ДЕЛИСАЙ. Дату – мой сын! Наш с Дэвраном сын! Аминбейли Дату Дэвран оглу. Этой осенью ему исполняется пять, жаль, Дэврану не суждено увидеть того дня.

Потрясенная Рёйя охватывает голову и бессильно падает на стул.

ЗОХРА. Слава тебе, Всевышний!

БАЙРАМ. За что ты Его славишь?

ЗОХРА. Как это за что? У братца Дэврана оказался наследник, сын, который продолжит его род.

ДЖЕЙРАН. А чего это ты назвала его Дату, эй?! Почему именем моего отца не назвали?!

ПИРИМ. А как язык повернется его именем назвать?!

ДЖЕЙРАН. Что, плохое имя, слух твой режет?

ПИРИМ. Женщина, если назвали б его Дурмушем, опозорили бы на все Филиппины.

ДЖЕЙРАН. Пирим-муаллим, грамотей ты наш, что плохого в имени Дурмуш?

ПИРИМ. Тебе лучше знать, Джейран! У людей тут трагедия разыгрывается, всё тайное стало явным, а ты за имя цепляешься!

САМИР. Рёйя-ханым, вы ничего не знали обо всём этом бардаке?

РЁЙЯ. Я что-то такое подозревала, но никогда не поверила бы, что Дэвран может мне изменить. Тем более с прислугой.

ДЕЛИСАЙ. Он очень меня любил и с огромной любовью обучил меня вашему родному языку. Каждую ночь он давал мне уроки.

РЁЙЯ. Где?

ДЕЛИСАЙ. В моей комнате.

РЁЙЯ (*чуть ли не плача*). Как я прозвала весь этот кавардак у себя под носом?

ДЕЛИСАЙ (*на особый манер*). Мадам, когда вы по нескольку раз в год гуляли по курортам, Дэвран обучал меня азербайджанскому языку.

ДЖЕЙРАН. Ну и ну! Пирим за тридцать лет не смог обучить меня и трем английским словам, а эта вертихвостка взяла и выучила наш родной язык.

ПИРИМ. Женщина, какой там английский, я тебя толком и азербайджанскому не смог обучить!

ДЕЛИСАЙ. Дэвран был очень талантлив. Он смог бы научить даже самую тупую женщину.

ДЖЕЙРАН. Эй, кто это тут тупая?

ПИРИМ (*шутя*). Она о тебе.

ДЕЛИСАЙ. Когда он узнал, что у нас будет ребенок... Я никогда в жизни не видела такого радостного, счастливого мужчину. Он взял меня на руки и кружил без усталости! Затем уложил на кровать и...

ЗОХРА (*не дает ей договорить*). Доченька, а где сейчас ваш ребенок?

ДЕЛИСАЙ. Прошу, не перебивайте, самое интересное случилось потом. Я сказала ему, что не хочу ребенка. И тогда Дэвран влепил мне такую пощечину, что у меня искры из глаз посыпались. Он сказал, если с ребенком случится плохое, то мне не жить на белом свете. Но я не хотела, боялась.

РЁЙЯ. Чего ты боялась?

ДЕЛИСАЙ. Не чего, а кого. Я боялась вас, мадам!

ДЖЕЙРАН. Да уж, как же! Отобрала у жены законного мужа в их же доме, в том же доме родила от него, а сейчас говорит «я вас боялась».

ДЕЛИСАЙ. Дэвран сказал мне, что я должна родить ему наследника, что его род должен продолжиться. Еще он добавил, что уже стар и, возможно, не увидит повзрослевшего юного Дату, но он обещал, что полностью обеспечит его и мое будущее.

РЁЙЯ. Где сейчас ребенок?

ДЕЛИСАЙ. Дату сейчас далеко отсюда, он на Филиппинах, с моей матерью. Дэвран велел увезти его в безопасное место. На семилетие он собирался отправить его в Лондон. Ничего, я сама исполню его пожелание.

РЁЙЯ (*разъяренно кидается на Делисай*). Филиппинка... собирай манатки и убийся ко всем чертям. Даю тебе час! Подлая тварь...

ДЕЛИСАЙ. Всё равно после Дэврана я не собиралась оставаться в этом доме. Квартиру я уже сняла! Мистер Байрам, вот моя визитка (*Протягивает Байраму свою визитную карточку и уходит*.)

ДЖЕЙРАН. Наша Гюля – ангел по сравнению с этой тихоней! Тихоня, как же! В

тихом омуте черти водятся.

БАЙРАМ (*обращаясь ко всем присутствующим*). Есть еще вопросы?!

РЁЙЯ. Есть и много, мистер Байрам, но я ни одного не задам.

БАЙРАМ. Я берег тайну своего брата и, признаюсь, радовался появлению ребенка, потому и с удовольствием принял участие в этом деле. Дату станет продолжателем нашего рода, ведь и у меня нет сына.

РЁЙЯ (*плавным тоном*). Самир-бей, наверно, ты уже убедился, что женщина, говорившая об отсутствии любви в этом мире, была не так-то глупа. В конце концов, всё сводится к тому, чтобы давать и получать! Голова разболелась, ухожу...

САМИР. Но ведь Эльман еще не дочитал список.

РЁЙЯ. Верно, осталось лишь мое имя, но это меня совсем не интересует.

ЭЛЬМАН (*читает*). Моей жене Рёйе-ханым завещаю пятьдесят миллионов манатов и виллу, в которой мы сейчас проживаем.

Все смотрят на Рёйю с завистью и удивлением. Рёйя тоже несколько удивлена.

РЁЙЯ (*с горькой иронией*). Поздравляю всех вас! Как бы это ни было горько, мы должны признать, что смерть одного человека осчастливила почти дюжину людей, сделав их людьми состоятельными.

ДЖЕЙРАН. Братец, родной... Милый, родненький...

Звонит мобильник Рёйи на столе. Рёйя безразличным жестом берет телефон и, не глядя на экран, отвечает на звонок.

РЁЙЯ. Алло! Кто это? (*Приходит в волнение.*) Не понимаю... Как? Ты... ты... (*Хочет быстро выключить телефон, но в спешке нажимает на громкоговоритель. Всем становится слышен сиплый, глуховатый мужской голос. Разобрать, что он говорит, почти невозможно.*)

ДЖЕЙРАН. О, Господи, пошли мне смерть!

ПИРИМ. Чей это голос, сестрица?

БАЙРАМ (*взволнованно*). Дэвран? Это запись, диктофон?

ЗОХРА (*удивленно*). Бисмиллах!

САМИР (*озлобленно*). Заткните этого хулигана! (*Берет телефон со стола.*)

ЭЛЬМАН (*пресекает его попытку*). Не трогай!

ДЭВРАН (*глухой, задыхающийся голос по телефону*). Рёйя... это я, спаси меня, задыхаюсь...

ДЖЕЙРАН. Кто задыхается, Пирим? Кто это над нами издевается?

ДЭВРАН (*голос по телефону*). Вытащите меня отсюда...

ЭЛЬМАН. Что за глупая шутка?! (*Берет телефон.*) Алло! Алло, вот попадешься мне...

ДЭВРАН (*голос по телефону*). Эльман?! Эльман, это я, Дэвран... задыхаюсь... нечем дышать... где я?

ЭЛЬМАН. Но ведь этого просто не может быть! Я...

БАЙРАМ. Давай сюда этот мобильник, посмотрим, с какого номера звонят. (*Отбирает у Эльмана телефон.*) Кто это смеется над нашим горем? (*Торопливо нажимает на кнопки.*) Мерзавец! Звонит со скрытого номера.

ЭЛЬМАН (*взволнованно*). Дэвран тоже пользовался скрытым.

РЁЙЯ (*равнодушно*). Мне он всегда звонил с открытого.

ЗОХРА (*взволнованно*). Оттуда назад дороги нет, но... Аллах знает лучше...

Раздается тревожный звонок телефона в руках Байрама.

От неожиданности он его роняет.

ПИРИМ (*в панике*). Если тот же номер, не отвечай!

БАЙРАМ (*смотрит на экран сотового*). Тот же! Скрытый номер.

ЭЛЬМАН (*взволнованно*). Может, ответим?

ЗОХРА. Дайте мне с ним поговорить, сказать ему пару слов.

Байрам передает телефон Зохране.

ЗОХРА. Да! Нет, это не Рёйя-ханым, можешь мне сказать... Бисмиллахир-рахманир-рахим... Это его голос! Голос братца Дэврана... (*Зохране становится дурно, телефон выпадает из ее руки.*) Байрам!..

БАЙРАМ. Что ты говоришь, Зохрана-ханым? (*Берет ее за руку и сажает на стул.*)

Голос Дэврана... Разве он жив? Мы же похоронили его пару часов назад?

ДЖЕЙРАН (*кидается вперед*). Давайте сюда этот мобильник, я узнаю голос брата среди тысячи мужских голосов. (*Пирим передает ей телефон.*) Алло! Кто это, что за сволочь?.. Да ты не гони, помедленней, с толком, с расстановкой... Кто такой будешь, чего от нас хочешь? Сволочь ты этакая, соль на рану нашу сыплешь! Чтоб тебе провалиться!.. Чего? Твоя сестра Джейран? Как, как ты сказал? (*Поднимает вопль.*) Дэвран, родной, чтоб мне белого света не видать!.. (*Падает в обморок.*)

САМИР (*нервно*). Да что там городит этот подонок, что все падают в обморок? (*Хватает телефон.*) Слушай сюда, тварь, сейчас вычислю, кто ты такой, и сотру в порошок! И тебя, и весь твой род, падла!.. Выблядок... (*обращается к присутствующим*) прошу прощения. Разве Дэвран жив, чтобы еще и звонить нам?.. Ничего, не умер, значит, скоро подохнешь, как собака! (*Отключает телефон.*) Вот подонки!

РЁЙЯ (*испуганно*). Что он говорит?

САМИР. Я тут говорю... Вы всё слышали, повторять не стану! А он крутит шарманку: вытащите меня отсюда, дышать нечем.

ЗОХРА. Астахфуруллах!

БАЙРАМ (*недоуменно*). Проклятье! Не похорони я его своими же руками и вправду подумал бы, что это Дэвран.

ДЖЕЙРАН (*приходит в сознание*). Байрам, клянусь могилой отца, это голос Дэврана! (*Плачет.*) Как только он сказал «Сестра, Джейран», так я и сразу упала в обморок...

ПИРИМ. Не дури, Джейран! Сейчас пародистов развелось немерено. Видать, это какой-то умелый пересмешник.

БАЙРАМ (*беспокойно*). Но кому и почему надо нас разыгрывать? В чей огород мы бросили камешек? Если враг, что это за вражда такая, что за месть?

САМИР. Странно, этот подлец и меня узнал, назвал по имени.

ДЖЕЙРАН (*встревоженно*). А может, и вправду это Дэвран?

ПИРИМ. Черт возьми! Женщина, разве Дэвран жив, чтобы еще и звонить? Откуда взялась в могиле телефону?

РЁЙЯ (*вздрагивает*). Телефон? (*Пауза.*) Эльман?! Где телефон Дэврана, я его отдала вам?

ЭЛЬМАН. Телефон? О Господи! *(Шлепает ладонью по лбу.)* Телефон...

РЁЙЯ. Эльман, я о телефоне Дэврана в золотом корпусе.

ЭЛЬМАН. Он был у меня, но...

САМИР. Что «но»?

ЭЛЬМАН. Когда мулла читал молитву, он сказал, что один из близких людей покойного должен спуститься в могилу. Никто не шелохнулся, вот я и спустился туда, а когда наклонился над телом Дэврана, телефон выскользнул из моего нагрудного кармана и упал напрямиком ему на лицо.

БАЙРАМ. А что дальше?

ЭЛЬМАН. Потом я исполнил указания муллы... И, наконец, вышел из могилы, о телефоне даже не вспомнил.

БАЙРАМ. Телефон остался в могиле?

ПИРИМ *(бешено)*. Как? Ты оставил в могиле телефон с золотым корпусом и бриллиантовой инкрустацией?

ЭЛЬМАН. Когда я вспомнил о телефоне, уже было поздно, могилу закопали.

САМИР *(недоверчиво)*. И мы должны верить этой байке?

ЭЛЬМАН. Лично ты можешь не верить, но факт есть факт.

РЁЙЯ. По твоим словам выходит, что Дэвран звонит с того самого телефона?

ЭЛЬМАН. Выходит, что да, но сейчас этим разговорам не место, надо спешить.

Раздается звонок, но это не сотовый Рёйи. Все переглядываются.

Звук раздается из кармана Эльмана.

ЭЛЬМАН *(торопливо и взволнованно шарит дрожащими руками по карманам в поисках телефона. Наконец, достает, тут же смотрит на экран и чуть ли не вскрикивает)*. Тот же самый!

САМИР. Откуда знаешь?

ЭЛЬМАН. Скрытый номер!

БАЙРАМ. Ответь!

ЭЛЬМАН *(дрожащим голосом)*. Алло! Алло, слушаю... Алло... *(Байраму.)* Не может говорить, хрипит, задыхается... *(Кричит.)* Дэвран! Дэвран, это ты?.. Говори, Дэвран... Иду, сейчас же, брат, иду...

БАЙРАМ *(в панике)*. Куда идешь, Эльман, что он сказал? Кто это?

ЭЛЬМАН *(взволнованно)*. Не может говорить, кажется, задыхается, но это точно – звонит сам Дэвран.

РЁЙЯ *(властно)*. Что ты хочешь сказать?

ЭЛЬМАН *(Рёйе)*. Надо спешить, он снова может умереть!

ПИРИМ. Эльман, ты чего, спятил? Мы его заживо похоронили, что ли?

ЭЛЬМАН. Такое случается, часто случается, если закопать в землю человека, которого ударило током, он может очнуться.

САМИР. Ты с ума сошел? Разве такое возможно?

ЗОХРА. Всё в руках Аллаха.

САМИР. Прошли целые сутки с его смерти, человек уже пару часов в могиле, где нет ни воздуха, ни света.

ДЖЕЙРАН. Братец, родной! *(Шлепает ладонями по коленям.)*

ЭЛЬМАН *(поспешно)*. Сейчас не время обсуждений, Байрам... Я ухожу, я должен его спасти.

РЁЙЯ (*потрясенно*). Погоди, Эльман! Ты хочешь сказать, что Дэвран стал упырьём?

ЭЛЬМАН (*уверенно*). Почему это упырьём? Он очнулся от шока! Я ведь сказал, если закопать в землю человека, которого ударило током, он может очнуться...

Все беспокойно и тревожно переглядываются.

ПИРИМ. Да какая там разница? Упырь и в Африке упырь!

ДЖЕЙРАН. Упаси нас Аллах от такого позора!

ЭЛЬМАН. Позор? Да ведь это настоящее счастье! Дэвран-муаллим очнулся и возвращается домой. Вы не рады?

БАЙРАМ. Что ты несешь? Эльман, все уважаемые люди города участвовали в похоронах Дэврана, все крупные газеты дали некрологи, и после всего этого ты говоришь, что Дэвран восстал из мертвых? Дэвран стал упырьём? И это, по-твоему, не позор?

ДЖЕЙРАН. Пусть враги наши упырями станут! Мужчины нашего рода всегда умирали достойно! Отец мой Дурмуш, машаллах, отдал Богу душу, как настоящий мужчина.

ЭЛЬМАН (*беспокойно*). Говорите, что хотите, я должен его спасти (*Хочет уйти*).

БАЙРАМ (*командует*). Стоять! Тут брат Дэврана, сестра, законная жена...

ПИРИМ. Зять, невестка...

БАЙРАМ. Тут его близкие родственники. А ты чего распоясался? Ты собираешься раскопать могилу моего брата? Не знаешь, что это преступление? Ты был другом Дэврана при его жизни. Дэвран умер – и дружбе конец! Свою долю ты получил сполна! Иди, благодари Аллаха! По сути, те десять миллионов Дэвран выделил тебе из нашей доли. По правде, ты не имеешь никаких законных прав на те десять миллионов.

ЭЛЬМАН (*умоляет*). Поймите, мне ничего не надо, не хочу никаких миллионов, я должен спасти Дэврана, это мой долг (*Хочет уйти*.) Мы с ним хлеб-соль делили.

САМИР (*задерживает его*). Да что ты за тварь? Как ты смеешь ворошить могилу моего дяди?

ПИРИМ (*с целью убедить Эльмана*). Эльман, не создавай себе проблем из-за чьей-то глупой шутки! Не лезь в криминал. Либо тебя сочтут сумасшедшим.

РЁЙЯ (*решительно*). Эльман, вы не имеете права! В противном случае вами займется полиция.

ЭЛЬМАН. Он ведь там задыхается, умирает! Как вы это терпите? Откуда у вас такая жестокость? Еще вчера вы клялись умереть за него. А теперь что?

ДЖЕЙРАН (*причитает*). Братец, родной! Даже тело твое в покое не оставят.

ЭЛЬМАН. Мне надо срочно идти... Я сказал, что должен идти (*Уходит*.)

БАЙРАМ. Вот осел упертый! Да ты пораскинь мозгами! Как может звонить мертвец под двумя метрами земли? Даже если очнется, он не поймет, где находится. Ему ведь никто не говорил, что его ударило током, он умер и сейчас лежит в могиле... (*Нервничает*.) Дышать нечем! (*Нервно расстегивает верхние пуговицы рубашки*.) Закрыйте эту тему, не позорьтесь! Это всех касается, больше об этом ни слова. Этого еще не хватало: брат Байрама Аминбейли стал упырьём!

ДЖЕЙРАН. Упаси Аллах, упаси Аллах! Да разве к лицу Дэврану упырьём становиться?!

РЁЙЯ (*шепотом*). Жить в одном доме с упырём? Тем более спать с ним... у меня мурашки по телу.

Звонит телефон Байрама. Байрам вздрагивает от неожиданности. Он достает телефон под беспокойными взглядами присутствующих, смотрит на экран, быстро выключает телефон и кладет обратно в карман. Звонит телефон Джейран.

ДЖЕЙРАН. Бисмиллах! (*Достает телефон и передает Пириму.*) Без очков не вижу.

ПИРИМ (*берет телефон и смотрит на экран*). Пустяки! (*Отключает мобильник и кладет его в карман.*)

Эльман медленно продвигается к выходу. Ему преграждает путь Самир.

ЭЛЬМАН. Самир, я что, под арестом?

БАЙРАМ (*властно*). Никто не покинет эту комнату без моего разрешения!

ПИРИМ (*льстиво обращается к Байраму*). Лично я никуда не собираюсь!

ЭЛЬМАН (*жестко*). Что это значит, Байрам?

БАЙРАМ. Ты сошел с ума. Значит, твое место в сумасшедшем доме!

ЭЛЬМАН (*разгневанно и изумленно*). Это я – сумасшедший?

БАЙРАМ. А как еще назвать человека, который утверждает, что мертвец звонит из могилы со словами «спасите меня»? Такой человек – сумасшедший! И место ему в психушке. Я запросто могу упрятать тебя в дурку. Но если ты и вправду разворошишь могилу моего брата, знай, что отправишься в тюрьму, так как хотел украсть эксклюзивный телефон с золотым корпусом, забытый в его могиле. И ради этого не постеснялся оскорбить и унижить могилу и тело усопшего. Теперь можешь идти. Самир, не мешай, пускай идет!

САМИР (*склабясь*). Дядя Байрам, может, попридержим его на день-другой, чтоб мозги на место встали?

БАЙРАМ (*властно*). Не стоит, он не так уж глуп.

ЭЛЬМАН (*падает на колени и умоляет*). Братья, я вас умоляю, дайте мне уйти! Падаю перед вами на колени, не мешайте мне. (*Обращается к Рёйе.*) Рёйя-ханым, пожалуйста, разрешите идти.

РЁЙЯ. Нельзя! Увижу упыря – с ума сойду. Ни в коем случае!

ЭЛЬМАН (*потеряв всю надежду, будто выкрикивая*). Подлецы, мерзавцы, нечестивцы! Неблагодарные сволочи! Вот ваше настоящее лицо, вот оно! Ради денег вы пойдете на всё! Продадите себя, свою честь и достоинство! Ненавижу, слышите, ненавижу всех вас! (*Встает с колен и обращается к Байраму.*) Тебя, Байрам, тебя! «Героя», поднимающего тосты за брата, готового за него умереть! Где же твои братские чувства? Как шустро ты их подавил? (*Эльман смотрит в сторону Джейран.*) Тебя, Джейран, тебя, сестру Дэврана. Тебя, готовую перенять все беды брата. Как шустро ты променяла его на миллионы?

Джейран горько вздыхает и плачет.

ЭЛЬМАН (*обращается к Пириму*). А ты, Пирим-охотник, ничем не отличаешься от мерзких гиен, о которых рассказывал Дэвран-муаллим! Стоишь в сторонке и выглядываешь свой шанс, как бы урвать у другого кусочек!

ПИРИМ. Фильтруй базар, подлец! Совсем обнаглел! *(Собирается напасть на Эльмана. Все его удерживают.)*

ЭЛЬМАН *(обращаясь к Зохране)*. А ты только и делала, что вставляла через слово имя Всевышнего. Так почему не убедила их спасти родного человека во имя Всевышнего?

БАЙРАМ. Не обращайтесь внимания, ничего. Пускай выговорится! Он помешался...

ЭЛЬМАН *(обращается к Рёйе и Самиру)*. А вас я прекрасно понимаю, Самир-бей и Рёйя-ханым. Возвращение Дэврана вам, конечно же, не на руку. Вы теперь свободны. Можете сколько угодно заниматься своими грязными играми.

САМИР *(угрожающе приближается к Эльману)*. Заткнешься ты или нет? *(Хватает Эльмана за ворот.)*

ЭЛЬМАН. Вы можете быть миллионерами. Но навсегда останетесь подлецами и нечестивцами. Плевать хотел я и на вас, и на ваши миллионы.

Самир бьет Эльмана. К Самиру присоединяются Байрам с Пиримом. Неожиданно раздается взрыв, гаснет свет. Сцена полностью погружается во тьму.

ЗОХРА. Бисмиллахир-рахманир-рахим!.. Если ток – не лезьте!

ДЖЕЙРАН. Пирим, не лезь, вызовите монтера!

РЁЙЯ *(кричит)*. Дэвран?!

С криком Рёйи сцена чуть освещается. Источник этого света – широкое окно в углу сцены. В окне силуэт человека в саване. Это Дэвран. Все, потеряв дар речи от страха и изумления, смотрят на него. Никто не смеет шевельнуться. Дэвран тоже стоит не шелохнувшись. Немая сцена длится некоторое время, но вдруг Дэвран разбивает окно с невероятной силой. Он ступает по разбитому стеклу, медленными и тяжелыми шагами проходит перед замершими родственниками. Хватает букеты цветов перед своим портретом и швыряет на голову родственникам. Увидев свое завещание на столе, останавливается. Осторожно склоняется, берет бумагу, пробегает на секунду глазами, а затем, ни на кого не глядя, рвет ее на мелкие клочки. Ошарашенные родственники издают мучительный стон. Дэвран, не обращая ни на что внимания, швыряет в воздух обрывки бумаги. Медленно гаснет свет.

Занавес

ТАИР АЛИ

Это третья повесть писателя из детективной серии «Мирза Халил и Лабиринты». Первые две – «Мирза Халил и Борхес», «Мирза Халил и Бритва Оккама» были также впервые напечатаны в нашем журнале. Таир Али, недавно ставший почетным членом Союза писателей Азербайджана, является автором трех романов, многочисленных рассказов и эссе, с которыми вы можете ознакомиться на его персональном сайте www.tair-ali.com

Мирза Халил и Человек Дождя

Выходя из своих снов, можешь попасть в чужие.

Станислав Ежи Лец

1

Глядя на то, как соседка по лестничной площадке, Эльза, выкладывает на тарелку ромбики еще теплой пахлавы, а ее персидский кот обнюхивает ножки дивана, Мирза Халил – вдовец, пенсионер и большой любитель детективов – понял, что вечер будет безнадежно испорчен.

Во-первых, как бывший собачник, котов он искренне презирал. Во-вторых, из-за сахара в крови старался он воздерживаться от сладкого. А в третьих, нацеленные ему прямо в грудь, как стрелы Эрота, добротные колени соседки, сидевшей напротив с подобранными под себя ногами, раздражали и беспокоили его прямолинейностью посылаемых сигналов.

Выпячивая силиконовые губы, Эльза томно ела варенье, грудным голосом комментировала реалити-шоу и по-хозяйски ходила на кухню заваривать чай. Тем временем кот точил когти об ветхую обивку кресла.

В какой-то момент Мирзе Халилу стало казаться, что Эльза вообще не собирается уходить, но в половине одиннадцатого, забрав кота и липкий противень, соседка все-таки ушла. Опасаясь, что квартира успела провонять кошачьим духом, он открыл повсюду форточки, и пока, обвязавшись шарфом, смывал в раковине следы жирной помады с края хрустального стакана, в спину ему тянуло промозглым мартовским сквозняком. Из головы все не шли волнительные бедра соседки, туго обтянутые какой-то эфемерной тканью. Уже вытирая полотенцем вымытые розетки, он твердо решил, что именно сейчас, перед праздником, обязательно необходимо сделать паузу.

Проще всего, конечно, было бы переехать на время к сестре. Тем более, что после перенесенного им инфаркта она постоянно приглашала его и обижалась на то, что он отказывался. Однако этот вариант Мирза Халил отменил сразу: Сара, находившаяся в острой фазе конфликта с любимой невесткой, была тем классическим случаем, когда лекарство может убить скорее, чем сама болезнь. Более привлекательной казалась ему идея, не обращая внимания на погоду, поехать куда-нибудь за город на

неделю или даже больше. Однако план этот был трудноосуществим по ряду чисто технических причин: нужно было решить, куда ехать, на чем, бронировать гостиницу, да и быть готовым к серьезным по негустым пенсионерским меркам расходам.

Укоряя себя за слабость, Мирза Халил съел бутерброд с холодной котлетой. Время было за полночь. От котлеты почти сразу же началась изжога. Пришлось глотать фестал. По ходу он включил телевизор и безнадежно проворочался на застеленном диване до половины четвертого, когда его, наконец, стало клонить в сон. С закрытыми глазами Мирза Халил взбил подушку и, переворачиваясь на правый бок, привычно запустил под нее руку. Однако заснуть ему так и не удалось: вдруг показалось, что среди знакомых звуков почти необжитой квартиры он явно слышит мягкую рысцу кошачьих лап по паркету. Обернувшись в панике, он стал пристально вглядываться в темноту, и тут что-то как будто метнулось, минуя журнальный столик, прямо к нему под диван. Мирза Халил шумно скатился на пол и ушиб колено.

Никакого кота, разумеется, не оказалось. Однако, переходя из комнаты в комнату, Мирза Халил все никак не мог успокоиться, возил черенком швабры под мебелью и, шамкая из-за снятых на ночь зубных протезов, матерился вполголоса.

Перед тем, как вернуться на диван, он безжалостно выкинул пахлаву соседки в мусорное ведро, и если бы не слякоть за окном, наверное, еще и вынес бы его немедленно на помойку.

Утром Мирза Халил встал разбитый и мрачный. Швабра в углу напомнила о соседке и ночных призраках. Не одеваясь, в майке с длинными рукавами и фланелевых подштанниках, заправленных в носки, он невкусно позавтракал и, раздумывая над тем, чем бы занять свой день, долго пил чай. Тянуло обратно на диван. Но если сейчас поддаться, день пропадет, а ночь опять окажется долгой и бессонной. И тогда Мирза Халил решил отправиться на рынок.

Пожалуй, не меньше, чем детективы, любил Мирза Халил прогуливаться по мясным рядам, ощупывая на ходу взглядом овечьи туши на крюках, или, оттянув пальцем серебристые пластины над жабрами, определять степень свежести кутумов и лещей, или, выбирая фрукты, почти всегда точно угадывать их географическое происхождение. И когда его давний приятель и бывший зять, доктор Мурадов, советовал ему для поддержания формы заняться каким-нибудь спортом, Мирза Халил всерьез объяснял ему, что регулярные походы на рынок и есть своего рода спорт, занятия которым венчаются съедобными трофеями.

Бриться он не стал. Оделся чуть теплее, чем того требовала вполне весенняя погода за окном и, проинспектировав содержимое холодильника, вышел из дома.

Проходя мимо соседской квартиры, Мирза Халил воровато глянул на выпуклый, словно грибная шляпка, дверной глазок и стал спускаться вниз, стараясь держаться как можно дальше от грязных стен. Был он лишь на половине первого пролета, когда за спиной лязгнула железная щеколда, и в открывшуюся дверь высунулась обмотанная баннным полотенцем голова Эльзы.

– Доброе утро, сосед! – окликнула она его, показав в просвет голую шею, торчащую из воротника махрового халата. – Случайно не в магазин?

– На базар, – ответил Мирза Халил, уже понимая, что сам себя загоняет в ловушку.

– Это еще лучше! Я собираюсь долму заворачивать из айвовых листьев – вы пробовали долму из айвовых листьев?.. Такая прелесть! Получается с кислинкой, запахом айвы – нежное, нежное! Вот как раз сегодня вечером попробуете.

– Вечером... – начал было Мирза Халил, но Эльза перебила его:

– Я бы сама вышла, но я еще тут волосы крашу, завтра же первый «чершенбе ахшамы» перед Новрузом, не забыли? Вторник стихии воды? Мне нужна только мята и где-то полкило говяжьего фарша – у меня отличная баранина, но очень жирная...

В нижней части дверного проема по очереди показались глумливые морды эльзиных котов: персидского и сиамского.

– Домой! Домой! – фыркнула она на них. – Только смотрите, чтобы говядина была постная. Вы возьмите, а я вечером отдам деньги.

Понимая, что сделать уже ничего нельзя, Мирза Халил сердито буркнул:

– Не нужно никаких денег.

– Ну, как же, сосед! Вы же мне не обязаны.

Мирза Халил отрицательно покачал коротко стриженной головой и стал торопливо спускаться вниз.

– Я жду вас, сосед! – прозвучало ему вслед почти надрывно. – А вы что тут ждете? Опять проголодались, мои хорошие...

С грохотом захлопнулась сейфовая дверь. Но Мирза Халил даже не услышал этого: он мчался вниз, перескакивая через ступени с темным от приливающей крови лицом.

Выскочив из сумрачного подъезда в залитый весенним солнцем двор, он встал, щурясь. И так стоял с минуту, успокаивая сердцебиение и делая вид, что наслаждается погодой и яростно чирикающими воробьями. Однако стоять так бесконечно было невозможно. Двор был пуст, но Мирзе Халилу казалось, что из каждого окна этой уродливой монтинской «сталинки» кто-то следит за каждым его шагом. Стараясь выглядеть непринужденно, он закинул под язык валидол и медленно пошел мимо водоканчки к пешеходному выходу со двора.

Уже нырнув в глубокую и зябкую тень от стен многоэтажек, безнадежно тоскливо муравейниками выросшими вдоль всей бывшей улицы Левандовского, он почувствовал, как в кармане его новой куртки завибрировал телефон. Мирза Халил остановился и поднес мобильный ближе к лицу: на экране он увидел фотографию племянника двухлетней давности и надпись «Эльмар».

– Дядя, алло? Ты дома? Я сейчас подъеду, минут через десять.

– Зачем?

– Мама сделала мясной пирог.

– Во-первых, я не дома... – из-за сквозняка и проезжающих машин было плохо слышно, Мирза Халил прикрыл левое ухо ладонью. – Але, скажи маме, не нужно никакого пирога.

– Тогда я позже заеду. Часа через полтора. Ты будешь дома через полтора часа? Дядя?

– Слушай, мне не нужен никакой пирог!

– Ну, тогда выбросишь его! – неожиданно в сердцах сказал Эльмар. – Я тебя умоляю, дядя! Только ты не начинай! У меня и так... С одной стороны мама, с другой стороны Сева – а я между ними, извиняюсь, как не знаю кто... Представь, с работы заставила отпроситься! Меня, клянусь, в конце концов выгонят к черту с работы. Она же не понимает!

– Зачем отпроситься? Из-за пирога, что ли?

– Да нет! Пирог это так, просто мне по дороге. На дачу ехать!

– А зачем она сейчас на дачу едет?

– Она никуда не едет, это я должен ехать! Ей сон приснился, понимаешь, что бак лопнул и дачу затопило водой... идиотизм! Если, говорит, не поедешь, я сама, на автобусе. Ты же ее знаешь!

– А где охранник ваш? У вас же там кто-то был...

– Ага! Этот мудак пьяный сам чуть дачу не спалил! В ноябре! Заснул с сигаретой... Занавеска загорелась, короче, кухню придется красить. Дача с ноября пустая стоит...

– Все понятно, – вдруг обрадовавшись, энергично закивал Мирза Халил. – Ты в дороге уже? Давай, заезжай, я тебя во дворе жду...

Дача была скучная, даже летом, и далеко от пляжа. Вначале нужно было, петляя вдоль глухих каменных заборов, пройти половину.bestолкового дачного поселка, затем, проскочив оживленное в сезон шоссе и рельсы пригородной электрички, еще минут двадцать идти до кромки воды по глубоким дюнам из острых ракушек. Да и само море тут было неприятное: глубокое, с холодным течением и широкой полосой полумертвых водорослей у самого берега.

Наполовину опоясанный верандой одноэтажный дом был выстроен без фантазии лет шестьдесят назад по типовому проекту, утвержденному для дачных кооперативов. Задняя сторона его почти упиралась в стену соседней дачи, а фасад выходил на большой и бесплодный участок. Со времени последнего визита Мирзы Халила здесь мало что изменилось. Заметил он больше мебели в смежных комнатах, новые стекло-пакеты, телевизор и то, что цементные балясины, поддерживающие перила веранды, вконец раскрошились, бесстыдно демонстрируя ржавый арматурный косяк.

Мирза Халил никогда не понимал нежной привязанности своей сестры к дачной жизни. Он ненавидел размеренную дачную скуку, зной, мигрени, технический запах привозной воды и вечную борьбу с комарами, однако сейчас, в межсезонье, эта темная сырая дача казалось ему решением всех его проблем.

Они договорились никого не посвящать во все происходящее. Особенно Сару. Мирза Халил закрыл за племянником железные ворота и, подняв воротник куртки, неспеша прошелся по участку до дальней стены двора, где по холодному песку стелился тощий виноградник. Постояв там недолго, он вернулся обратно к дому и устроился в плетеном кресле на веранде, постепенно привыкая к необыкновенной тишине и сырости, поднимающейся от земли. Однако сидеть было зябко: солнце то появлялось в разрыве медленных облаков, то надолго исчезало. Мирза Халил вскипятил чайник. На часах было начало пятого. Пока заваривался чай, он тушил с луком и помидорами говяжий фарш, купленный с Эльмаром по дороге, и чуть виновато представлял себе зависшую в его ожидании соседку Эльзу с ее жирной бараниной, тугими бедрами и котами. Ему даже захотелось позвонить к ней, что-нибудь соврать, но номера ее телефона у него не было.

Поставив сковороду на стол в комнате, Мирза Халил открыл банку соленых огурцов, накатила рюмку не успевшей охладиться водки, после чего, с аппетитом обмакивая подогретый хлеб в мясной сок, поел.

То ли водка, несмотря на заверения продавца, была паленой, то ли дала о себе знать бессонная ночь, то ли успел он надышаться свежим воздухом, но сразу после еды сморило его в сон. Уже не сопротивляясь, он мирно задремал, успев накинуть на себя клетчатый плед, отдаленно пахнущий пенициллином и любимыми духами Сары.

На стене над телевизором висела свадебная фотография Эльмара в нарядной

рамке, а рядом другая, но с той же свадьбы – Мирза Халил в обнимку с сестрой.

Проснулся он уже в темноте от неприятного ощущения чужого взгляда на себе. Сквозь решетку на окне в комнату соичились глубокие сумерки. Во рту было сухо, он пожалел, что не снял протезы. Было тихо, очень тихо, но, несмотря на это, чувство чужого присутствия было столь явным, что Мирза Халил заволновался. Стараясь не выдавать своего пробуждения, он сквозь прищуренные веки оглядел мягкую темноту вокруг, скользнул взглядом по окну и тут увидел прильнувший к нему чей-то силуэт.

Спрыгивая с дивана и хватаясь за сковороду, Мирза Халил гаркнул:

– Что тебе надо!

Тень молча метнулась от окна. Натыкаясь на мебель, Мирза Халил в бешенстве выскочил на веранду, где было светлее, чем в доме, и, успев заметить убегающего за угол дома мужчину, бросился за ним.

– Стой, мерзавец, убью! – крикнул он ему в спину. Мужчина, который был почти уже у забора, вдруг остановился как вкопанный и, развернувшись, зашипел:

– Тише!.. Тише!.. Не надо кричать!..

Ошарашенный Мирза Халил тоже остановился:

– Да я сейчас тебя прибью, придурок!

– Я говорю, тихо! – яростно выплюнул из себя незнакомец и вдруг откуда-то из-за пазухи достал странного вида пистолет. Держа его двумя руками, он навел оружие на Мирзу Халила.

– Эй... ты чего?.. Тебе деньги нужны?.. – Между ним и незнакомцем было метра два с половиной или больше: преодолеть в один прыжок – не получится. Они стояли, как ковбои из вестернов, друг против друга в узком пространстве между оградой и стеной дома. Только один был вооружен пистолетом, а другой – сковородой.

– Я тебя дам денег. У меня в кармане кошелек... слышишь?

Незнакомец молча нажал какую-то кнопку, и от массивного пистолета к Мирзе Халилу протянулся красный луч лазерного прицела.

– Да ты чего?..

Чувствуя, как ноги становятся ватными, Мирза Халил, скосив глаза вниз, увидел, что луч упирается ему прямо в причинное место.

– Слушай меня, – сказал Мирза Халил, стараясь говорить спокойно, но твердо, как полагалось говорить с людьми в состоянии аффекта, самоубийцами и опасными сумасшедшими, – возьми все деньги, телефон и уходи. Никто тебя не тронет...

– Тише!.. Я же сказал, тише!..

– Хорошо, хорошо, только успокойся...

Внутри пистолета вдруг что-то щелкнуло, красный луч дрогнул зигзагом в промежности, Мирза Халил занес руку, пытаясь в последнее мгновение прикрыться сковородой, но, разрывая темноту, уже полыхнула неоновая вспышка.

2

День был по-весеннему яркий, обещающий тепло, и почти без ветра. Из-под холодного песка тянуло запахом грибницы и гнилостной сладостью. Одинокое облако, похожее на рыбу, низко повисло над шиферной крышей дачи. Перекатывая за щекой неразгрызаемую карамельку, Мирза Халил прихлебывал крепкий чай из кружки, щурился на солнце и неприязненно следил за тем, как пробудившиеся пауки быстро оплетают высохшее тутовое дерево. Пауки напомнили ему про сон. Почему-то при-

снился ему дядя со стороны матери, который умер так давно, что всякая память о нем успела уже безнадежно постареть и усохнуть. Увидел он его сидящим в заставленной мебелью комнате, в полусумраке. Закинув на коричневый лоб очки в железной оправе, он с хрустом катал вареные яйца по крахмальной скатерти, близоруко лупил цветную скорлупу, а очистив, тщательно обдувал на ладони, прежде чем закинуть в рот целиком и без соли. Дядя был мелким, с карикатурными усиками над почти отсутствующими губами, и напоминал амбарную мышь. Когда он ел, усы щетинились. Не глядя на Мирзу Халила, он назидательно объяснял ему с набитым ртом:

– Вся сила, сынок, в желтке... – У него получалось «в жевке». – Там все. Жевток – сама жизнь. Кто не ест яйца, долго не живет. Понял?

Дядька умер лет в тридцать пять от какой-то несерьезной заразы, и покойная мать Мирзы Халила, всякий раз вспоминая о нем, говорила «бедный мой брат» с таким укором, словно пеняла окружающим на их цветущее здоровье.

– ...яйца можно варить, можно жарить, можно красить, можно пить сырыми... – не унимался дядя, в то время как Мирза Халил, продолжая рассеяно слушать его, все пытался взять в толк, откуда вдруг в его сон забрался этот всеми забытый много лет назад, уже бесхозный призрак.

– ...яйцо – это символ души. Как ты знаешь, птицы несут яйца, змеи, крокодилы, рыбы и пауки...

Тут Мирза Халил и проснулся. По нужде. С минуту все не мог сообразить, где находится, а сообразив, тяжело поднялся и, натыкаясь с непривычки на чужую мебель, пошел через мгlistую анфиладу сырых комнат в туалет. Пока он шумно мочился, вспоминая подробности дурного сна, с потолка к нему спрыгнул полупрозрачный паучок и повис на конце нити прямо у него перед носом.

– Это еще что такое! – искренне удивился Мирза Халил и без церемоний смахнул наглого арахнида вместе с его паутиной в унитаз.

Рыба над крышей дома сместилась чуть вправо, но не распалась, как можно было бы ожидать, и все еще оставалась единственным облаком на всем небесном пространстве. Оставив кружку с недопитым чаем на перилах веранды, Мирза Халил, зачерпывая резиновыми шлепанцами неприятный холодный песок, медленно зашел за угол дома и стал смущенно вспоминать вечернее происшествие со стрельбой.

...Вспышка ослепила его. Он вспомнил, как стоял, зажмурившись и втянув голову в плечи, прикрывая сковородой причинное место, в полной уверенности, что подбит, ранен, может быть – убит. Ждал боли. Перед глазами вспыхивали и гасли фиолетовые кольца, а в голове стучало от приливающей к вискам крови. Когда он, наконец, открыл глаза, незнакомец исчез. Осторожно оглядев себя, Мирза Халил не обнаружил ни ран, ни крови. И сковорода была в полном порядке. Не выпуская из поля зрения верхний край ограды, за которую сиганул незнакомец, он сделал несколько шагов вперед, тяжело опустился на корточки и стал шарить рукой в поисках гильзы. Сумерки тем временем уже успели сгуститься до темноты, из которой постепенно прорезывались мутные звезды. Мирзу Халила бил озноб. Гильзы он, разумеется, не нашел, зато разглядел деревянный ящик у ограды. Теперь стало понятно, как незнакомцу удалось так быстро переправиться через забор. Пригнувшись, он с опаской встал на ящик, изготовился, чтобы в случае чего уже бить сковородой первым, наотмашь, без предупреждения, постоял так, вслушиваясь к тишину, а затем, распрямившись, вынырнул головой над оградой. Соседский дом и весь двор перед ним стояли, погруженные в равнодушную темноту, ни фонаря, ни света в окнах. Было

полное ощущение, что хозяев нет. «Куда-то же он девался, этот придурок? Прячется...» – подумал Мирза Халил, и холодные мурашки пробежали у него по спине. Он вдруг представил себе, что незнакомец сидит сейчас прямо под стеной, держит его на прицеле своей странной пушки и вот-вот выстрелит – в этот раз уже точно наверняка. Он резко отпрянул от ограды, громко чертыхнулся, чуть не свалившись с ящика, и тотчас в темноте залилась бешеным лаем собака. Мирза Халил еще не видел ее, но уже слышал, как она тяжелыми прыжками мчится в его сторону, продолжая бавовито рычать. Спрыгивая с ящика, Мирза Халил успел заметить, что на веранде соседского дома загорелся свет.

...Перепрыгнет ли через ограду? Метра два... вряд ли... а если очень большая собака? Если с той стороны тоже ящик или что-нибудь такое?.. Лихорадочно соображая, что делать дальше, Мирза Халил приготовился встретить собаку. Однако псина, доскакав до ограды, судя по звукам, не стала штурмовать стену, а, став перед ней, стала яростно облаивать его.

– Ах, ты б..дь! Подожди у меня! – злобно сказал Мирза Халил и решительно пошел вокруг дома к воротам.

Первым делом он попытался включить наружный свет. Щелкнул несколько раз выключателем на стене, лампочка не загорелась. Распалившись от этого еще больше, Мирза Халил с лязгом отодвинул щеколду и высунул голову наружу. Вся левая сторона улицы была погружена в плотную, отливающую синью темень. Зато справа светились габаритные огни припаркованных на обочине «Жигулей», да в глубине, над крышей одной из дальних дач, ярко горел уличный фонарь. Решительности у Мирзы Халила поубавилось, но, потоптавшись недолго на месте, он поставил сковороду на землю и все-таки вышел.

Из приспущенного водительского окна «Жигулей» сквозняк доносил обрывки какой-то сумбурной музыки. По мере его продвижения вперед музыка становилась отчетливее, и в конце концов по гроыхающим фортепьянным аккордам Мирза Халил определил, что звучит классика. Какая именно, он, разумеется, не знал, но был уверен, что слышал это прежде. «Жигули» были отвратительного салатного цвета. Старые, без заднего бампера, с залатанной вмятиной на крыле. Номер, как и сама машина, был забрызган грязью. Когда Мирза Халил уже почти поравнялся с машиной, «Жигули», оторгнув синий дым, вдруг сорвались с места и, полосая светом фар улицу, стали быстро удаляться прочь. Оторопевший Мирза Халил проводил машину взглядом, пока она, свернув влево, не исчезла из виду. В воздухе остался висеть запах сигарет, выхлопного газа и отдаленно – жженой травы. Мирза Халил подумал, что это похоже на запах руты, которую жгут против сглаза. Покойная жена его непременно держала дома ветки руты и после каждого визита гостей поджигала сухие плоды-коробочки в пепельнице. Впрочем, самой ей это не очень помогло: она умерла лет двадцать назад от онкологии.

Мирза Халил стал методично нажимать на кнопку звонка. Звонок работал. При каждом нажатии приглушенно переливались трели внутри соседской дачи. И опять сорвалась в бешеный рык собака: подлетела с внутренней стороны и, клацая лапами об ворота, стала опять облаивать Мирзу Халила. Ее лай цепочкой подхватили собаки где-то в мгlistой глубине дачного поселка. Он звонил и стучал несколько минут. В какой-то момент ему даже показалось, что он слышит приближающиеся шаги, но все равно дверь так никто и не открыл.

Вернувшись в дом, Мирза Халил набрал номер племянника.

- Все в порядке? – почему-то вполголоса торопливо спросил Эльмар.
- Да как тебе сказать? Кое-что случилось. Даже и не знаю...
- Что-нибудь серьезное?
- Ты не можешь говорить, что ли?
- Тут мама с Севой опять сцепились. Это у них каждый вечер теперь. Хоть из дома беги... А у тебя что?
- Может, я потом позвоню?
- Ничего, ничего, ты говори. Что там у тебя?
- Мирза Халил замялся, думая, как лучше всего сформулировать:
- Как тебе сказать: тут на меня вроде как напали.
- Напали? Кто напал? Я не понимаю...
- Подожди, сейчас объясню. Короче, кто-то залез во двор, пока я спал. Недавно, уже вечером. Я за ним погнался...
- Один человек?
- Да, один. Темно было, я его не разглядел, но заметил, что худой какой-то мужик. В общем, я за ним побежал, а у него была какая-то фигня в руках, вроде пистолета, и он на меня ее направил...
- Ты что, шутишь, дядя? Я сейчас немедленно приеду! Может, в полицию позвонить?
- Да подожди ты! В общем, он в меня пальнул из этого оружия, или что это было, непонятно, – слишком большое для пистолета. Да и не пистолет это был. Что я, пистолеты не знаю, что ли! Пока я в себя приходил, он через забор перемахнул. В следующий двор, который прямо за вашим домом... чего ты ржешь?
- Эльмар стал давиться от смеха.
- Чего? – возмутился Мирза Халил. – Не веришь?
- Дядя, это сосед... он на голову больной! С приветом, понимаешь? Чокнутый! И это не пистолет у него, а точно фигня какая-то, он без нее никуда не ходит...
- И что?
- Да ничего, он безобидный. Короче, тихий. Вот только весной иногда обостряется. Был нормальный мужик и, между прочим, доктор технических наук, изобрел чего-то. На «Озоне» работал. А потом с женой развелся. Потом крыша поехала. Я забыл предупредить, что если он вдруг появится, ты не дергайся!
- Один живет?
- Ага. Я же говорю, развелся. Жена с сыном в городе. Дядя, я пойду уже, потом созвонимся, а то они совсем уж тут расходились!
- А из-за чего скандал?
- Что-то с топленным маслом! Все! Я побежал...! Не обижай психа! Его Герой зовут...
- Как?
- Гахраман!..

3

Облако над крышей чуть изогнулось, раскрыв веером спинной плавник. Прислонившись к стене, Мирза Халил вытряхивал из шлепанцев колючий песок, думая, где бы достать в поселке свежей рыбы, когда над верхней кладкой ограды появилась коротко стриженная голова в старомодных роговых очках.

– Доброе утро, сосед. Хорошо, что вы, наконец, приехали. Я вас с лета жду!

– Да, давно ждешь, сосед, – разглядывая его, сказал Мирза Халил почти без иронии. – Извини, занят был.

– Что я, не понимаю! – воскликнул он. – Просто Эльмар мне когда еще обещал! Пять месяцев назад! Но главное, что вы приехали. Только надо было сразу ко мне, вчера еще...

Он было гладко выбрит, худощав, с удлинненным землистым лицом. Вокруг рта лежали глубокие морщины.

– А вы знаете, кто я такой?

Сосед насмешливо покачал головой:

– Ну, о чем вы говорите? Не знал бы, не стал бы разговаривать! Как можно? – он перешел на доверительный шепот. – Вы знаете, сколько они ко мне подсылали людей?.. Представить себе не можете! Каждую неделю. А в последнее время – вообще каждый день

– Кто они?

– Это потом. Здесь нельзя... Рыбу видите? – не поворачивая головы, он глазами показал вверх. – Над домом.

– И что?

– Не смотрите так явно. Следят.

– Ну, раз так, тогда совсем плохо дело, – согласился с ним Мирза Халил.

– А я о чем? Я Эльмару давно это объяснял. Они с декабря на дежурстве. И все время: или рыба, или тюлень, – сосед многозначительно кивнул. – Эльмар – очень хороший парень. И патриот. Но молодой еще. И образования не хватает. Настоящего.

– Это да. А вы уверены, что я точно дядя Эльмара?

Тень беспокойства промелькнула на лице безумного соседа. Он озабоченно наморщил лоб, а потом заулыбался и весело погрозил Мирзе Халилу заскорюзлым пальцем:

– Осторожность! Правильно! Доверяй, но проверяй! Старая школа, сразу видно!.. Конечно, уверен: вы же на свадебной фотографии с Эльмаром стоите!

– Ну, дорогой, при нынешних технологиях человека так можно замаскировать, мать родная не отличит. О чем вы говорите!

– А-а-а! – опять покачал головой сосед. – Так я же вас еще и проверил, вы уж извините. Вчера...

Он торжествующе показал из-за ограды тот самый странный агрегат, который накануне вечером Мирза Халил принял за пистолет.

– Что это?

– Очень необходимая вещь. Я без нее никуда не хожу. Вообще-то надо сесть, поговорить. Времени мало. Я знаю, дело опасное, и не каждый возьмется, но вы же патриот. Эльмар сказал, что только вы и можете помочь! И я ему верю. У вас нельзя, опасно.

– Почему это?

Сосед опять скосил глаза вверх на облако:

– Видите – наверху, как плавник, зеркальные антенны – слушают, мерзавцы. Заходите ко мне.

– А у вас не слушают?

– У меня блокировка. Давайте прямо отсюда, там есть ящик, встаньте на него и подтянитесь. Здесь у меня стул.

– А чего, нельзя через ворота?

– Сегодня нет! – твердо сказал он. – Сегодня они очень уж активные, они вас уже точно засекли.

Хотя Мирзу Халила и забавляла беседа с безумным соседом, но никакого желания прыгать через забор у него, разумеется, не было. Да и вообще, идти в дом к душевнобольному человеку представлялось ему занятием, как минимум, двусмысленным.

– Я бы с удовольствием, но вы же сами видите – они сегодня совсем расходились. Давайте не будем их нервировать. Я зайду завтра. Они как раз успокоятся.

Сосед снял очки и, протирая запотевшие стекла пальцем, сказал, не поднимая глаз:

– Все предали. Жена, сын, сестра, племянники... – в голосе его звучала вполне осознанная и неподдельная горечь, неожиданно растрогавшая Мирзу Халила. – Я на вас надеялся. Я знаю, вы можете помочь. Всего полчаса, показать мое изобретение. Что ж... с праздником, сосед. – Голова его исчезла за оградой. – Сегодня же «первый вторник», водяной...

Было слышно, как он спрыгнул со стула на песок.

«Почему ко мне все время липнут какие-нибудь придурки?» – с напускной злостью подумал Мирза Халил. Взобравшись на ящик, он окликнул его:

– Ладно, ладно, сосед! Обязательно через забор прыгать? Через ворота никак нельзя?

Отошедший уже на несколько шагов сосед торопливо вернулся к ограде.

– Все-таки лучше отсюда! Я знаю, неудобно, но отсюда быстрее. Я потом объясню. Я помогу...

– Не надо.

Кряхтя, Мирза Халил перекинул ногу через каменную кладку и оседлал ограду.

– А собака?

– А, Чубуш? Он на привязи. Я его только вечером выпускаю.

– А что за порода? Овчарка? – спросил Мирза Халил, подозрительно рассматривая соседский двор: дом был такой же, с верандой и цементными перилами. Ближе к воротам росло несколько крепких инжировых деревьев, а вдоль всей ограды на улицу плотно в ряд стояли пыльные кипарисы. Заметил он в углу огородные грядки. Напротив веранды, у небольшого бассейна с зеленой зацветшей водой, в землю был врыт железный столб, от которого к дому тянулись бельевые веревки. К вершине столба изолентой было прикручено бамбуковое удилище, увенчанное какой-то красной коробочкой. Как ни странно, и двор, и дом, во всяком случае, внешне, выглядели вполне ухоженно.

– Да нет, что вы! Что вы! Маленькая собака.

– Маленькая? Seriously? Я вчера думал – волкодав какой-то!

– У нее душа волчицы! – серьезно сказал сосед. – Помогу...

– Не надо!

Мирза Халил перекинул, наконец, вторую ногу, а затем, помогая себе руками, спустился на приставленный к стене венский стул и спрыгнул на землю. Сосед подскочил к нему и стал горячо трясти его руку:

– Спасибо! Спасибо! Сейчас чаю попьем, у меня есть инжировое варенье. Вы любите инжировое? Это со двора. Я вам варил.

– Пил уже.

– Пойдемте!

Мирза Халил пошел следом за соседом, из-за пояса которого торчала пластмассовая рукоятка странного пистолета.

Через веранду они прошли в дом. Гостиная выглядела вполне обыденно: сервант, диван, обеденный стол со стульями, ковер на полу. И, кстати говоря, здесь не пахло сыростью, как у Сары на даче, и не было пыли. В вазе в серванте стояли искусственные цветы, а в блюде на столе – искусственные фрукты. На стене Мирза Халил увидел пару семейных фотографий и большой черно-белый портрет Энвера-паши в полном генеральском обмундировании. Необычным было лишь то, что дверь, ведущая в одну из смежных комнат, была обита жестью и закрыта сверху и снизу массивными засовами с навесными амбарными замками. Сосед достал из кармана связку ключей:

– Я знаю, знаю, – сказал он, открывая нижний замок, – никуда не годится. Сюда, конечно, нужна сейфовая дверь. Хотя бы третьего уровня бронирования. А еще лучше – четвертого. Но это так дорого. Откуда? Так что, пока так.

Он снял замки.

– У вас мобильный с собой?

– А что?

– Придется оставить здесь. У меня там МГД-генераторы и много еще чего. Для человека безопасно. Не беспокойтесь!

Мирза Халил передал ему мобильный.

– Вы знали, что человеческое тело выделяет радиацию? – сказал сосед, толкнув дверь плечом. – Рассчитывается по формуле Стефана-Больцмана. В среднем получается 9 мегаджоулей в день на взрослого человека. Это не ионизированная радиация, и поэтому безопасна для нас самих... Я физик по образованию... Добро пожаловать!

Оклеенная от пола до потолка фольгой комната была безнадежно завалена разрозненным хламом, инструментом и книгами. Фольгой было заклеено даже единственное окно. В углу на столе стоял старенький монитор компьютера. Помимо фольги, на стенах были развешаны фрагменты каких-то электрических схем и листочки с формулами. Сосед подвинул Мирзе Халилу потрепанное офисное кресло.

– Пожалуйста! Моя лаборатория. Извиняюсь, что бардак, но зато безопасно. Можем, наконец, говорить спокойно. Они нас не слышат и ни видят: ионные генераторы фильтруют любые сигналы. Моя собственная разработка, вон! – Он показал на свисающую с карниза серебристую радиолу, из которой во все стороны торчали переплетения цветных проводов, в их глубине периодически проблескивали красные и зеленые огоньки. – Он читает сигнал с радиовышки во дворе. Вы обратили внимание? Рядом с бассейном?

– Классно. А патент есть? – спросил Мирза Халил, вдруг сообразив, что на дачу придется возвращаться опять через забор, потому что его собственные ворота заперты изнутри. – Можно же запатентовать и наладить производство.

– Да ну! Это так, мелочь. Вот вы спрашивали, что это такое. – Сосед достал из-за пояса странный агрегат и бережно передал его Мирзе Халилу.

– Ну? – Мирза Халил повертел в руке странный аппарат, состоящий из множества пластиковых и алюминиевых трубок, прикрученных друг к другу, вращающегося барабана, грубо вырезанного из пивной банки, и маленького дисплея то ли от мобильного телефона, то ли от чего-то еще. Агрегат был довольно тяжелый.

– У вас, я извиняюсь, какое образование? Техническое?

– Юридическое, – буркнул Мирза Халил.

– Осторожно, не нажимайте на ту кнопку, разрядится... Жаль, что у вас не техническое образования! Но... ладно, лучше, как говорится, один раз увидеть... Я встану здесь, а вы наведите это на меня. Вначале включите прицел на ручке... Под большим пальцем, нащупайте – пупочка такая... Включите и наведите лазерный прицел прямо мне... – он показал пальцем в низ живота. – Извиняюсь, в пах.

– Зачем?

– Ну, вы же помните, как я вчера в вас целился?

– Нет, нет! – решительно сказал Мирза Халил и встал с кресла. – Давайте без этого...

– Хорошо, я сейчас сам покажу. Вот! – Как и в прошлый раз, после щелчка появился красный лазерный луч. Держа агрегат двумя руками, сосед навел его себе между ног.

– Послушайте!

Что-то треснуло, полыхнула ослепляющая магниевая вспышка. Сосед стал совать в руки Мирзе Халилу аппарат:

– Смотрите на дисплей!

Мирза Халил прочитал на светло-голубом дисплее: «Азер. – 92.4%. Арм. – 0%. Русск. – 0%. Другие – 7,6%».

– Что это? – спросил опешивший Мирза Халил.

– Ага! Удаленный ДНК-расщепитель. Собирает генетический материал на расстоянии и сразу делает два теста: аутосомный и митохондриальный. Проще говоря, тесты на этническую принадлежность! Пока спектр ограничен, конечно. И расстояние тоже. И потом, он работает корректно только с гениталиями. А это не всегда удобно. Особенно если с женским полом имеешь дело, сами понимаете. Я работаю над этим. И потом, видите, только четыре категории: память ограниченная, всего семь гигабайт. Но все поправимо. Правда? Вот смотрите, что у меня получается: 92.4 процента – наш, свой значит, а 7.6 процентов – это, извиняюсь, мать со стороны отца подпортила, талышская кровь. Вообще-то, она всегда отрицала. Но аппарат не обманешь! Наука!

– А что у меня получилось? – стараясь говорить серьезно, спросил Мирза Халил.

– 100 процентов! Я и не сомневался! А вот, извиняюсь, невестка ваша...

– Какая моя невестка? – подозрительно спросил Мирза Халил

– Я имею в виду супругу Эльмара. Я очень извиняюсь, у нее только 79 процентов! Не мое, конечно, дело, но это очень огорчает. Вы знали? Я хотел сказать Эльмару, но он молодой, боюсь, неправильно поймет. Целится приходится, сами знаете, куда.

– Сара обрадуется! – развеселился Мирза Халил. – Замечательный аппарат. Очень нужный.

– Да! Да! Да! Только так можно избавиться от шпионов и агентов!

– Точно!

– Они же везде. Под прикрытием. В армии, полиции, меджлисе, правительстве! Гадят, мерзавцы. Как могут – гадят! – горячо сказал сосед, заглядывая Мирзе Халилу в глаза. – А с этим прибором – не обманешь! Кто отец? Кто мать? Иди сюда! На, получи распечатку. Я считаю, у кого меньше 80 процентов – близко подпускать нельзя. Потенциальный враг. По крайней мере, на определенные должности. Вы как думаете? Вы не поверите, я иногда спрячусь где-нибудь тут рядом с базаром, где народу много,

и «стреляю» по прохожим, незаметно, конечно, – такой компот выходит! Не поверите!

Оттопыренные уши соседа покраснелись.

– Тут мне как-то случайно попался замглавы администрации. В жизни никогда бы не подумал: оказался армянин на 37 процентов! Даже – 37 и 4! Я уже два письма отправил куда следует, мол, так и так, враг в администрации главы района. А здесь нефтяные вышки, море, нефтепроводы. Мало ли! А от них – ничего. К последнему письму приложил распечатку со всеми данными. Наплевали. Как сидел, так и сидит на своем месте, сволочь! А в идеале каждого гражданина надо протестировать, присвоить ему порядковый номер – как штрих-код на товаре, по которому можно будет выяснить, сколько у него процентов нашей крови, а сколько чего.

– А тех, у кого процент не соответствует, в расход, как я понимаю? Прекрасный план! – веселился Мирза Халил. Сосед растерянно хлопнул глазами, многократно увеличенными толстыми линзами очков, и задумался.

– Нет, нет! – сказал он наконец после небольшой паузы. – В расход – это слишком. Нехорошо. И потом, нас не поймут. Можно просто. Например, не разрешать им занимать государственные должности, если меньше 90 процентов. Выбираться в парламент. Сервисы всякие бесплатные: если у тебя меньше определенного процента – будь добр, плати. Хорошо бы им и жениться запретить. Даже между собой, чтобы не плодились. Но они же все равно, по-тихому, будут где-нибудь это делать. Подпольно. Не стерилизовать же их? Как вы думаете?

Мирзе Халилу стало жаль, что нельзя было заснять откровения соседа на телефон.

– Мне все очень нравится. Планов, я вижу, у вас много. А вы не пробовали сам аппарат кому-нибудь показать? Патент получить?

– Да, конечно, пробовал! – сосед вдруг заволновался, стал ходить от стены до стены, потирая руки и нервно поправляя очки на кривой переносице. – Никто не слушает. Как видят... мою бумажку. У меня ведь диагноз, я лечился.

Он постучал себя пальцем по лбу.

– Был просто нервный срыв. Я болел. – Он остановился и стал внимательно смотреть на Мирзу Халила. – А они говорят – шизофрения. Разве шизофреник может изобретать такие вещи? Вы же сами видели, как это работает. Правда?

– Конечно, – легко согласился Мирза Халил. Пора было уходить. Он хотел было свериться со временем, но вспомнил, что мобильник у него забрали.

– Вот, например, на стене, сзади вас... видите? Это я три дня назад закончил. В принципе, расчеты все готовы, хоть сейчас запускай в серию.

– А что это? – спросил Мирза Халил, обернувшись назад. К стене кнопкой был приколот детальный чертеж и компьютерная распечатка трехмерной проекции чего-то, напоминающего сложную точилку для карандашей.

– «Нано-корректор». Я назвал его «Мужество». Это аппарат, в котором используются нано-технологии для безболезненного, точного и безопасного, я извиняюсь, обрезания. Сколько же можно дедовским способом! Мой аппарат годится для любого возраста и размера: там, видите, автоматически меняется диаметр. Можно установить в любой аптеке. Это можно делать на ходу, как говорится. Зашел в аптеку, одна минута – и все, свободен. Я думаю еще добавить туда контейнер с конфетами. Сделал обрезание – получи конфету. Или, может, мягкую игрушку. Как вы думаете?

– Жалко, что в мое время такого не было.

– Двадцать первый век на дворе! Нужно идти в ногу со временем. А эти мне говорят – шизофрения!

Скаля желтые лошадиные зубы, сосед радостно потер руки, прошелся до стопки журналов на полу, поверх которой лежала хрустальная пепельница с окурками. Выбрав один подлинней, он ловко прихватил фильтр губами и, склонив голову набок, прикурил от зажигалки. Наблюдая за тем, как облачко дыма, клубясь, поднимается к оклеенному фольгой потолку, Мирза Халил все не мог понять, почему он не встает и немедленно не уходит под любым, самым дурацким предлогом, или даже без всякого объяснения. Почему, словно оцепенев, продолжает слушать бредни этого несчастного шизофреника.

– ...самое ужасное, что тоже начинаешь верить. Когда тебе все вокруг говорят, что ты... вы понимаете? Начинаешь и сам так думать. Сначала я спорил с ними, скандалил, из дома уходил. А потом сдался. А что делать? Все вокруг говорят – ты псих, пей лекарства. Все! Мы же не можем сами знать, кто мы есть, пока нам не скажут этого. Вы мудрый человек, вы меня понимаете. Без зеркала ты не знаешь, какое у тебя лицо. Можно нащупать пальцами нос, губы, щеки, но все равно не будешь знать, какое у тебя лицо, пока не увидишь в зеркале.

Он сделал еще затяжку и раздавил остатки окурка в пепельнице.

– Это как твой голос, записанный на пленку – он звучит всегда неприятно, по-другому. Тебе кажется, что он звучит совершенно не так, как ты его слышишь в голове. Правда? Вы замечали?.. И с этим такая же история. Те, кто вокруг тебя, они как твоё зеркало. Ты же сам не знаешь, ты плохой или хороший, умный или дурак, нормальный или нет. Сам-то ты внутри себя знаешь: ты нормальный. С тобой все в порядке. А они говорят – нет! И доктора тоже. Говорят, не будешь пить лекарства – посадим в дурдом. А от этих лекарств спать хочется все время, работать совершенно невозможно. Вот до чего они меня довели! Особенно жена...

Он опять заходил по комнате.

– Вот я и поверил. Смирился. Хорошо, что они появились! А то бы так и вправду с ума сошел! Клянусь! А как они появились – все стало на свои места. Теперь я знаю, что со мной все в порядке.

– Кто они-то?

Сосед остановился и, хитро улыбнувшись, сказал скороговоркой, не глядя на Мирзу Халила:

– Стражи. Это Стражи Революции. Персы. Я уверен почти на 99 процентов!

– Персы?

– Ага! Иранцы. Они. Свои не верят, а эти хотят мои изобретения. Я же ходил в Минобороны. Писал им. Звонил. Мой товарищ, вместе учились на физфаке, он в техническом отделе там. Я к нему звонил. Мы встретились, шесть лет не виделись, последний раз на свадьбе его сына. Я ему объяснил концепцию, показал первые чертежи. Все еще было в разработке. И он сразу все понял, оценил. Умнейший был человек! Обещал поговорить с кем следует. Не успел. Убили его.

– Как убили?

– Официально, конечно, инфаркт. Я был на похоронах. Вдова его, Самираханым, рассказывала, что он с приятелями поехал на бассейн. И что, спрашивается? Там, вроде, выпили. Вернулся домой. Разделся, лег на диван под кондиционер и умер. Инфаркт. А в кармане джинсов было полно песка.

– Морского песка?

– Именно!

– И что это значит?

– Вот и я спрашиваю – что это значит? Откуда в бассейне песок? А никому нет дела. А я знаю, что это они его убрали. Он, видимо, успел кому-то рассказать, раз они так быстро включились. У них же везде свои агенты. Для этого «Огуз» и нужен.

– Что такое «Огуз»?

– Я мой дистанционный ДНК-расщепитель так назвал – «Огуз». Сокращенно – ДДР «Огуз», – смущенно сказал изобретатель. – Это в честь сына.

– Хорошее имя – Огуз. А сколько сыну лет?

– Вообще-то его Джамилем зовут. Но я всегда хотел, чтобы его звали Огузом. Жена и тесть не дали.

– Логично, – закашлялся Мирза Халил. – Только вот одно непонятно, зачем этим стражам ДДР «Огуз»? Наших отлавливать? Или они собираются победить Израиль «нано-обрезателем»?

Хихикая, сосед покачал головой:

– Нет, нет! Конечно, нет! – перестав смеяться, он снова стал копошиться пальцем в пепельнице с окурками, закурил, всосав щеки, глубоко затянулся, выдохнул:

– Стражи хотят заполучить то, из-за чего погиб мой друг. Ага! Мое главное изобретение. Мой дар стране! С этим можно выиграть любую войну. Лю-бу-ю! Я настаиваю!

– Очень хорошо! – сказал Мирза Халил и наконец заставил себя подняться с кресла. – Я...

– Вы будете первым человеком, который все увидит! Я построил прототип. Он готов. Две недели назад закончил. Сейчас вы его увидите в действии.

– Послушайте, у меня тут небольшое дело, давайте мы аппарат посмотрим завтра? Прямо рано утром...

– Нет, нет, нет! – запротестовал сосед и даже от волнения подпрыгнул слегка на месте. – Что вы! И так очень много времени потеряли. Нельзя! Тут же каждый день на учете! Это здесь, во дворе, будет очень быстро...

Мирза Халил стоял, облокотившись на край бассейна, подставив лицо солнцу. Был почти полдень, и тени лежали на волнистом песке уродливыми обрубками. Несмотря на гуляющий ветерок, день был покойный, по-весеннему томный, отражаясь от кафельной плитки бассейна, волнами расходилось приятное тепло. Мирзу Халила потянуло в сон. Глядя из-под век на растрепанные остатки шпионского облака, успевшего сместиться далеко вглубь, за соседнюю дачу, он представлял, как обязательно станет рассказывать обо всем этом доктору Мурадову.

Первой из-за угла дома выскочила небольшая коротконогая дворняга в канареечном ошейнике. Собака была самой нелепой конфигурации: крупная, почти бульдожья морда с вытаращенными глазами плохо сидела на вертлявом корпусе на коротких и необъяснимо худых лапах. Разбрызгивая слюни из скособоченной пасти, она подскочила к Мирзе Халилу и, дружелюбно помахивая закрученным в завитушку хвостом, стала со знанием дела обнюхивать его кроссовки и джинсы.

– Это она вчера рычала? – спросил он, с отвращением старого собачника разглядывая почти карикатурного уродца. – Это что за помесь такая?

– Она, она! – весело крикнул сосед из-под навеса. – Чубуш! Очень умная, за-раза!

Собака по-кошачьи фыркнула и, оставив Мирзу Халила в покое, улеглась на

солнце перед ступенями веранды. Выкатив во двор детскую коляску, из которой вверх, как жерло пушки, торчал кусок трубы, сосед побежал обратно под навес. Мирза Халил подошел ближе. То, что находилось внутри коляски, когда-то, несомненно, было пылесосом «Вихрь» советского производства. Однако теперь в него была врезана четырехдюймовая (как на глаз определил Мирза Халил) труба из толстой нержавеющей стали, а вокруг лежали переплетенные друг с другом пучками цветных кабелей алюминиевые коробки из-под печенья, набитые блоками микросхем. Кроме этого, было вдоволь разноразмерных лампочек, каких-то патрубков и даже лучевых трубок.

Сосед выскочил из-под навеса с компьютерной клавиатурой, мышкой и старым корабельным «телеграфом», по которому обычно передаются команды с капитанского мостика в машинное отделение. «Телеграф» был белого цвета, с потеками ржавчины под внушительной вмятиной на корпусе.

– Ну, как? Нравится?

– Надеюсь, это машина времени?

– Да нет, что вы? – рассмеялся сосед. – Я же не сумасшедший! Построить машину времени невозможно. Это противоречит второму закону термодинамики.

– И на том спасибо, – буркнул Мирза Халил, отойдя чуть в сторону.

– В любом случае – это, может, даже круче, чем машина времени. Не буду ничего объяснять. Просто покажу. Сами все увидите, – сказал сосед через плечо. Раскорячившись на земле, он стал зачищать кухонным ножом концы кабелей, торчащих из «телеграфа».

– Тьфу! Забыл удлинитель принести... Сейчас, сейчас!

– Долго еще?

– Нет, нет! Мне только соединить, и все готово.

Он продолжал возиться еще минут двадцать. Мирза Халил несколько раз пытался уйти, однако видя, с каким неподдельным энтузиазмом, перегнувшись через край старой коляски, сосед настраивает свой замысловатый аппарат, решил-таки дожидаться демонстрации. Коротая время, он сидел на табурете, который ему вынес сосед, грелся и, надев очки, просматривал сообщения от сестры Сары, звонившей с самого утра уже не меньше двадцати раз.

Наконец все было готово.

– Вот, – сказал сосед, передавая Мирзе Халилу корабельный «телеграф», соединенный уже кабелем с бывшим пылесосом. – Осторожно, не двигайте ручку.

Прикрывая оригинальные надписи, на циферблат «телеграфа» были наклеены кусочки бумаги с новыми командами: «Ветер», «Снег», «Дождь», «Солнце», «Ураган» и «Землетрясение».

– Тяжелый, – заметил Мирза Халил.

– На свалке нашел, отличная вещь! Можно, конечно, и с компьютера запускать, но с этой штукой – эффективнее.

– Я пока ничего не понимаю.

– Перед вами, уважаемый, единственная в мире компактная высокочастотная климатическая пушка! – сосед замолчал, давая возможность Мирзе Халилу переварить услышанное.

– Чтобы климат менять?

– Погоду! Мы можем менять погоду! Американцы потратили миллионы долларов, пытались разработать что-нибудь похожее. Ерунда у них получилась. А эта – бу-

дущее! Вот чего хотят «стражи»! Вот почему летают! – Сосед заговорил горячо, скороговоркой, его оттопыренные уши запунцовели, как кнопки пусков на ракетных полигонах. – Из-за этого они убить меня готовы! Убить! Деньги предлагали мне. Огромные! Но как же я могу им это отдать? Ведь тогда они нас сразу захватят. С этой пушкой выиграешь любую войну! Понимаете? Любую, любую! У противника можно устроить землетрясение, засуху, ливни. В любой точке мира.

Он вдруг замолчал. Воровато огляделся по сторонам:

– Нет, показалось. – Чуть наклонившись к Мирзе Халилу, он стал говорить тише.

– Радиус, конечно, пока ограничен: не хватает мощности. В идеале нужен хотя бы один мегаватт. Так сказать, для межконтинентальной атаки. А пока это только рабочий прототип. Если у меня будет месяцев шесть, да еще нужные материалы, детали – все решится.

– За чем же стало дело? – вяло поинтересовался Мирза Халил.

– Не верят! В Минобороны со мной даже говорить никто не хочет! Понятное дело, у меня же справка. Зато «стражам» на справку мою наплевать! Они знают, что мой аппарат работает. Поэтому я умоляю вас, помогите! Как патриот! Как истинный сын... Пока еще есть время, нужно показать это спецам, я могу помочь наладить это в серию.

Он опять заговорил громко, с надрывом. Проснувшись от звуков его голоса, псина широко зевнула, обвела двор мутными глазами и снова уронила голову на лапы.

– Мы вернем наши земли. Все! До Черного моря! И нас уже никто не сможет победить. Никогда! Вы мудрый человек, Мирза! Вы можете помочь. Меня они не станут слушать, я же со справкой, а вас – совсем другое дело. Эльмар сказал, вы все можете.

Мирза Халил устало вздохнул:

– Эльмар, конечно, молодец...

– Очень хороший парень!.. – не услышав сарказма в его голосе, подхватил сосед. – Я бы без него здесь совсем с ума сошел. Поэтому мне так жалко, что он женился на этой... извиняюсь очень, у нее только 79 процентов! Проверить бы раньше! Вы поговорите с ним, пока еще не поздно, пусть гонит ее...! Ну, что? Готовы?

– Говорить с Эльмаром?

– К испытаниям?

– И что я должен делать?

– Выберите, какую хотите погоду, и переключите ручку. Только землетрясение не надо. И ураган, наверное, тоже. Давайте дождь, если хотите.

Мирза Халил глянул на безмятежное небо и согласился:

– Дождь так дождь. Переключаю.

– Подождите! – сосед что-то настучал на клавиатуре, которую он положил на край бассейна. Затем подбежал к коляске и, нырнув головой в ее нутро, громко щелкнул тумблером. Хрипло заревел пылесос. Накаливаясь, загорелись лампочки.

– Давай! – махнул он рукой. Мирза Халил перевел рычажок в нужную позицию, в подтверждение чего «телеграф» звонко тренькнул, как кассовый регистр, но ничего больше не произошло. Озабоченный сосед стал ходить вокруг коляски, проверяя соединения. Пылесос продолжал гудеть.

Попробовали еще несколько раз. Пушка так и не выстрелила.

Мирза Халил насадил на макушку твидовую кепку, которую до этого держал в руке, и, не оглядываясь, быстро пошел, держась солнечной стороны, к станции. Улица была разбитой и извилистой, как русло высохшей реки. На обочинах из распоротого асфальта торчали колючие сорняки, а вдоль глухих каменных оград волнами лежал песок и нанесенный ветром цветной мусор. Аккомпанируя его бодрым шагам, деликатно шелестели прохладные сквозняки. Он благополучно миновал дачу безумного изобретателя, но не сбавил темпа. Идти до станции было еще минут десять.

Утреннее шпионское облако и очевидная близость воды навели его на мысль о свежей рыбе. Еще сорок минут назад, ворчливо перебираясь обратно через ограду, он невольно стал искать море глазами, но все пространство до горизонта было заставлено убогими прямоугольниками дач, из которых торчали слегка покосившиеся столбы электропередачи. Мирзе Халилу захотелось выпить. Может быть, водки, а заодно и отметить жареной рыбой первый «водяной» вторник Новруза. Пока он сидел верхом на ограде, сосед потрошил свою климатическую пушку и, передвигаясь на коленях с отверткой в руках, шепотом разговаривал с самим с собой. Несмотря на потерянное утро, Мирзе Халилу было почти жаль его, но угощать шизофреника водкой он не собирался.

– Тут где-нибудь свежую рыбу достать можно? – спросил он.

– Рыбу? На станции, – не поворачивая головы, ответил сосед. – Рыбаки привозят.

«Праздник все-таки, отнесу вечером тарелочку», – мелькнуло в голове у Мирзы Халила перед тем, как, уронив вниз оба тапочка, он тяжело сполз со стены на ящик. – «Идиот несчастный!»

Дома он провел скорую инвентаризацию продуктов, переоделся и без промедления вышел, опасаясь, что вдруг опять явится изобретатель с новой партией глупостей.

По пути он не встретил ни машин, ни людей. Дачный поселок словно вымер. Яростно чирикали воробьи. Лишь на подходе к станции Мирза Халил увидел несколько припаркованных вразброс автомобилей и неторопливых покупателей перед затоваренными лавками. Расширившаяся до размера небольшой площади улица упиралась в шоссе, параллельно которому тянулась железнодорожная насыпь. Над насыпью возвышалась платформа пригородной электрички без навеса. За ней – ракушечный пляж, неприветливый и дикий.

Мирза Халил нашел рыбаков сразу. Они стояли на углу, со своим товаром на ящике, покрытом картоном. Рыбаков было двое. Рыба – одна, кутум. Один из рыбаков был лет двадцати, со скуластым лицом, испещренным багровыми рубцами от прыщей. Второй – имел седую бороду с неприятным налетом желтизны и, судя по молочным глазам, был слеп. Одеты они были в одинаковые черные куртки с капюшонами. Тот, который был постарше, курил через мундштук сигарету. Мирза Халил, не здороваясь, наклонился к рыбе: кутум отливал на солнце столовым серебром, глядел прямо черным рыбьим глазом и вообще выглядел очень свежим.

– Почему? – спросил Мирза Халил, недоверчиво приноживаясь к голове.

Молодой, не меняя выражения лица, посмотрел на старика.

– С праздником! – сказал старый рыбак, потирая обветренные руки.

– Спасибо. Почему?

– Поймали только часа два назад.

– Я понял. Почему отдаешь? – стал раздражаться Мирза Халил. Наощупь оттопырив жаберную пластину, старый рыбак жестом предложил убедиться:

– Свежее не бывает. Три с половиной килограмма.

– Послушай, я понял! В последний раз спрашиваю, почему?

Рыбак пыхнул сигаретой и, чуть подумав, заломил цену.

– За дурака меня держишь? Я в городе дешевле возьму, – с холодной злостью сказал Мирза Халил и распрямился.

– Это хорошая цена, – вступил в разговор молодой рыбак. – Мы в море две недели не выходили. Все время ветер, совсем ведь погоду испоганили.

Мирза Халил еще раз поглядел на рыбу:

– Двадцать. Последняя цена.

Оба рыбака в унисон отрицательно покачали головами.

– Никак нельзя. Девять за кило.

– Ладно, себе в убыток, полкило не в счет – давай двадцать семь и забирай! Все-таки праздник! Как тебе? – сказал слепой рыбак и, опять наощупь сунув в рот рыбе заскорузлый крючковатый палец, поднял ее с картона. – Красавица, а не рыба! В море две или три таких осталось... Знаю, что говорю. Я тут полвека рыбаку. Посмотри – живот икрой полный. Всю распирает! Аккуратно почистишь, икру с яйцами собьешь и на сковородку, а рядом стопочку и острый перчик. Я извиняюсь, для мужской силы тоже полезно.

– Ты что же, до сих пор рыбачишь? Я вижу, у тебя с глазами проблема.

– Катаракта. Но в море хожу. С сыном. Он мои глаза, я у него голова.

– А чего не лечишь? Сейчас это делают.

– В мае операция будет, дай бог. Сказали, вначале правый, а потом левый. А вообще-то, чтобы ловить рыбу, глаза не нужны.

– Как это так?

Рыбак положил кутума обратно на картон. Его затянутые белой пленкой фарфоровые зрачки выглядели неживыми даже по сравнению с рыбьими. Докурив сигарету, он, не спеша, но расторопно, вытянул окурок из мундштука и бросил его себе под ноги:

– Рыбу глазами не увидеть, – сказал он после театральной паузы – Я здесь уже пятьдесят лет ловлю. Спроси кого хочешь. Первый раз в море вышел в десять лет. Я здесь каждую отмель знаю. Каждую яму тоже. Знаю, как рыба ест, когда ест, что ест. Знаю, когда икру мечет. Когда боится, когда она голодная, и когда у нее от молока брюхо пухнет. Это наука нехитрая. Порыбачишь с мое, сам все будешь знать. Я по цвету воды знаю, есть косяк или нет. И погоду могу тебя расписать на неделю вперед. Лучше телевизора. Вот, например, завтра – точно опять будет шторм.

Мирза Халил с сомнением посмотрел на безмятежное небо.

– Не сомневайся! Знаю, что не веришь. Завтра сам увидишь. Прямо с утра. Так вот, где рыба, я всегда знаю – опыт. Как ловить ее – тоже, пятьдесят лет не шутка. Считаю, вся жизнь в море прошла. И вот, поди же ты, каждый раз забрасываю сетку, а шансов у меня поймать рыбу столько же, сколько у какого-нибудь засранца с модельным спиннингом! Лотерея!

– Почему это?

– А потому, что это только в кино бывает: найдут какой-нибудь след, ниточку, потянут за нее и всех сразу словят. А в жизни так не бывает. Примет – сколько хо-

чешь. Везде разбросаны. И в море, и на земле. Вон, звезды ночью, и те куда-то путь указывают. Только хочешь – академию закончи, а как по этим следам найти тех, кто их оставил, – не разберешься. Хоть сто лет на рыбалку ходи, а вот поймает ли рыбу или нет, никогда точно не знаешь.

– Значит, получается, ты этого кутума случайно вытащил? Лотерея, говоришь?

– Не совсем, – хитро улыбнулся рыбак. – Мне-то его в сеть подложили.

– Подложили? Как это? Кто?

– А кто рыбу в море выпустил, тот ее ко мне в сети и направил. И он же самый глаза мне серебряной водой залил, – вздохнул рыбак. – Я хоть и необразованный, но человек верующий. А как по-другому?

– Ясно. Значит так, даю двадцать четыре. Последняя цена.

– Двадцать семь, меньше нельзя. За двадцать четыре мы лучше сами съедим. Две недели в море не ходили, – упрямо повторил молодой. – Это хорошая цена! Клянись детьми. Погоду совсем испоганили: две недели – шторм, когда такое было? Как на хлеб заработать?

– Двадцать семь – очень хорошая цена! – сказал слепой. – Такой рыбы в море, считай, уже не осталось.

– Из-за этой погоды ничего заработать невозможно... Эх, была бы такая машина, ручку повернул и – раз тебе, полный штиль, не думай, лови, сколько хочешь! Кефаль, кутум, осетрина...

– Какую ручку повернул? Ты о чем говоришь?

– Это я так, к примеру. Аппарат такой, говорю, был бы, чтобы погоду менять. Лучом пальнул в небо и полный штиль сразу. Может, у американцев даже есть уже такое...

Мирза Халил подозрительно прищурился.

– Ладно, дядя, «водяной» вторник сегодня, пусть будет по-твоему! Бери за двадцать шесть! – рыбак быстро вытащил из кармана мятый пластиковый пакет и стал выжидательно смотреть на Мирзу Халила.

– Себе в убыток отдаем! – поддакнул слепой.

Мирза Халил полез в карман за портмоне.

С кульком в руках он перешел на другую сторону улицы, где перед входом в продуктовую лавку были выставлены ящики с овощами и фруктами. Нужно было купить свежей зелени, яиц, помидоров для салата и болгарского перца. За витриной, на прилавке, стояли противни с пахлавой. Мирза Халил смущенно вспомнил брошенную им соседку Эльзу, ее лошадиные ляжки и волнующий грудной голос. Стараясь не думать о ней, он стал выбирать апельсины. Цитрусовые Мирза Халил любил. Склонившись над ящиком, он по одному взвешивал на ладони оранжевые шары, заодно проверяя большим пальцем, выступает ли достаточно «пупок», что должно было служить признаком спелости, когда вдруг в витрине прямо перед ним проплыло отражение знакомых «Жигулей». Он замер: салатного цвета машина с зашпаклеванной вмятиной и без заднего бампера остановилась у соседнего магазинчика, перед дверью которого на столах громоздилась всякого рода цветная хозяйственная утварь. Из машины вышел небритый мужчина с лицом актера Омара Шарифа и очень длинными руками. Прикурив от бычка новую сигарету, он вошел в магазин.

Мирза Халил, волнуясь, стал разглядывать «Жигули». Машина была старая, битая, с ржавчиной по углам, хотя и с совершенно новыми колесами, на заднем стекле была наклейка в виде шиитского «аляма». Он хотел подойти ближе, но в этот

момент из продуктовой лавки вышел продавец и стал взвешивать собранные Мирзой Халилом в кучку апельсины.

– Что-нибудь еще? – спросил он, перекладывая их в пакет. – Зелень свежую?

– А чего такая мелкая? – ворчливо спросил Мирза Халил, переключив свое внимание на мокрые пучки зелени. Продавец ничего не ответил.

– Куда это годится!

– Со двора. Не парниковая...

– Сосед, сосед!

Мирза Халил оглянулся. Придерживая на голове вытертую ушанку, к нему то-ропился изобретатель. Точнее сказать, бежал: фалды его длиннополого болоньевого плаща разлетались в стороны и хлопали как крылья.

«Только его тут еще не хватало!» – успел подумать Мирза Халил.

Из переулка, сверкая оранжевым металлом, с грохотом вылетел «Камаз».

– Сосед, сосед!..

Перепрыгнув через лужу, изобретатель выбежал на дорогу, выросшая у него за спиной груженная машина взвизгнула тормозами, заскрежетала, пошла юзом и, отрывая колеса от асфальта, стала заваливаться набок. Из вывернутого кузова посыпался песок, и буквально через несколько мгновений изобретатель оказался полностью погребенным под двухметровым холмом.

После того, как прошел первый шок, началась толкотня. Продавцы и немногочисленные покупатели высыпали из лавок, кричали, начали разгребать руками влажный песок, кто-то предложил использовать пластиковые ведра, требовали лопаты. Водитель «Камаза» сидел на корточках перед насыпанной им же пирамидой и, вытирая рукавом разбитый нос, громко матюкался. Грузовик лежал как подстреленный мастодонт, уткнувшись кабиной в развороченный асфальт. Продолжали крутиться колеса.

Наконец откуда-то появились лопаты. Но раскопки все равно шли бестолково и медленно. Доброхоты мешали друг другу, суетились, песок летел во все стороны, много кричали. Подъехала патрульная машина. При ее появлении водитель вскочил с корточек. Не забывая размазывать юшку и кровь по лицу, он принялся кричать, что ни в чем не виноват и всех вокруг призывал в свидетели. Однако один из стражей порядка сразу уличил его в том, что от него разит перегаром. Водитель «Камаза» впал в форменную истерику, стал лупить себя по голове, но когда из песка показалась рука изобретателя, почти успокоился.

Соседа раскопали. Он был мертв. Открытый в молчаливом крике рот его, нос и уши были плотно забиты песком. Судя по оттопыренным карманам плаща, песок был и в них. Разбитые очки врезались в кожу вокруг глаз. Его уложили на асфальт рядом с колесами «Камаза». Мирза Халил обратил внимание на то, что задравшиеся фалды его плаща были обшиты фольгой. В молчаливой толпе мелькнуло лицо актера Омара Шарифа: встретившись с Мирзой Халилом глазами, странный водитель «Жигулей» быстро ретировался.

Позже всех приехала «скорая».

5

Чешуя сходила темными блестками, липла к рукам, клеенке стола, фартуку. Но Мирза Халил не обращал на это никакого внимания и продолжал ожесточенно скре-

сти кутума мясницким ножом. Как всегда в минуты сильного раздражения, он хмурился и дышал носом, выставив вперед тяжелую челюсть, делавшую его похожим на известные портреты Муссолини. На тенистой веранде было довольно зябко. Позолоченное послеполуденным солнцем дерево с пауками отбрасывало на бесплодный участок позади себя длинную корявую тень.

Нелепая и трагическая гибель соседа, косвенно подтвердившая его бредовые фантазии, не столько расстроила, сколько разозлила Мирзу Халила своей очевидной двусмысленностью. Как объяснить присутствие человека, похожего на Омара Шарифа, на месте происшествия? Было ли простой случайностью его внезапное появление буквально за минуту до того, как грузовик засыпал несчастного придурка? И даже если так, – допустим, стечение обстоятельств, совпадение, что угодно, – но зачем-то же он сидел прошлым вечером в машине перед воротами? Мирза Халил вдруг похолодел: чертежи, записи, прототипы! А что, если и вправду кто-то охотится за всем этим? Может, даже и не понимая, что все изобретения соседа одна только фикция, продукт его распаленного шизофренией воображения!

Он положил рыбу на разделочную доску и, вытирая на ходу руки тряпкой, прихрамывая, побежал вокруг дома. Уже забравшись на ящик, Мирза Халил постоял немного, втянув голову в плечи, и лишь затем медленно распрямылся. На первый взгляд, ничего не изменилось: ни во дворе, ни на веранде он никого не заметил. Куда-то девался Чубуш. Над аккуратными грядками летали сонмы весенних мух, ворота были плотно закрыты, а рядом с зеленеющим бассейном по-прежнему стояла опутанная проводами старая коляска. Однако несмотря на это у Мирзы Халила сразу же возникла стойкая уверенность, что в доме кто-то есть. Отсюда было слишком далеко, чтобы разглядеть происходящее за темными окнами. Подумал он было опять перелезть через ограду на свой страх и риск, но передумал и решил подождать, за что и был вознагражден. Минут через семь или восемь дверь дома открылась, и на веранду вышел невысокий мужчина в спортивной куртке. Лицо его было спрятано под капюшоном. При его появлении Мирза Халил предусмотрительно присел, оставив над оградой лишь поллица. Мужчина постоял немного, держа руки в карманах мешковатых треников, огляделся, а затем спустился с веранды во двор, двигаясь из-за пивного живота короткими шагами и враскачку. Во дворе первым делом заглянул он в бассейн, плюнул в него, затем, задрвав голову, стал изучать мигающий маячок на верхушке бамбукового удилища.

– А чего этот Чубуш молчит? – спросил шепотом Мирза Халил и тут же сам себе ответил: – Или знает толстяка, или его тоже прибили...

Подняв с земли камешек, мужчина прицелился и пульнул им в маячок. Промазал. Попробовал снова. Камни приземлились где-то на грядках. Пока он кидал, капюшон съехал у него с головы, и мужчина с пивным животом превратился в толстого мальчика с густой монобровью.

«Сын, что ли?» – подумал Мирза Халил. Тем временем мальчик, потеряв интерес к маячку, шаркая кроссовками по песку, подошел к коляске с «климатической пушкой» и стал медленно ходить вокруг нее. Снова открылась дверь дома. Высунулась голова женщины:

– Джамиль, ты где?

– Здесь.

– Не вздумай трогать собаку! Ты слышал? Со двора никуда!..

– Куда я пойду? – огрызнулся мальчик и пнул ногой коляску так, что та едва не

перевернулась. Где-то в глубине двора жалобно тьякнул Чубуш.

Мирза Халил вернулся на веранду чистить рыбу. Однако прежде, чем снова взяться за нож, чувствуя, что замерз, он поставил чайник и накинул на плечи какую-то старую куртку, которую нашел на вешалке в коридоре.

И снова полетела чешуя. И снова он вернулся мыслями к водителю «Жигулей». Виртуозно вырезав жабры с обеих сторон, Мирза Халил уложил рыбину набок и, придерживая ее левой рукой, вспорол ей брюхо от хвостового плавника до головы. Из разреза выступила темная кровь. Раздвинув стенки ее живота, Мирза Халил стал вываливать ножом на поднос розовые внутренности. Слепой рыбак не обманул: кутум был полон икрой. Осторожно, чтобы не повредить пленку, Мирза Халил стал вынимать туго набитые икринками бледно-розовые мешочки, когда вдруг заметил в рыбьих внутренностях какой-то явно посторонний предмет. Переложив икру на тарелку, Мирза Халил извлек из скользкой требухи фигурный ключ с тяжелым бронзовым брелком. Обтерев ключ тряпкой, он надел очки и поднес его ближе к глазам. На одной стороне брелка было выгравировано «Albatross», на другой выбита цифра «4». Брелок был тяжелый, какие бывают в гостиницах. Мирза Халил на всякий случай просунул руку в рыбье брюхо, чтобы убедиться, что там больше нет ничего.

Ключ был большой. Брелок – еще больше. Пасть кутума, конечно, открывалась довольно широко, но все равно было сложно представить себе, как рыбе удалось заглотать такой внушительный по размерам предмет. Думать об этом не было сил: Мирза Халил был очень голоден и расстроен. Порезав рыбу на крупные куски, он поставил сковороду на плиту и пока разогревалось подсолнечное масло выпил рюмку водки под головку маринованного чеснока.

Отмытый от рыбьей слизи ключ он положил в карман.

Вечером над поселком, разрывая фиолетовые сумерки, шипели и хлопали китайские петарды, отмечали «первый вторник». Мирза Халил сидел, закутавшись в плед и вытянув ноги на цементные перила веранды. Пил чай, продолжая без энтузиазма думать обо всем произошедшем. К мистории изобретателя добавился теперь еще и ключ. Каждое из событий было по-своему самостоятельным и вроде бы не могло иметь и не имело никакого отношения друг к другу, но Мирза Халила не покидало странное чувство, что эти разрозненные ключи – от одной и той же двери.

Не допив чай, он еще раз сходил понаблюдать за соседским двором: в окнах дома горел свет, толстый мальчик методично вытаптывал ровные грядки огорода. Коляска с пушкой куда-то исчезла. Когда Мирза Халил только взобрался на ящик, горько тьякнул Чубуш.

Он вышел из дома в половине восьмого, после короткого разговора с Эльмаром, который искреннее расстроился, узнав о смерти соседа. Не вдаваясь в подробности, Мирза Халил между делом выяснил у него, что «Albatross» – небольшая гостиница на пляже, находящаяся сразу же за сходящим террасами к морю роскошным гостиничным комплексом «Beach Palace».

Сумерки были неровные: кое-где они уже успели сгуститься до темноты, но горизонт все еще был окрашен в нежные персиковые тона. Переливающаяся огнями башня из стекла и бетона, отдаленно напоминающего парус, была видна издали. Это было удобно. Ориентируясь на нее, Мирза Халил двигался через полуосвещенные улицы, не боясь заблудиться. Он уже прошел дачи, вышел в старую часть поселка, где улицы стали заметно уже, но оживленнее. В зарешеченных окнах горел свет, кое-где даже звучала музыка, звук рвущихся петард стал гораздо ближе. После

одного из поворотов он вышел к небольшой площади, в центре которой полыхал оранжевый костер. Через костер под одобрительные крики прыгала всякая мелюзга. Люди, разбившись по возрастам, стояли отдельными кучками.

«Первый вторник», – с неожиданным налетом сентиментальности подумал Мирза Халил, пожалуй, впервые пожалев, что вместо того, чтобы сидеть сейчас за накрытым столом с кем-нибудь, – хотя бы даже и с Эльзой, – одиноко бродит по темным улицам в поисках неизвестно чего. Он стал жалеть себя, но тут, обгоняя его, из переулка выскочили двое подростков с тачкой, груженной книгами. Тачка была забрызгана цементом. Подростки под радостное улюлюканье подкатили к костру и стали бросать в огонь книги. Оранжевые угли под тяжестью томов разлетались искрами, дети визжали от восторга. Защищенные твердыми переплетами книги горели скучно. Кто-то из толпы крикнул:

– Ты раскрой ее! Раскрой! Прежде, чем бросать...

Кто-то последовал его совету и, схватив массивный справочник, по виду похожий на бордовый том Большой Советской Энциклопедии, бросил в огонь книгу раскрытой посередине. Дело пошло веселее.

– Это другое дело! – похвалил его тот же самый голос из толпы.

Происходящее озадачило Мирзу Халила. Вид пожираемых пламенем книг был сомнителен сам по себе, а тут еще театрального эффекта добавляли приплясывающие гигантские тени на расцвеченных огнем стенах домов. Из переулка к костру спешили еще подростки с книгами. Кто-то тащил их в мешках, кто-то в руках стопками, кто-то волок на куске жести. Их сваливали в кучи по краям, а затем начинали швырять в огонь.

– С праздником!

Мирза Халил оглянулся на круглолицего мужчину в вязаной шапочке.

– Очень люблю этот праздник! С детства. Душа радуется.

– С праздником, – ответил Мирза Халил. Мужчина подошел ближе и протянул ему руку:

– Мешади Ильгар, я тутошний.

Мирза Халил представился. Помолчали с минуту, глядя на прыжки через костер.

– Эх! Душа радуется! Я – электрик. Если что-то надо, дайте знать. Здесь меня все знают. Любого спросите – Ильгар-электрик. Мотор для качалки, свет, кабель проведи, в общем – все.

– Буду иметь в виду, – пообещал Мирза Халил. – Это ты, братец, получается, до Мешхеда добрался? И как там?

– По правде сказать, даже не знаю.

– Как так? А говоришь – Мешади?

Круглолицый расплылся в улыбке:

– Поверите, два раза туда отправлялся, на автобусе, конечно. Денег собрал, визы получил – все, как полагается. В первый раз до Сальяна еще не доехали – будь неладен! – у меня прямо в дороге геморрой разыгрался! Сказать стыдно, ни встать не мог, ни сесть. Хоть кричи. Пришлось в Сальяне сойти, на такси и – домой обратно. Куда с таким геморроем ехать! В сабунчинской больнице прооперировали. Думал, совести хватит, деньги вернут за дорогу, я же не поехал. Хотя бы половину. Не вернули, мерзавцы. В общем, на следующий год снова собрался. И опять, как только в проклятый Сальян въехали...

– Автобус испортился?

– Да нет – у меня понос начался! Да такой, что, извиняюсь, водой исходил. Думал, дух испущу! Они меня в Сальяне высадили, и я там неделю в больнице с дизентерией пролежал.

– Ничего себе! Видать, братец, тебе в Мешхед нельзя.

– Грехи не пускают, – вздохнул круглолицый. – Так наш имам говорит. Он, конечно, человек знающий, но иногда глупости болтает. Что я, хуже всех, что ли? За-резал кого-нибудь, изнасиловал?

– А может, у тебя конкретно с Сальяном проблемы? Летать не пробовал? Из переулка тащили свежую порцию литературы.

– Вы тоже думаете? Я теперь даже рыбу из Сальяна больше не покупаю. На всякий случай.

– Послушай, а откуда они книги тащат?

– А, это – да, тут склад недалеко был раньше. В старой мечети. Склад «Азеркниги». Когда мечеть начали ремонтировать, книги вынесли, собрали в подсобке. Из «Азеркниги» должны были забрать. Не забрали. Я вижу, вы похожи на читающего человека, если чего надо, я покажу. Там книг много. Правда, некоторые уже испортились.

– А детективы есть?

– Есть, есть! Там все есть! А вы детективы любите? Я бы подумал, что вам исторические книги нравятся. Хотите, прямо сейчас покажу, пока они все не пожгли? Мирза Халил махнул рукой.

– Не стоит.

– А вот я сам детективы не люблю. Ни книги, ни кино...

– Чего так?

– Да вранье сплошное! Ходят, ходят... Шерлок Холмс... не знаю, кто еще... доказательства ищут... следы ищут – а чего их искать?

– А как же без этого? – чуть насмешливо спросил Мирза Халил. – Как тогда преступление раскрыть?

– Моя бабушка притчу все время рассказывала. Хорошая была женщина! Притча немного неприличная, но к месту. Можно?

– Не стесняйся.

– Значит, так: на вершине горы сидит самка шейтана со своим детенышем.

– Ага.

– А внизу крестьянин на волах пашет землю. Вот. Только волы криво идут: то вправо, то влево, и крестьянин ругается: «Я этого шейтана маму так и так!». И в конце концов детеныш спрашивает у матери, типа, чего это он нас все время кроет. Мы же вон как далеко сидим, не мешаем. А мать говорит: «Далеко-то далеко, только мой палец все время в заднице одного из волов!»

Круглолицый, смеясь, хлопнул в ладоши:

– Палец, говорит, все время у вола в заднице!

Мирза Халил вежливо улыбнулся, он слышал это и раньше.

– Ну, ладно, а при чем тут детектив? – спросил он, выдержав приличествующую паузу. Круглолицый перестал хихикать и озадачено посмотрел на Мирзу Халила:

– Как при чем? Понятно же! Ну, где вол, а где шейтан... Один на горе сидит, другой внизу пашет – далеко друг от друга...

– Это я понял, братец, детектив-то тут при чем?

– В том смысле, что если вол криво ходит, мы же не смотрим на гору, где шейтан сидит, правильно? А смотрим под ноги волу. Или вокруг. Думаем, может, вол заболел. Или камни какие-нибудь. Или крестьянин с вечера нажрался. А причина-то вон где, и не догадаешься! Что, разве не так? И эти тоже, в детективах... все время следы ищут, типа: «Ой! Окурочка нашли! Ой! Отпечатки пальцев!..». А я думаю, ничего так найти на самом деле нельзя.

– А как можно?

Круглолицый пожал плечами.

– Этого, честно говоря, я не знаю. Я просто говорю – вы только не обижайтесь – детективы не люблю. И все тут. Сейчас...! – он полез в карман и достал увесистую связку разнобойных ключей.

– Смотрите! Вот это детектив! В отцовском доме всего девять дверей, и это включая ворота. А в этой связке – двадцать восемь! Можете посчитать, – предложил электрик, заметно волнуясь. – Я в этом доме всю свою жизнь живу, там родился и вырос, там дети мои родились! И на моей памяти в доме замки меняли два раза. Ровно два, да и то на воротах. Все! А теперь вопрос: откуда столько ключей? Это отцовская связка. Он еще в восемьдесят втором году умер. Я уже устал всех спрашивать. Всех родственников спросил. Мать спрашивал. Братьев его. Друзей. Никто ничего не знает. Люди уже смеются надо мной. А я никак не успокоюсь. Ведь поди знай: какие они двери открывают, что за теми дверями... Так все эти ключи с собой и таскаю. Неудобно, они ж тяжелые. А что делать? Понимаете?

– Ну?

– Вот и получается детектив: ключи есть, замков нету! Вот где, извиняюсь, настоящая жопа! Потому что, я так думаю, был бы замок, а уж ключ к нему как-нибудь найдется! Подберем! Сломаем, на крайний случай! Разве нет?..

Он вдруг тяжело вздохнул и весь как-то затух. С минуту оба молча смотрели на веселый костер.

– Вот и знай, чей это палец в моей заднице застрял, что я второй год в Мешхед попасть не могу, – задумчиво сказал электрик.

– Ну, знаешь, братец, ты совсем уже... – разозлился Мирза Халил.

– Образуется как-нибудь! – легко и неожиданно по-доброму согласился круглолицый. – Люблю поговорить с умным человеком. Почему нет?..

С треском обвалилась полыхающая книжная пирамида. Фейерверком метнулись огненные зарницы. К ногам Мирзы Халила спланировала тлеющая по краям страница. Наклонившись, он подобрал листок. Подпись под изображением чудовищной доисторической рыбы с бульдожьими челюстями гласила: «Дунклеостей (лат. *Dunkleosteus*) – род вымерших панцирных рыб класса плакодерм. Девонский период, 415 – 360 млн. лет назад».

Взглянув на рисунок, электрик восхищенно воскликнул:

– Ух, ты! Каких-то только животных не бывает! А?.. В школе говорят – Дарвин все придумал! Никто мне не сможет доказать, что такую махину Дарвин мог придумать! Ерунда все это!..

Мирза Халил не стал спорить. Подпитываемый томами бесполезной мудрости костер ревел. Наконец кто-то в толпе забеспокоился и закричал дурным осипшим голосом:

– Хватит, хватит! Сейчас дома запалите, сукины дети!..

Мирза Халил не узнал пляжа. С того времени, как был он здесь в последний раз, все очень заметно изменилось. Некогда почти совершенно пустынное побережье теперь было благоустроено даже с неким налетом чрезмерности. От берега в море уходила огнями чудесная эстакада, а вдоль кромки воды плотно друг к другу, почти касаясь друг друга фривольными крышами, стояли навесы. Вполне симпатичные кафе формировали задний ряд: все, кроме одного, теперь были закрыты – очевидно, до начала сезона. Однако главной приметой нового времени был, конечно, нависающий в отдалении над всей пляжной косою стеклянный парус «Beach Palace» с его сверкающими витринами и люминесцентными бассейнами, расположенными на разных уровнях.

В отличие от своего элитного собрата, гостиница «Альбатрос» находилась не в высокомерном отдалении, а вполне демократично расположилась прямо на пляже. Это был нехитрый прямоугольник в два этажа, стоящий перпендикулярно к морю: от его крайней точки до кромки воды было не более сотни метров. Большая часть первого этажа была занята под прокат пляжного инвентаря, о чем, соответственно, гласили многочисленные надписи. В целом, несмотря на неоновую вывеску, фонари и обилие ламбира, своей треугольной крышей и общей стилистикой гостиница напоминала канувшие в Лету «Дома колхозников».

Мирза Халил сам не знал, зачем притащился сюда. Что ожидал найти. Повернувшись к морю, он слушал шелестящий прибор, все еще пытаясь как-то увязать в голове найденный в рыбине ключ и нелепую смерть безумного соседа. Связи не было. Не могло быть. Была лишь общность места и времени, но чем дольше глядел он в косо бегущие над отмелью игривые буруны, тем сильнее крепло в нем чувство, что связь все-таки есть, нелинейная, скрытая. Ему стало зябко. Втянув голову в плечи, он подошел к двери гостиницы под неоновой вывеской. Через стеклянную дверь было видно, что внутри простенького ресепшена горит свет, но сама дверь была заперта. Мирза Халил приложился лицом к стеклу, несколько раз подергал ручку, постучал. Ответа не последовало. Он стал стучать настойчивее.

– Уже иду! – услышал Мирза Халил и оглянулся. Со стороны единственного работающего кафе к нему, шаркая тапочками по песку, семенил невысокий мужичок. – Добрый вечер!

Мужик был лет пятидесяти, бритый наголо, с простым и скучным лицом. К тому же казалось, что у него нет бровей. На самом деле и брови, и ресницы присутствовали, но были очень светлые и в темноте почти сливались с тоном его кожи.

– Слушаю вас! Вам что?

– Свободные номера есть?

Мужчина чуть запыхался. Быстро оценив Мирзу Халила наметанным глазом, он засуетился:

– Вам номер нужен? О чем разговор, для вас найдем! – он стал открывать ключом дверь. – На сколько дней? Заходите!

Они прошли в небольшой холл. Справа у стены стояла короткая стойка ресепшена. Внутри было прохладно. Пахло освежителем воздуха и резиной.

– А какие у вас номера? Я имею в виду, на сколько человек?

– Все минимум на два человека, но в каждом номере есть еще кресло-кровать. Можем поставить раскладушку...

– А можно посмотреть номера? Хотя бы один...

Дядька, успевший уже зайти за стойку, озадаченно посмотрел на Мирзу Халила поверх очков:

– Хотите посмотреть?.. Ну, что ж, можно, конечно. Но вообще-то у нас все номера идеально чистые. В каждом – кондиционер. Вода. Тут же, как говорится... вся эта зона сейчас под контролем, – сказал он многозначительно. – «Бич Палас» видели? Номера там по четыреста-пятьсот долларов. Это еще не в сезон! Ну, и от нас тоже, конечно, требуют. Чтобы уровень был. А как же!... Вам на сколько человек?

– Вообще-то я не себе смотрю. Племянник приезжает из России. С семьей. Середина июня. Дней на пятнадцать. У вас же заранее бронировать можно?

– Почему нельзя?

– Ну, так номер какой-нибудь посмотреть можно будет?

– Можно. – Дядька выдвинул ящик и стал перебирать ключи. – Сейчас...

– А можно четвертый номер посмотреть? Четвертое – мой день рождения, – не удержался Мирза Халил и сразу же пожалел, понимая, что врет неуверенно. – Просто с четверкой мне всегда везет... А вы что, круглый год открыты? И зимой работаете?..

Они поднялись на второй этаж и пошли по коридору, выложенному скользкой керамической плиткой, к четвертому номеру. Ключ в руках управляющего был совершенно такой же, какой лежал в кармане брюк Мирзы Халила.

Номер оказался обычным. Две аккуратно заправленные односпальные кровати, кресло в углу, небольшой столик, телевизор. На полу вся та же плитка. Номер выглядел опрятным, но все равно чуть заметно пах сыростью. Прикасаясь к вещам и мебели, Мирза Халил деловито прошелся по комнате. Зашел в совмещенную с санузлом ванную. Попробовал открыть кран с горячей водой, затем, вернувшись в комнату, заглянул за салатовую штору и обомлел: прямо на окне, за которым в темной панораме пляжа путеводными звездами горели фонари эстакады, висела громадная, тщательно сотканная паутина. Она была почти круглая, расходящаяся частыми кольцами, плотно натянутая. Однако паука Мирза Халил не заметил.

– Ой-ой-ой! Это что еще такое! – запричитал подскочивший управляющий. – Никогда такого не было! Клянусь!.. Вот позор... у нас тут каждый день убирают! Каждый день! Влажная уборка. Да чтобы я с места не сошел! Я эту блядь, – прошу прощения, очень извиняюсь, – как собаку выгоню! Она же сегодня утром здесь пылесосила! Вот и делай людям хорошее! Такую гадость не заметила!..

Наконец Мирза Халил сообразил, почему невыразительное лицо управляющего с самого начала не понравилось ему. Стоило ему заговорить, становились видны мелкие кривые зубы с широкими просветами между ними, что делало его похожим на какое-то хищное животное. Оставив Мирзу Халила одного в номере, управляющий побежал за веником и тряпкой. Тем временем, сквозь очки разглядывая искусную паучью ловушку, Мирза Халил вспоминал утренний сон с покойным дядей.

– Что бы это все значило? – спросил он вполголоса то ли у гостиничного номера, то ли у самого себя, то ли у кого-то еще, невидимого.

Пока управляющий не вернулся, он попробовал вставить ключ в замок. Ключ подошел идеально, но легче от этого не стало.

Выбравшись, наконец, из гостиницы на темный пляж, Мирза Халил поднял воротник: к вечеру стало заметно прохладнее. Вспомнив старую примету, он выудил из портмоне несколько купюр и стал их демонстрировать взошедшему молодому месяцу

– тонкому и остророговому как рыбацкий крючок. От горящего огнями кафе тянуло теплым шашлычным дымом. Он почувствовал, что голоден, как-то внезапно и остро. На даче в холодильнике еще оставалось несколько кусков рыбы, но ему вдруг захотелось прямо сейчас жареного на углях мяса, бараньих ребер, посыпанных кольцами лука, солений...

Убрав деньги, он окликнул вышедшего следом за ним управляющего.

– Как там кормят? Нормально?

– Это тоже наш объект. Шашлыки... Вообще-то меню у нас большое, но сейчас только шашлыки. Мой брат этим заправляет. Я здесь, а он там.

– А цены как? Выше крыши?

– Да нет, что вы! Нормальные. Как везде! Летом – другое дело. А сейчас... Клиентов почти нет. В это время мы уже закрываемся. Просто сегодня праздник, решили компанией посидеть. Я сам, брат и наш компаньон, – управляющий махнул рукой в сторону гостиницы. – Прокатом заведует. Хороший парень. Вот он как раз шашлыки сейчас и делает... Знаете что, может, с нами посидите? Покушаем немного, поговорим? Приглашаю!

Мирза Халил в задумчивости почесал подбородок:

– Поздно уже.

Управляющий развел руками:

– Как хотите.

– Может, я с собой возьму? На вынос сделаете? Долго займет?

– Да нет, минут пятнадцать-двадцать.

Мирза Халил с сомнением посмотрел в сторону дачного поселка. Предстоял еще долгий путь обратно.

– Ладно, – сказал он, решившись. – Возьму антрекоты. А куриные крылышки есть?

– И крылышки сделаем...

Обсуждая меню, они пошли к кафе.

Проходя через огороженный дворик, в котором летом ставили столики, Мирза Халил заметил заднюю часть знакомых салатových «Жигулей», припаркованных сбоку от кафе, чуть в стороне от аппетитно дымящего мангала. Его охватило волнение. Он решил принять приглашение и остаться.

Посетителей не было. Лишь за накрытым столом, у окна, рядом с входом, Мирза Халил с некоторой оторопью увидел точную копию управляющего. Его клон. Братья оказались идентичными близнецами. Как выяснилось, одного звали Асиф, а второго, соответственно, Васиф. Похожими у них были даже голоса и редкие мышинные зубы. Пока Мирза Халил свыкался с обстановкой, из кухни, шаркая ногами, вышел похожий на Омара Шарифа владелец «Жигулей» с кастрюлей уже готового мяса.

– Садимся, пока не остыло! – возвестил он с заметным иранским акцентом.

Братья утверждали, что водка заводская, непаленая, но Мирзу Халила развезло почти сразу. Он решил остановиться, стал налегать на еду, но в голове уже шумело, и в собственном голосе слышалась пьяная хрипотца. Начали с антрекотов.

– ...отец, – объяснял иранец, характерно растягивая слова, – специальный рецепт! Мясо нужно мариновать с киви, да! Только так! Киви из него делает человека!

– Киви? – сквозь сгущающийся пьяный угар спросил Мирза Халил. – О чем ты говоришь?

– Киви, отец, киви! Киви любое мясо делает человеком! Старый рецепт, воен-

ный, – кивал головой похожий на Омара Шарифа словоохотливый иранец.

– Что, правда, что ли?

– Ты лучше расскажи, где ты этому рецепту научился! – посмеиваясь, встрял в разговор один из братьев, а затем наклонился к Мирзе Халилу: – Аскер у нас подводник. Бывший.

– Подводники бывшими не бывают, – пояснил второй брат.

– Отец, я Аскер – по-вашему, Асгар – по-нашему. Я говорю, выпьем еще за праздник!.. У вас и у нас один праздник... – обмакнув длинные и тонкие, как щупальца осьминога, пальцы в рюмку с водкой, иранец торжественно обрызгал проросшую пшеницу в тарелке посередине стола. Пшеница, как положено, была обвязана красной лентой и обложена крашеными яйцами. Чокнулись. Мирза Халил лишь пригубил. Ставя рюмку обратно на стол, он, как ему казалось, незаметно опрокинул содержимое под ноги. Муть в голове не отпускала.

– Киви...

– Что киви, отец, я такие фокусы знаю!..

– Знает, знает!..

– Мы, отец, на субмарине ходили. Я офицер! Аскер! Порт приписки – Бендер-Аббас. В пролив, отец, ходили, Ормуз патрулировали... пока имамы не пришли. А здесь, видишь, лодками занимаюсь – прокат.

Иранец разлил по рюмкам водку.

– Отец, не пьешь совсем, хорошая водка...

Мирза Халил запротестовал:

– О чем ты говоришь, я пью, вот, рюмка пустая...

Иранец поцокал языком и, ткнув в лужицу на столе перед Мирзой Халилом, облизал мокрый палец:

– Не хочешь пить, отец, не пей, только зачем хорошую водку зря тратить.

Мирза Халил, почти не скрывая ненависти, посмотрел в насмешливое лицо иранца.

– Может, кто пива хочет? Как лёд, – спросил один из братьев, обмакивая хлеб в печеный помидор.

– За наше здоровье!

Чокнулись. Пришлось выпить. Муть перед глазами стала еще плотнее. Пока Мирза Халил искал блюдечко с нарезанным лимоном, иранец вальяжно откинулся на спинку стула и достал из кармана самокрутку. Братья оживились.

– Э-э-э! Какие были времена. Ходили в Йемен, ходили в Бахрейн, перевозили контрабанду. В Амман ходили, красиво очень!.. Сигареты, жвачки, инглиское виски... – «виски» он произносил почти как «висчи». Он закурил. Глубоко затянувшись, на пару секунд задержал дыхание, а затем выдохнул. В нос ударил приторный запах анаши. Самокрутка пошла по кругу.

– Отец, так хорошо было! Висчи и самим хватало, и продавали еще. И с инглисами проблемы не было, и с амриканцами... а когда имамы пришли, мы даже не знали, что революция уже в Тегеране...

Один из братьев протянул самокрутку Мирзе Халилу, но он, буравя взглядом иранца, отмахнулся. Его подташнивало. Лимон не помог.

– ...по радио сказали, чтобы ждали катер из штаба... инспекция!.. А у нас, отец, висчи и сигареты в коробках. Капитан сказал, чтобы выбросили все за борт. Пришлось выбросить.

– Жалко!

– Много было?

– Много!.. Штиль. Море стоит. Жара. Мы стоим, ждем катер... На мостике. В форме – у меня красивая форма была... выстроились... а коробки не тонут, плавают вокруг... с сигаретами. А с виски – утонули. С катера имамы поднялись... Сказали: «Все! Революция, ребята! Идите обратно в Бендер-Аббас чинить дизели!». И сразу капитана арестовали, взяли с собой на катер...

«Врет! Все врет!» – сквозь наступающий туман подумал Мирза Халил и спросил:

– У тебя же есть зеленые «Жигули»?

– «Жигули»? А что, «Жигули» разве машина...? У меня «Пежо» был дома...

– Я тебя видел... вчера вечером около дома...

– Э-э-э! Разве «Жигули» машина? – продолжал иранец. – Я, когда академию закончил, шаха видел и Фарах-ханым... какая красавица была!

– Я слышал, она азербайджанка.

– ...и около станции... – язык Мирзы Халила стал сильно заплетаться. – Грузовик перевернулся...

Самокрутка продолжала идти по кругу.

– ...хорошо идет...

– Может, музыку? Праздник все-таки...

– Оте-е-ц, такая красавица была эта Фарах-ханым!.. мне руку пожала... всем выпускникам жала руку.

«Врешь, сука! По глазам вижу! Врешь...» – Мирза Халил пытался взять себя в руки, но к паленому алкоголю добавился еще и запах конопли, от чего голова его сделалась легкой, пустой, а речь – наоборот – стала необычайно вязкой и почти нечленораздельной.

– Соседа моего убили сегодня... станция...

– Согрею мясо, водка еще есть. Куда спешим, отец, а? – сказал Аскер, подхватив с обеих сторон ручки кастрюли скрюченными пальцами.

– Туалет... где? – спросил Мирза Халил, поднявшись следом. Ему указали на дверь в дальнем конце зала, рядом с проходом на кухню.

В туалете он пробыл долго. Вначале медленно и мучительно опорожнял переполненный мочевой пузырь, затем, надеясь на отрезвление, умывался, подставив голову под струю холодной воды. Измятое отражение его лица в зеркале над раковиной было желтым, почти восковым, глаза заметно налились кровью. Отрезвление не наступило.

Выйдя в зал, он увидел, что иранец все еще не вернулся, а братья-близнецы сидели, близко придвинувшись друг к другу, курили и о чем-то душевно толковали, чуть ли не шепотом. Мирзу Халила вдруг охватила паника. Что, если иранец ударился в бега? Стараясь не привлекать к себе внимания, он проскользнул в коридор и дальше, на кухню. Там никого не оказалось. Все было чисто убрано, газовые плиты были холодной. Лишь на разделочном столе кучкой лежал порезанный красный лук. Мирза Халил увидел две двери. Одна – в подсобку, другая, сейфовая, выводила во двор, на заднюю сторону кафе. Дверь была не заперта. Он приоткрыл ее и высунул голову: под навесом, в дымном свете двух голых лампочек без плафонов стоял длинный мангал с углями, уже почти догоревшими до золы. На двух перекрещенных шампурах грелась кастрюля с мясом.

– Аскер! – позвал Мирза Халил. Ответа не последовало. Салатовые «Жигули»

были на месте.

– Аскер! Ты где...? Выходи, давай... – Слова давались ему все труднее. Язык словно бы распух, едва ворочался, было тяжело артикулировать. – Сукин сын!..

Ответом были лишь шелестящие звуки прибоя. Мирза Халил оттолкнулся от дверного косяка и, прыгнув с порога кухни на холодный песок, пошел, слегка припадая на правую ногу. «Опоздал!» – мелькнуло в голове. Он стал обходить здание кафе и пошел к главному входу, спотыкаясь и держа перед собой руки на весу как слепой.

И тут он увидел его. Петляя между навесами, иранец бежал к эстакаде. Было непонятно, почему он не взял машину, но Мирза Халил, следуя старому охотничьему инстинкту, уже не задумывался. Собравшись, он бросился за ним вслед. Прихрамывая, тяжело, он бежал с минуту одной силой воли, на пределе, опасаясь, что не выдержит сердце. Однако через некоторое время ноющее тело стало постепенно привыкать к ритму погони. Мирза Халил опасался упустить его из виду: глаза по-прежнему застилала пьяная муть.

Тем временем иранец рысцой добрался до эстакады. Сокращая путь, он перелез через перила и побежал по металлическому настилу вдоль вереницы фонарей в глубину, в море. Мирза Халил двигался следом, не задумываясь о том, что будет дальше. Главное – не упасть, до эстакады ему оставалось еще метров триста, самое главное – не останавливаться.

Вспыхнул свет. Вначале это было просто странное зеленоватое свечение где-то далеко впереди, в маслянистой темноте моря. Но свет становился ярче, белее, а вместе с ним нарастало ритмичное гудение. Когда Мирза Халил добрался, наконец, до эстакады, из бурлящей пучины, отфыркиваясь, оцетинившись антеннами и перископами, полосая небо прожектором, всплывала подводная лодка.

Ноги Мирзы Халила сделались ватными и бежать стало больше невозможно. Да и бессмысленно – ему было все равно не успеть. Задыхаясь, он рухнул на колени. Грудь жгло, как огнем. Тем временем из продуваемых кингстонов фонтанами хлестала вода. Со скрежетом откинулась крышка входного люка, и на сверкающую палубу в каком-то замедленном темпе, как инопланетяне, стали спускаться темнолицые боро-датые офицеры в белых кителях и фуражках. Аскер махал им руками, а затем по-обезьяньи ловко вскарабкался на перила и, раскинув руки, ласточкой прыгнул на палубу. Его подхватили свои...

– Ушел, сука!

Прожектор субмарины, описав в небе траекторию, уткнулся в лицо Мирзы Халила, ослепляя его тугим потоком вибрирующего света. Он беспомощно прикрыл лицо рукой и его вырвало.

7

От дивана несло пылью и рвотой. Мирза Халил разлепил сухие веки и, стараясь не двигать головой из-за пульсирующей боли в висках, обвел глазами помещение. Место было незнакомое. В полусумраке он разглядел письменный стол, за ним – сейф. Вдоль стены стояли какие-то картонные коробки. Он облизал запекшиеся губы и, осторожно оторвав голову от свалывшейся подушки, присел. События вчерашнего вечера смешались в какой-то один мутный поток, из которого в произвольной последовательности то и дело выплывали разношерстные эпизоды. Важно было

определить, где он сейчас находится. Во рту было так сухо, что казалось, будто язык обернут наждачной бумагой. Посидев немного, Мирза Халил резко поднялся и чуть было не упал: пришлось снова сесть и ждать, пока уменьшится шум в висках и рассеются радужные пятна перед глазами.

Брезгливо задвинув ногой под диван пластмассовый таз с подсохшей рвотой, Мирза Халил проверил карманы: кошелек и ключи были на месте, телефон за ночь успел полностью разрядиться и не включался.

Он снова оказался на ресторанной кухне, комнатка с диваном была подсобкой. Все еще двигаясь неуверенно, но уже обвыкаясь с болезненными последствиями вчерашнего вечера, он прошел в коридорчик, а оттуда в зал кафе, где за тем же столом, за которым ужинали накануне, сидел один из братьев-близнецов и с видимым удовольствием пил из дымящегося стакана чай.

– Доброе утро! Подсаживайся! – окликнул он Мирзу Халила. – Чай только заварил!

Он был один. За пыльной витриной море искрилось и легонько пенилось над ближней отмелью. Полоска пляжа, вся в ямках от следов, была цвета печеного картофеля.

– Я говорю, что может быть утром лучше правильно заваренного чая? А?.. Говорят: кофе, сок, не знаю – фреш, кола, но по мне все это глупость.

Он взял с подноса чистый стакан и налил Мирзе Халилу крепкого чаю.

– Садись, садись! Пей чай, завтракай.

На столе стояли масленка, тарелки с сыром, колбасой, вареными яйцами.

– Или, может, грамм сто? Поправиться? Принести?

– Не надо, – мрачно сказал Мирза Халил, подсаживаясь к столу.

– Правильно! Я это тоже не люблю. Что значит – похмелье? Встань, умойся, завари чай, позавтракай – все пройдет. Так? – передав Мирзе Халилу тарелку и прибор, он улыбнулся. – Я – Асиф. Сто процентов, сидишь и думаешь: я Асиф или Васиф? Нас мать отличить не могла. Так вот, я – Асиф, а Васиф в аэропорт поехал.

– Зачем? – спросил Мирза Халил, закинув в рот кусочек колотого сахара и запивая его чаем.

– Как зачем? Аскера провожать! – удивился Асиф. – Иранца. Мы же вчера за это пили!

– За что пили?

– Ну, за брата Аскера, у него же свадьба... Аскер на свадьбу брата поехал. Неужели ничего не помнишь? За него два раза же пили. Или три!

Мирза Халил промолчал.

– Васиф.... – близоруко щурясь, Асиф оттянул рукав своего пуловера и сверился с часами на волосатом запястье, – ... уже вот-вот должен вернуться.

– И что, Аскер в Тегеран улетел?

– Ну да, а оттуда уже к себе поедет. Он же из Ардебилля. Вообще, золотой парень, мы с ним уже два года работаем. Не сойти мне с этого места, в тысячу раз лучше, чем наши! Или «аркадаши»! Что наши, что «аркадаши» – одно говно, извиняюсь. Без штанов оставят. А с ним можно бизнес вести.

– Значит, они недавно уехали?

– Ага, чуть больше часа. – Асиф густо поперчил очищенное от скорлупы яйцо и, отправив его целиком в рот, стал что-то говорить.

– Чего? – не разобрал Мирза Халил.

– Говорю, – сказал он, интенсивно жуя, – врачи у них сильные. Очень! Не смотри, что Иран, на ноги ставят... Племяннику сердце оперировали. В Тегеране. И все хорошо – бегают.

Асиф взял с тарелки еще одно яйцо.

– Слушай, а я где вчера заснул? – осторожно спросил Мирза Халил.

– Так прямо же здесь, за столом! Просто выключился! Иногда бывает, устал человек: поел, выпил и все, как будто свет выключили. Ты бы позвонил домой, наверное, беспокоятся...

Обратно Мирза Халил пошел через пляж. Небо было прозрачным и абсолютно неподвижным, словно бы остекленевшим. Таким же было море. Несмотря на хваленый чай, голова продолжала болеть, мутило, ныла спина, и все же, вспоминая подробности ночного происшествия с подводной лодкой, Мирза Халил не мог удержаться и, морщась, хихикал себе под нос.

Идти было тяжело и долго. Но Мирзе Халилу повезло: выбираясь на шоссе, он успел махнуть проезжающей белой машине с табличкой «такси». Адреса дачи он не помнил и потому ему пришлось показывать дорогу. От таксиста разило табаком и соленой рыбой.

Проезд оказался закрыт: перед домом соседа небритые люди молча ставили траурную палатку. Мирза Халил расплатился и остаток пути пошел пешком, минув припаркованные вплотную к ограде машины. Поравнявшись с грузовиком, из кузова которого торчали металлические шесты для палатки, он вдруг увидел старую детскую коляску. Она лежала среди прочего хлама на обочине у переполненного мусорного бака. Над баком висели мухи. Мирза Халил подошел к коляске и слегка поддел ее носком башмака: внутри развороченной климатической пушки что-то жалобно звякнуло. Как ни болела голова, он не удержался, присел на корточки и на виду у небритых рабочих стал с горькой усмешкой разглядывать бессмысленное переплетение трубок и проводов. Тут же рядом лежал «телеграф». Он подобрал его. Красная стрелка ясно указывала на «Дождь».

– Бедный придурок, – Мирза Халил покачал головой. – Тоже мне, «человек дождя», блин!

Почувствовав на себе чей-то взгляд, он обернулся и посмотрел через плечо: у открытых ворот соседской дачи стоял толстый мальчик с монобровью. Мирза Халил смущенно улыбнулся ему и уронил «телеграф» обратно в кучу мусора.

На даче он первым делом снял протезы. Хотелось принять душ, но он так и не разобрался, как включать импортную электрическую колонку. Он обтерся мокрым полотенцем и надел чистую тенниску, которую нашел в комнате Эльмара. Поставив телефон на зарядку, Мирза Халил набрал номер племянника.

– Дядя, ты в порядке? Ты где? Почему телефон был выключен?..

– Все нормально. Не беспокойся.

– Слушай, я уже думал ехать искать тебя! Знаешь, сколько народу тебя ищет? Ко мне даже папа звонил, тебя спрашивал...

– Чего хотел?

Пододвинув ногой стул, он присел, глядя в окно на залитый солнцем двор.

– Спрашивал, куда ты девался.

– Зарядка у телефона села. Батарея не держит.

– Ну, так все у тебя в порядке? Ты сколько там еще собираешься сидеть? До конца недели? Или как?

– Не знаю пока, – уклончиво сказал Мирза Халил, почесывая двухдневную щетину на горле. – Скучновато здесь вообще-то.

– Так я же тебя предупреждал. Хочешь...

Что-то громыхнуло вдали. Да так мощно, что от дошедшей через мгновение ударной волны в доме задребезжали окна.

– ... я заеду за тобой?

Голос Эльмара в мобильнике исказился, стал металлическим, как у робота, а затем и вовсе пропал, в трубке остался лишь статический треск.

– Алё...! Алё! – Мирза Халил поднялся со стула: в комнате стало стремительно темнеть. Шлепая босыми ногами, он выскочил на веранду, а оттуда во двор: на его глазах над крышей соседского дома формировалась громадная черная туча, внутри которой уже полыхали короткими разрядами неоновые молнии. Туча быстро росла, клубилась, ясный день сменился плотными сумерками, остро запахло озоном. Еще раз оглушительно громыхнуло, словно взорвался снаряд, крупные капли дождя стали буравить песок. Мирза Халил заковылял обратно в дом, и тут на дачный поселок со свистом обрушился шквальный ветер. Он бешено раскачивал электрические провода, и фонтаны синих искр веером сыпались на землю, он всасывал в небо закрученный в воронки мусор, он надул траурную палатку и, отрывая ее от падающих со звоном опор, потащил прочь по улице...

До монтинской квартиры Мирза Халил добрался только к вечеру. Ураган бушевал лишь полчаса и закончился так же внезапно, как и начался. Опять выглянуло солнце. Однако в поселке не было электричества. Кое-где повалило деревья, оборывало провода. Дотащившись до автобусной остановки напротив станции электрички, он долго ждал маршрутку. Пляж почти до самой станции был залит пенистой водой. Ураганом раскидало ящики и весь товар перед магазинами и лавками.

Уже совершенно измятый, измученный, больной, в половине седьмого вечера Мирза Халил вошел в угловой подъезд «сталинки». Поднявшись на последний этаж, он надеялся быстро проскочить к себе в квартиру, но замешкался. За спиной у него лязгнул дверной засов:

– А я, сосед, как чувствовала, что вы сегодня вернетесь!

Мирза Халил посмотрел на Эльзу устало и чуть рассеянно.

– Целую кастрюлю голубцов приготовила.

Не отворачиваясь, он полез в карман, но вместо ожидаемой связки ключей от дверей выудил за бронзовый брелок тот самый, еще чуть пахнущий рыбой, ключ от гостиничного номера.

– Что это? – кокетливо спросила соседка. Мирза Халил не ответил.

«Глупость! – думал он. – Конечно, глупость! Был бы ключ, а замок как-нибудь всегда найдется!»

ГУСЕЙН АДЫГЕЗАЛОВ

НОВАТОРСКАЯ ПОЭЗИЯ М.П.ВАГИФА

(к 300-летию юбилею поэта)

Молла Панах Вагиф (1717-1797) – один из крупнейших лириков в азербайджанской поэзии. Оптимизм, многокрасочность, богатство образов, отточенное художественное мастерство, живой и выразительный язык – вот наиболее существенные особенности творчества Вагифа. Стихотворения Вагифа еще при его жизни пользовались огромной популярностью в народе. Они заучивались наизусть, записывались в рукописные антологии и тетради. Вагиф прожил полную драматизма жизнь. Простой учитель, он, благодаря незаурядным способностям, стал везиром Гарабахского ханства и оставался на этом посту до конца жизни. Вагиф пользовался большим влиянием при дворе Ибрагим-хана и оказывал воздействие на внешнюю политику ханства.

Молла Панах Вагиф родился 6 апреля 1717 года в селе Салахлы Газахского района в крестьянской семье. Получил хорошее образование, выучил фарси и арабский языки и имел солидные познания в астрономии, математике, архитектуре, музыке и поэзии. В Газахе он учился у известного ученого и педагога Шафи-эфенди. Некоторые биографы считают, что дальнейшее образование он получил в Гяндже или в Тебризе. Затем Вагиф занимался преподавательской деятельностью в медресе при мечети в городе Газах, а затем в Гарабахе. Ученость Вагифа получила известность далеко за пределами его родины, и совсем не случайно, что в народе сложилась поговорка: «Не всякий грамотей может стать Молла Панахом».

В 2017 году культурная общественность Азербайджана широко отмечает 300-летие со дня рождения великого Вагифа, чьи гошма, теджниси, газели и мухаммасы кажутся чудесными пришельцами из далекого столетия, не расплескавшими в пути и донесшими до наших дней душу поэта, полную горенья и любви ко всему земному. Вряд ли стоит говорить вновь о судьбе поэта: те, сравнительно немногие данные о его жизненном пути, что дошли до нас, всем хорошо известны, точно так же, как и все разнохарактерные произведения М.П.Вагифа, с любовью и искренностью звучащие в устах каждого его читателя – начиная от школьников, кончая до его исследователей.

О творчестве М.П.Вагифа писать трудно – так велика и необъятна его поэзия. Но нельзя не подчеркнуть главного в ней: нестареющие ее краски, неувядающая человечность делают стихи гениального азербайджанского классика воистину бессмертными, принадлежащими не одному народу и не одной эпохе, а всей земной цивилизации. Задумаемся над вопросом, почему у нас в народе так сильно любят Вагифа? Почему его стихи неизменно вызывают чувство нежности, глубокой симпатии? Почему радостное волнение вспыхивает в любой аудитории, едва упоминается его имя? Можно по-разному ответить на эти вопросы: Вагифа любят потому, что его произведения выразительны, полны чистоты и любви. Его любят потому, что он – художник, воспевающий человеческую душу, что его поэзия интересует всех, по его каждой строке, по каждой странице видно, что ему самому необычайно интересно выложить пережитые чувства – и это мгновенно передается читателю. А чтобы пробудить такую читательскую любовь, надо находить в человеческом сердце то самое светлое, что, может быть, давно забыто или потеряно в шуме времени, в сутолоке ежедневных забот. Именно поэтому все представители народа, начиная со школьных лет, так любовно читают и изучают Вагифа, его наследие широко входит в учебный процесс.

Президент Азербайджанской Республики Ильхам Алиев 12 января 2017 года подписал распоряжение об организации 300-летнего юбилея великого азербайджанского поэта Моллы Панаха Вагифа, где его творчеству вынесена высокая оценка: «Молла Панах Вагиф – бессмертный творец, создавший литературную школу, отличавшуюся своими традициями. Создав неподражаемые образцы поэзии, сохранившие на протяжении веков свое значение, он придал импульс развитию национальной литературы в новом направлении. Благодаря Вагифу азербайджанский стих вступил в очередной этап своей истории. Его наследие, составляющее одну из ярких страниц летописи нашей классической художественной мысли, и сегодня продолжает служить духовно-нравственному совершенствованию людей».

Вагиф, по праву разделивший славу со своим гениальным предшественником Мухаммедом Физули, внес новые элементы в развитие многовековой азербайджанской поэзии. Не «обойдя» своим вниманием классический «аруз», господствовавший в средневековой поэзии Востока, Вагиф развил и сделал достоянием этой поэзии народный стихотворный размер «хеджа», который широко использовался нашими ашугами. Поэт, не нарушавший канонов классического стихосложения при создании блестящих газелей и мухаммасов, смог тем не менее сделать основной формой своей, а заодно – всей азербайджанской поэзии, гошму, заигравшую самоцветами народной речи. Стихи великого поэта насыщены яркими деталями и эпитетами, полностью лишены той риторичности, которая зачастую была присуща поэтам средневекового Востока. Эмоциональная напряженность стиха, его динамичность и гибкость способствовали тому, что произведения Вагифа читаются на одном дыхании, сразу же запоминаются, передаются из уст в уста. И в жизни, и в творчестве поэт не был простым созерцателем своей эпохи – он был ее деятельным участником. Может быть, поэтому, оставаясь в рамках собственных надежд и переживаний, Вагиф «делал» их близкими и понятными каждому читателю, каждой человеческой душе. Это и была одна из притягательных сторон его поэзии.

Любовная и философская лирика Вагифа, газели, обращенные к друзьям поэта, мухаммасы с искрящимися крупцами юмора – настолько широк диапазон творчества великого классика. Каждое из этих произведений полно неповторимых красок и оттенков, сугубо своих деталей и нюансов, заставляющих вновь и вновь увивляться щедрому таланту певца любви и красоты. Новые эпитеты, искусно вплетенные поэтом в ткань стиха, отлично «уживаются» с традиционными образами, делая мысль стихотворца отточенной, весомой. И сегодня отчетливо чувствуется, что Молла Панах глядел на свой современный мир не сквозь узенькое окошко, пробитое в глинобитной стене, а как бы поднявшись на сторожевую башню Шушинской крепости, откуда открывался удивительный вид на окрестные леса и горы.

Поэтическая зоркость Вагифа тесно переплетена с его умением мастерски владеть самыми разнообразными формами стиха. Внутренние рифмы, частые редифы придавали стихам устада филигранность, чеканность, способные сравниться разве что с узорами по серебру:

*Откинь покров, яви свои черты,
Отринь врага – в нем низкие черты,
Пусть он не минет роковой черты,
Исполнись доброты к любви моей!*

(Перевод В. Державина)

Перечитывая Вагифа, вновь ловишь себя на мысли, что строки, покорившие тебя больше других, – о любви. Воспевая это самое прекрасное на земле чувство, дарованное человеку, в отличие от многих поэтов средневековья, Вагиф никогда не отдавал предпочтения чистой описательности. Любимая, чей образ преследует поэта, наделена не только красотой, но и добросердечием, умом. Поэт описывает и национальные приметы азербайджанской женщины, дает бытовые детали – и это тоже впервые в поэзии Востока. Женщина у Вагифа не столько предмет безудержного поклонения, сколько солнечный символ земного бытия, чей отсвет даже делает человека чище, сильнее и богаче по духу.

Жизнеутверждающее начало поэзии новаторского поэта проступает порою сквозь дымку

тоски и грусти, пробивается сквозь плотную темень безысходной горечи и разочарования. Иногда стихи Вагифа полны безудержного ликования, случается – тихой печали, но всегда они пронизаны раздумьем и желанием дойти до самой сути описываемого явления. Поэзия Вагифа была доступна пониманию народа, который видел в поэте своего истинного сына – плоть от плоти, кровь от крови. Если до Вагифа азербайджанская поэзия была бурным и полноводным потоком, то после него она стала рекой, чьи берега уже угадывались с трудом. Это потому, что поэт воспевал человека, славил самые лучшие качества его души: смелость, верность, искренность:

*Не к лицу игиту зависть, презирует ложь игит.
Будь правдив – и уваженье всюду обретешь, игит.
Скромность смелых украшает, красит искренность мужей, –
Хвастунов тупоголовых ставит ни во грош игит.
Словно крепость Искандера, неподкупны храбрецы,
Ради пери златоустой путь свой не прервешь, игит.*

(Перевод Т. Стрешневой)

Имея в виду именно эту черту поэтики Вагифа, профессор Ш. Микаилов в статье «Творческие особенности Моллы Панаха Вагифа» так охарактеризовал новаторство вагифовской поэзии: «М. П. Вагиф связал стихотворение с реальной жизнью, реальным бытием, упростил, приблизил его язык к живой разговорной речи» (газ. «Azərbaycan müəllimi», 2017-ci il, 18 mart, №10). Действительно, Вагиф одним из первых почувствовал, что пора проводить реформу на языке азербайджанской поэзии, эту миссию взял на себя и сделал язык стиха понятным народу.

Поэтическое творчество Вагифа, открывшее новую страницу в азербайджанской поэзии, было близко к народу. Лирика поэта жизнерадостна; Вагиф трезво судит о реальной жизни, а её невзгоды стремится преодолеть силой разума, находя философский смысл даже в скорбях. Высшую награду человеку Вагиф видел в земной, почти языческой любви. В отличие от поэтов-романтиков, воспевавших возвышенно-жертвенную любовь к идеальной красавице, Вагиф поэтизирует наслаждение, создаёт образы вполне реальных красавиц, весёлых проказниц («Фиалка», «Двух красавиц я славлю», «Грудь упругая прекрасна»).

Вагиф в своем творчестве пользовался всеми классическими формами восточной поэзии, он писал газели, теджнисы, мухаммасы, мустезада, муашшара, мушаире, месневи и элегии. Однако, особое место в его творчестве занимает поэтическая форма – гошма, взятая им из ашугского, народного творчества. Язык этих стихов предельно приближен к народному. До минимума доведено заимствование арабских и фарсидских слов. Вагиф вырос в ашугской среде и прекрасно знал вкусы и потребности аудитории. Этим можно объяснить преобладание в его творчестве поэтической формы – гошма. С другой стороны, «Диван» Вагифа был утерян, а в памяти народной могли остаться только близкие по духу – гошма, откуда и может идти преобладание стихов этой формы. Увлечение этой поэтической формой положительно повлияло на содержание и язык стихов классических форм. У Вагифа есть глубоко философские стихи о смысле жизни и бренности мира, есть стихи и обличительного характера, но для нас он остается поэтом любви, красоты и радостей жизни.

Академик Иса Габиббейли в статье «Поэт по имени Молла Панах», помещенной в интернетном портале «Göyüzən», находит, что «Молла Панах Вагиф – создатель азербайджанского реализма периода после Физули и до М. Ф. Ахундзаде. Вагиф стал Моллой Панахом потому, что он открыл новый путь в литературе, принес новаторство в поэзию, создал новые образцы стихов, повлияющих на жизнь и чувства человека».

В поздние годы в стихах Вагифа чувствуется мотив превратности судьбы (бессилие человека перед лицом рока, провидения), обычный для средневековой восточной лирики («Видади, ты на черствые эти сердца погляди»). Горечью пропитана философская лирика («Кто совершенен, того постигают напасти судьбы»), проникнутая также ироническим отношением к миру обмана и зла («Я правду искал, но правды снова и снова нет»).

Чтобы понять эти мысли, высказанные лучшими представителями азербайджанского литературоведения о творчестве М.П.Вагифа, следует узнать и по достоинству оценить заслуги поэта-новатора в развитии нашей литературы и культуры. Главная тема поэзии Вагифа – любовь и душевная красота человека. Эта традиционная для поэзии Ближнего Востока тема получила в творчестве Вагифа своеобразное решение. В Средние века романтическое отношение поэтов к любви, к любимой чаще всего было связано с суфийской традицией. Любовь для лирического героя была некоей высшей сферой, отдаленной от повседневной жизни. Вагиф же воспевал любовь земную. Для него любовь – вовсе не искус, не служение мистическому идеалу. Его возлюбленная – не кумир, а реальное существо. Герой Вагифа – человек живых страстей, и реальная встреча с возлюбленной для него важнее рассуждений о возвышенном, об идеальном счастье, что было характерно для Насими (XIV в.) или Физули (XVI в.). Вагиф призывает свою подругу наслаждаться радостями жизни:

*О было б место, где совсем одни
Могли мы говорить с тобой вдвоем
И, за руки друг друга взяв, шутить
И целый день пробыть с тобой вдвоем.*

(Перевод В. Державина)

Любовь в стихах Вагифа окончательно освобождается от суфийско-мистической символики, присущей в какой-то степени большинству азербайджанских средневековых поэтов. Вагиф в своих стихах воспевает наслаждение жизнью, красоту возлюбленной, горечь разлуки и радости встреч и любви. Целый ряд стихов Вагиф посвящает описанию азербайджанских красавиц. Почти в каждом из этих стихотворений поэт создаёт образы вполне реальных красавиц, весёлых проказниц («Фиалка», «Двух красавиц я славлю», «Грудь упругая прерасна»), описывает глаза, брови, кудри, щеки, руки, ноги, стан, взгляд любимой. В целом лирика поэта жизнерадостна, и для нас он остается поэтом любви, красоты и радостей жизни.

*Женщина, что сердцем хороша, –
Век пройдет, – она бледней не станет.
Если, словно лал, светла душа,
От невзгод она темней не станет.*

*Благородной красота верна,
Стройная – не сгорбится она.
Если добротой одарена,
Не изменит, холодней не станет.*

*Кровь ее девически чиста,
Ярче свежих роз ее уста.
Стрел острей ресницы... Лет до ста
Ранящая сталь слабей не станет.*

*Страшно ль совершенной жить сто лет!
Пусть уже в движеньях силы нет,
Но в глазах горит все тот же свет.
Обаянье меньше в ней не станет.*

*Истинное счастье – не забудь –
В той, что знает страсти скорбный путь:
К девушкам, Вагиф, не надо льнуть,
А не то спокойных дней не станет.*

(перевод В. Державина)

Столь земных, жизненных стихов до Вагифа в азербайджанской поэзии было очень немного. Поэт, воспевая реальную женщину, описывает ее красоту с характерной для него пластичностью и конкретностью:

*Как идет блеску плеч темнота волос!
Возле гибкого стана – струение кос.
Ярче мрамора грудь, ярче белых роз,
Есть ли руки на свете нежней твоих!*

(Перевод М. Петровых)

Вагиф замечательный мастер словесного портрета. Несколькими штрихами он умело создавал поэтический образ реальных женщин со всеми их национальными особенностями и приметам. Такое описание внешнего облика, одежды, обилие этнографически-бытовых деталей, местного колорита отличает лирику Вагифа от поэзии его предшественников:

*Окутан весь стан ее красным платком,
Подол золотым изукрашен шитьем,
Мы, деву увидев в наряде таком,
Мгновенно сгореть в восхищенье должны.*

*Знай, карими очи обязаны быть
У девы, чьи брови – как черная нить,
И грозди монет ее кудри увить
Как царственное украшение должны.*

(Перевод Н. Чуковского)

В ряде стихотворений поэт выражает недовольство затворничеством женщин-мусульманок, вынужденных подчиняться религиозным предписаниям. Поэт, которого так волновало и вдохновляло любое проявление земной красоты, считает нелепым прятать под чадрой самое прекрасное творение природы – женскую красоту. «Зубы твои, губы безупречны, в волосах, в подбородке – ни капли недостатка, брови, очи, лицо, фигура – совершенны, зачем же скрываться, к чему этот покров, этот стыд?» – восклицает он. Поэт был сторонником взаимного понимания и уважения в любви: «...С возлюбленным дели суровый путь, в минуты горя друга не забудь!» Лирика Вагифа была полностью обращена к земным делам, к земным радостям; ее отличает глубоко оптимистичный настрой. И эти качества завоевали ему особое место в азербайджанской поэзии Позднего Средневековья. Интересно проследить диалог двух поэтов – Вагифа и Видади. Они обмениваются мыслями и спорят о вечных вопросах бытия, жизни, смерти, любви, призвания человека. Диалог полон дружеских шуток, лукавства, поэтической игры, но за ними – вопрос вопросов: может ли человек, знающий о бренности всего сущего и взирающий на человеческие страдания, оптимистически смотреть на мир? Видади дает отрицательный ответ, Вагиф – положительный. Как бы ни был ничтожен и суетен или трагичен и жесток сей бренный мир, он ближе и дороже нам, чем будущий Эдем, где мы будем уже не люди – да и будем ли мы вообще?..

*Если сердца живого не кончился бой,
Все султаны и ханы ничто пред тобой,
Наслаждайся своей беспечальной судьбой!
Почему ж огорчился ты, я не пойму, и заплакал?..*

(Перевод Л. Длигача)

Вагиф утверждает, что истинное счастье возможно только на земле, среди людей, вопреки любым испытаниям: «Свадьбою, праздником считаю я страдания мира сего // умный выдержит все это». Художник, вдохновенно воспевавший радости жизни, хорошо знал и страдания людей. Трагические события в конце жизненного пути (кратковременный приход к власти в Гарабахском ханстве враждебных ему сил, предательство близких людей) чрезвычайно обострили социальное мироощущение поэта. Мухаммас «Я правду искал...» – гражданский манифест Вагифа. Здесь поэт уже не певец радости бытия, а обвинитель своего века, своей среды:

*Я правду искал, но правды снова и снова нет.
Все подло, лживо и криво — на свете прямого нет.
Друзья говорят — в их речи правдивого слова нет,
Ни верного, ни родного, ни дорогого нет.
Брось на людей надежду — решенья иного нет.*

*Все вместе и каждый порознь, нищий, царь и лакей —
Каждый из них несчастлив в земной доли своей.
Их всех сожрала повседневность, оторванность от людей,
И сколько бы я ни слушал бесчисленных их речей —
В них, кроме лжи и неправды, смысла второго нет.*

...
*Ученый и с ним невежда, учитель и ученик —
Снедаемы все страстями, в плену у страстей одних.
Истина всюду пала, грех повсюду проник,
Кто в молл и шейхов поверит, тот ошибется в них.
Ни в одном человеке чувства святого нет.*

*Всякий чего-то ищет, погонею поглощен,
Ищут себе престолов, венцов, диадем, корон.
Шах округляет земли — за ними в погоне он.
Влюбленный бежит за тою, в которую он влюблен.
Ни радости нет на свете, ни прочного крова нет.*

...
*Тут на людей, как солнце, свой излучаешь свет —
Помни, что слов признанья в радостной вести нет.
Честь, благородство, стыдливость давно уж утратил свет.
Услышали мы, что где-то найден честности след,
Я долго искал и знаю: чувства такого нет.*

*Я мир такой отвергаю, он в горле стал поперек,
Он злу и добру достойного места не приберег.
В нем благородство тщетно: потворствует подлым рок,
Щедрости нет у богатых — у щедрых пуст кошелек.
И ничего в нем, кроме насилия злого, нет.*

*Я видел конец надежды, мечтаний конец пустой,
Конец богатства и славы с их земной суетой,
Конец увлеченья женской, невянущей красотой,
Конец и любви, и дружбы, и преданности святой.
Я знаю, что совершенства и счастья людского нет.*

(Перевод К. Симонова)

Художественно-изобразительные средства лирики Вагифа многообразны. Поэт часто использует синтаксические параллелизмы, повторы одного и того же слова или словосочетания. Эти повторы либо усиливают его основную мысль, либо придают ей новые оттенки. Поэзия Вагифа богата образными сопоставлениями, сравнениями. Глубоко проникнув в тайную тайных классической тюрко- и персоязычной поэзии, в специфику ее художественно-изобразительных средств и приемов, Вагиф соединил их с оригинальными открытиями и находками ашугского творчества. При этом он шел зачастую от фольклора, от народного языка и добивался совершенно нового звучания стиха. Благодаря Вагифу, народная стихотворная форма – гошма – стала широко применяться в письменной поэзии и сыграла большую роль в демократизации литературы, в ее приближении к реалистическому восприятию жизни.

Герой поэзии Вагифа – конкретный человек своего века, с индивидуальными чертами. Историко-бытовая, этнографическая достоверность – характерные особенности лирики Вагифа. В целом творчество Вагифа как бы отразило наиболее характерные переходные симптомы литературного процесса на рубеже двух исторических эпох: конца Позднего Средневековья и начала Нового времени и открыло широкие горизонты для грядущих поэтических исканий. Вагиф является реалистом по своему подходу к жизненным событиям.

Творчество Вагифа всегда являлось объектом исследования, его произведения издавались массовым тиражом, проводились юбилеи. 14 января 1982 года по непосредственной инициативе и с участием великого лидера Гейдара Алиева состоялось открытие величественного мавзолея, возведенного на могиле поэта в Шуше – древнем культурном центре Азербайджана. Армянские вооруженные бандитские отряды, оккупировавшие Шушу 8 мая 1992 года, в нарушение всех норм международного права совершили здесь акты вандализма в отношении образцов культуры, разграбили и уничтожили около 600 историко-архитектурных памятников, в том числе разрушили дома-музеи Хуршидбану Натаван, Узеира Гаджибейли, Бюльбюля и мавзолеей Моллы Панаха Вагифа.

Жизнь, государственную деятельность и творчество Вагифа начали изучать еще в XIX веке. К сожалению, труды А.Бакиханова, Мирзы Джалала, Мирзы Адыгезал Бека, Мир Мехти Хазани, Рзакулибека, Карабаги, говорившие о Вагифе, большей частью оставались в рукописных вариантах. Первым издателем Вагифа был знаток восточной поэзии Мирза Юсуф Карабаги. В 60-х годах XIX века Гусейн Гайыбов составляет четырехтомную рукописную антологию азербайджанской литературы. В XX веке творчество Вагифа исследовали Фиридунбек Кочарли, Гамид Араслы, Салман Мумтаз, Азиз Шариф, Араз Дадашзаде, и др. Исследование различных аспектов жизни и творчества М.П.Вагифа проходит красной нитью в научных приоритетах А.Дадашзаде. В той или иной степени он создал реальную картину его жизни, осветив с высокой долей объективности политические события и перипетии времени, в котором жил поэт и участником которых был. Автор монографии с помощью убедительных аргументов уточнил некоторые факты из биографии поэта. Исследование азербайджанской литературы XVIII века, литературная критика, фундаментальные монографии «Певец жизни. Раздумья о Вагифе», «Азербайджанская лирика XVIII века», «Поэзия добра и красоты» получили высокую оценку научной общественности.

Сегодня, когда независимый Азербайджан все увереннее занимает свое достойное место в мировом сообществе, поэтическая мощь и новаторское творчество Молла Панаха обязывают азербайджанских литературоведов по-новому обратиться к вагифовским шедеврам, сделать все возможное, чтобы богатое наследие поэта стало достоянием всех народов мира. Именно поэтому вернемся к президентскому распоряжению, ибо ссылка на него позволит привести еще одно доказательство того, что «Более глубокое изучение и исследование наследия Вагифа в свете идеологии азербайджанства является одним из важных вопросов, которые и сегодня сохраняют актуальность и ожидают своего решения».

КЁНУЛЬ АРИФ

Песнь свирели

Хотела выйти из себя,
Но смогла лишь выйти из дома,
О, пастух.
Точь-в-точь, как вынимаются
Одна за другой сигареты из пачки (!),
Когда он думает обо мне.

Нет, не измерить ярость мою рывком,
Которым я хлопнула дверью вослед.
Вот бы и голову смахнуть с плеч и швырнуть
На вешалку вместе с красным шейным платком...
Тогда стало бы проще простого
Подпевать звукам свирели твоей,
Что издали льются...

Не могу из себя выйти!
Руки пусты,
Запястья в царапинах –
Сползла на землю по эту сторону ограды
И смотрю на то, что мне предстоит;

Горы уходят всё выше и выше,
Пасутся овечки, ягнята,
Раскинулись пестрые крыши

И путь!

Как хорошо, что дороги-пути
Можно повсюду найти...

Нет!..
Я пока прислонюсь
К родному забору.
А ты, черный пастух, продолжай
Играть на свирели из своей дали...
Я полюблю эту песнь
Так же, как люблю золотые поля,
На расстоянии.

A capite ad calcem

(A capite ad calcem – (лат.) с головы до пят)

1

**Провожу ладонью по монастырским стенам...
Сколько бы я не шептала благословенья,
Сгущается Тьма!**

**Пролетают облака над горным монастырем,
Крест на шпиле вспарывает облака,
Облака рассекает
Ооо..х!
Кровью облака истекают!**

**...раскрой ладони
Ладони твои – голубиные крылья...**

**Сожми молитвы в горсти
И кровь, капающую с креста!**

2

**Заползут однажды в твою плоть,
Точно муравьи,
Хлебные крошки, растоптанные в тот миг,
Когда на рассвете ты мчался к солнцу,
Закрыв глаза и раскинув руки,
Искупают всю плоть**

**Муравьиини... Либо хлебные крошки –
В душе блуждающие муки...**

3

**Если увидишь, что внезапно погасло солнце,
Если заметишь, что в ногах правды нет
И расхристаны руки,
А воробьи уже не клюют душевные муки,**

**Значит, сгустилась ТЬМА!
Значит, растоптанный хлеб пограл тебя!
Река унесла
Голубят, ринувшихся из гнезда...
И вороны пикируют издали на муравьев в твоей плоти.**

4

**Не смыкай, не души
Свои голубиные крылья...**

**Рассыпь воробьям хлебные крошки,
Что угнездились в душе.**

Пугало

Пожелтели зеленые нивы твои,
Ты наполнила лоно пшеном золотым.
А хурма всю листву даровала земле,
Но ведь руки твои тяжелы от плодов.

Ну, а я почему не старею, Господь?
Чье проклятье настигло и держит меня?
Посадила деревья – иссохли они,
Нет сынишки, чтоб ветер ловить на ветвях.

Год за годом закон повторяется сей,
И вращается он заводным колесом.
Кто же палкой попал между спиц колеса
Моего, что оно всё стоит и стоит?

Ты не видишь, быть может... Сказать ли? Скажу:
Грудь бесплодна, а руки бесплотны мои.
Я как пугало вышусь среди Твоих нив,
В моем сердце ворона свивает гнездо.

Кочевье

Я стою в вечерний час
На балконе небоскрёба.
Туча серая летит
К ниве, пашне хлебороба.

Этой хмурой, серой тучке
Сердце песенку поёт.
Ведь она летит туда,
Где любовь моя живёт.

Вдалеке, на воле – поле
В локонах всё золотых.
Наступает время жатвы
Для колосьев налитых.

Солнышко восходит там,
И объяття раскрывает.
Желтые его лучи
Поле нежно обнимают.

Плачет в городе земля
Под асфальта толстым слоем.
Травы каждую весной
Пробиваются здесь с боем.

Забери с собою, туча,
Горькую мою слезу.
Выплачь ночью на колосья
И шепни, что их люблю.

Citysmile

(Citysmile – (англ.) улыбка города)

**Нет, не улыбка светилась на моем лице,
Когда мы попрощались на тротуаре...**

Это так я обнимала, обвивала тебя!

**Точь-в-точь
Как чумазый босой ребенок
Раскидывает в поле вширь свои руки
И обнимает подсолнухи...**

После тебя

**Искала пути, чтоб тебя найти –
Сначала спустилась во двор
И полила цветы водой из горсти,
Может, там ты, и хочешь пить.**

Потом перевела на часах стрелки назад;

**Вернула на место листки календаря,
Которые оторвала и выбросила мама.**

**Думала, может, смогу слабыми руками
Повернуть назад колесо времени...**

Нет, не вышло...

**После тебя ни одной из твоих фотографий
Не удалось стать мне отцом.**

Ни одной не удалось выйти за рамки...

Дорога

**Я в пути,
Мошки липнут к ветровому стеклу.**

**Сквозь окно обочина –
Справа провода на столбах,
Слева
Стройные хлопковые поля под диском солнца...**

Засыпаю...

17:50
Открываю глаза
– бакинские сёла.

Соленый запах Хазара врывается в ноздри.
Так вот, отец...
Значит,
Мы снова остались вдали...

Уходить

Светлой памяти Хесо

Ухожу;
Опять ухожу в отсутствие всех и всего...

Ухожу забывать
Маленькую улочку в большом городе,
Красную школу на этой улочке,
Хлебопекарную печь,
Желтые-прежелтые виноградные гроздья,
Полосатую кошку, чернявую собаку,
Соседские напевы,
И себя
Забывать
Ухожу...

Ухожу скучать
По нашему немому сапожнику
На улице Бюльбюля
Ухожу...

Грусть

Обнимать подушку и плакать не по мне!
Эта женская причуда кажется мне смехотворной.

Я обнимаю грусть и смолкаю...

Отрааащиваю-отрааащиваю грусть вместе с волосами,
А потом враз укорачиваю!

Рост, размер и форма грусти моей
В руках моего парикмахера!

Как только ножницы касаются волос –
Грусть тут же отдает свою душу!

Ограды

Узришь, что вместо крестика
Висит кинжал
На колье восточной женщины...

С любовью гляжу на тебя.
Не тверди мне
Ни о Всевышнем, ни о ворожбе!

Религия изначально
Ставит праведников
Поперек поэта.

Приди же...

Распни
И взгляни,
Как похожа я на Святого Христа...

При восходе

Поведай
О конях, чьи сердца обгоняют четыре подковы.
Отправляюсь на последнюю битву!

Поведай
О конях, взметающих на равнине туман.
Отправляюсь на последнюю битву!

Поведай
О конях, заглатывающих свои удила.
Отправляюсь на последнюю битву!

Поведай
О конях, рассекающих собственный бег.
Отправляюсь на последнюю битву!

Раскроши месяц серпом.

Горсть любви – горсть пшена

Ах, мне больше не будут стихов посвящать,
Мои губы не станут письмо целовать.
И под тополем больше не буду слезу
Утирать тем платком, что мне друг протянул.

Все сгорели те письма в пучине огня.
Все сгорели мечты и сгорели стихи.
Воробей прилетел и в окно заглянул,
А в глазах у него – по пшенице тоска.

Застывшие стрелки. 16:20

Не повзрослела я... Вопреки всем взрослым
Сейчас внутри меня плачет новорожденный;
Отсохла грудь матери
И руки отца...

В нашем доме часы не пробивают пять.

Проголодалась... Мучает жажда...
Плачу устами новорожденного,
Боюсь, точно темноты,
Всех ласк, поглаживаний.

Отсохла грудь матери
И руки отца...

Никто больше не укачает меня в колыбели
Со словами: «Спи, малышка».

Уберите руки, рвущиеся ко мне из мрака,
Словно стая нетопырей!
Убирайтесь!!!!!!!
Суха моя колыбель...

Отсохла грудь матери
И руки отца.

Придите и смените
Мою мокрую подушку...

Календарь 2013

Календарь на стене, а я в думы ушла,
Череду долгих дней не считаю за стрелкой.
Молоко на огне забывать перестала,
Перестала весь чай разливать по тарелкам.

Со стены я сняла календарь прошлогодний
И прижала к груди, точно старого друга.
Боль рукою сняло... Все минувшие дни,
Как слепые котята, спаслись от испуга.

И порядок на кухне уже воцарён,
Молоко не сбегит и тарелки чисты.
Только я не могу календарь изорвать,
Без него мои дни отчего-то пусты...

ПДП. Правила движения письма

Сентябрь...
Льет дождь...
Пишу письмо на салфетке,
Допуская орфографические ошибки.

Сижу в маленьком кафе
С окнами на бурлящие улицы города.

За окном плачет женщина без зонтика.
Черная печаль на ее лице
Мешается с черной тушью для глаз и

С

Т

Е

К

А

Е

Т

на грудь

Улыбается муза живущего во мне художника,
смотрящего на нее ласково и добро.

Плачет женщина... Мокнет ее грудь,

Р

Ё

Б

Р

А

И

Ко-

Ле-

Ни

Прямо перед всеми
Она сбрасывает мокрое обличие/облачение
И утирает глаза

Перевод Ниджата МАМЕДОВА

МУБАРИЗ ОРЕН

РАССКАЗЫ

Перевод Ниджата МАМЕДОВА

Бог снега

Для вас на небесах нет ничего интересного...

Камал Абдулла, «Тень»

Ему захотелось яблока, да не просто захотелось, а прям-таки вусмерть как...

Он прынул с постели прытко, как птица. Открыл дверь старой избы и стал отчетливей слышен рокот реки Малка, стекающей с ледников, неустанно бурлящей днем и ночью. Прозрачная, ясная желтизна бескрайнего поля подсолнухов, заполнивших собой всё пространство в свете августа, растеклась по его зрачкам и далее – душе – словно бальзам. Он никогда не ощущал себя настолько бодрым. Говорили, что спустя годы экспедиция Дугласа Фрешфилда заново вернулась в эти горы. В придачу ему снилась Есара Дионисовна. Он видел ее живой-здоровой, она стояла прямо посреди этой пустыни подсолнухов и махала ему рукой. И выглядела она такой счастливой. Лицо излучало неземной свет. «Наконец-то, Йехийя, ты достиг мечты. Рано ли, поздно этому суждено было случиться. Вершина твоя!», – произнесла она и вдруг превратилась в величественное создание, с ног до головы покрытое белоснежным мехом. «Мне не удалось принести тебе яблок, Йехийя, – казалось, даже голос ее прозвучал осторожно и глухо, словно сорвавшийся с дерева наземь недозревший плод. – Взамен я принесла тебе Снега. Отныне нет тебе смерти!..»

Затем в мгновение ока она вспыхнула и исчезла, как звезда...

– Бисмиллах! Бисмиллах!.. – призвал старик в молитве Всевышнего на помощь.

Вот уже некоторое время в поселке расползались странные слухи. Поговаривали, будто в окрестных лесах, в горах объявилось какое-то странное существо. Избегающее выдавать собственное присутствие существо – под покрывающим всё его тело густым белоснежным мехом отчетливо угадывались женские сосцы, – легко одолевало против течения стремительную горную реку, взбегало по высокой отвесной скале, загоняло лошадей до пены у рта своими огромными шагами. Да, оно нагоняло жути на встречных-поперечных, но правда и то, что помогало заплутавшим в тумане да буре охотникам, помогало чабанам выйти на путь, перебраться через реку, согнать разбредшееся стадо в компактную кучу. Поговаривали, что оно даже вырвало из рук верной смерти одного бедолагу...

– Бисмиллах! Бисмиллах! Бисмиллах!.. – снова повторил он про себя.

С теплыми лучами солнца к его одеревеневшим ногам возвращалась чувствительность. Этого дня он ждал ох, как долго. Именно жажда этого дня помогла ему вы-

жить, он спустился на самое «дно» старости, но всё-таки выжил; он знал – этот день наступит непременно, и Дуглас Фрешфилд вернется.

«Эта вершина твоя, Йехийя!», – промолвила во сне Есара...

«... на ту вершину еще не ступала нога человека», – а эти слова сказал Дуглас Фрешфилд во время своей первой неудачной экспедиции. Может, если бы не эти «волшебные» слова, Йехийя опустил бы руки и голову и давно отошел в мир иной. Вершина, покоренная чабаном Киларом во время суматошной экспедиции Генерала Эммануэля, приходилась Эльбрусу восточной вершиной. А на западную вершину, расположенную выше восточной, все еще не ступала нога человека...

Экспедиция Генерала Эммануэля нарушила извечный покой этих гор словно землетрясение, нагрянувшее нежданно-негаданно. Да что там, даже хуже землетрясения! Помнишь, – еще бы не помнить! – шел июль, погода в ту пору стояла благоприятная, и потому стада прибились к склонам Бермамыта. Вот погожий был денек!.. Он шутил и смеялся, резвился и дурачился с друзьями-чабанами, – речь о Киларе и присоединившихся к ним двух молодых чабанов с Бургустана. И вдруг... они увидели... Что?! Вверх по течению реки Баксан, у самого подножья отвесных скал, по узкой горной тропке «ползет» какая-то тень, о, Боже, огромная плотная тень! Веселье следело вмиг, смятение, пробежавшее мурашками по их телам, отразилось и на лицах.

Впереди шли конные, а пехотинцы, выстроившиеся друг за дружкой в цепочку словно волчья стая, останавливались через каждые двадцать шагов, чтобы перевести дух и снова послушно «ползли» вперед. Рискованные подъемы и спуски, тесные тропинки не позволяли продвигаться раскованно. Появившиеся Бог весть, откуда, горцы с ружьями наперевес окружили армию плотно, будто оправа кольца. Сама мать-природа обучила этих представителей малых народностей, в обычное время готовых растерзать друг друга, сплачиваться перед лицом внешней угрозы.

Армия оцепенела на плато Карбыз, точно запряда. Это место как нельзя лучше подходило для бивуака – ночевки армии под открытым небом; армия, избавившаяся от страха глубоких пропастей, ужаса перед отвесными скалами, наконец-то нашла просторную, широкую площадку, чтобы вдохнуть полной грудью. Однако под вечер погода внезапно испортилась. Солдаты бросились по сторонам собирать ветки да сучья и строить для себя шалаши. Перед этими шалашами, выстроенными открытой дугой, высились три мобильные палатки. Первая предназначалась для Генерала, его молодой жены и их двенадцатилетней дочери, вторая – для ученых (по мнению Генерала покорение Эльбруса без ученых было делом пустым и бесцельным – «мало покорить гору, главное, сделать ее доступной для науки...»), а третья – для штабных офицеров.

Три дня лил ливень, и этих трех дней хватило, чтобы они в достаточной мере перезнакомились между собой и подружились. Выяснилось, что осторожность и опасения горцев напрасны: надвигающаяся на них тысячная армия оказалась на деле всего лишь научной экспедицией. А когда они заприметили Мирзу Гула, то и вовсе обрели прежнее спокойствие и уверенность. Видать, судьба наградила Генерала крайней предусмотрительностью. Он понимал: идти с оружием на горцев – опасная затея. Потому и пустил вперед Мирзу Гула. Веселого, шутливого по нраву Мирзу Гула признавали одним из грамотных аксакалов этих мест. Он азартно знакомил горцев с го-

стями, с пеной у рта рассказывал о славе Генерала Эммануэля (не умея точно выговорить имя Генерала, Мирза Гул называл того то Манеелем, то Манелаем), восторженно отзывался о четырех его сражениях против наполеоновской Франции.

Находился там и один ученый по имени Ленц. «Слыхали о Законе Джоуля – Ленца? – не унимался Мирза Гул. – Да откуда вам слышать, бедняги, целыми днями только барашками да овечками заняты...»

Члены экспедиции, ожидающие сподручной погоды, старались занять себя – кто на что горазд. Среди них кантовался один небезынтересный тип, мадьяр по национальности по имени Бэс. От науки он отстоял далеко, но, прознав о готовящейся экспедиции, каким-то образом затесался в ее ряды и, кажись, поклялся самым для себя святым доказать всему честному народу, что истоком всех существующих на земле языков является мадьярский, что даже имена Адама с Евой – мадьярские имена. Бэс считал представителей всех национальностей, вплоть до хазарских берегов, своими соплеменниками. К счастью, либо наоборот, сам Эммануэль тоже был мадьяром по национальности. Он запретил Бэсу толковать о столь тонких материях; это могло бы послужить причиной для серьезного недовольства среди личного состава и в особенности местных жителей.

За три дня они стали не разлей вода. Горцы привозили барашков, раздобытых правдой ли, кривдой, а взамен набивали хурджуны всякой солдатской мелочевкой: пряжками, значками – побрякушками для своих детей... Все эти железяки Йехийю абсолютно не интересовали! В его сердце вспыхнула искорка, разгорелась пламенем и охватила всё его существо! Он влюбился в прекрасноволосую молодую жену Генерала, куда бы ни обратил свой взгляд, видел лишь ее облик. Да и сама жена Генерала не могла отвести от него смущенных взоров, их глаза постоянно искали и находили друг друга...

И в третью ночь полил допотопный ливень, всю ночь выл ветер, рвал и метал, он утихомирился лишь под утро, устав от бессмысленности спора с человеком. Прояснилось, и ранним утром Эльбрус «вышел встречать гостей» во всем своем величии.

Армия укомплектовалась и продолжила путь, и тут они обнаружили себя в ее рядах – ловцы позабыли зверье, а чабаны свои стада.

Миновав Тепкскопское ущелье, они поднимались сквозь густой лес, где не заметили и намека на тропинку, всё выше – на темно-серые горы, неприступные отвесные скалы. До вечера им удалось с превеликим трудом преодолеть лишь три горы, на одном из перевалов они уперлись в остроконечные скалы и застыли, как вкопанные. Тут не прошла не то, чтобы лошадь, но даже пеший продрался бы насилу, столь плотно в иных местах сходились скалы; будто сама мать-природа поставила препоны на пути покорения ее прекрасного детища, Эльбруса.

Снова возвели шалаши, растянули палатки – разбили лагерь.

Отныне продвижение с армией не представлялось возможным. Эммануэль пришел к решению собрать небольшой отряд из двадцати человек. В отряд он определил трех ученых (среди них находился и Ленц), нескольких казаков, способных вынести жесткий горный климат, и двух проводников – Килара и Йехийю, хорошо ориентирующихся в горах.

Мадьяр Бэс чуть ли на колени не падал в мольбе, но Эммануэль и близко его к группе не подпустил.

– Твоих соплеменников там нет! Туда еще не ступала нога человека. Ну, в край-

нем случае, родичи моей гречанки, – Генерал бросил взгляд на свою молодую супругу и глубокомысленно улыбнулся, – Прометея заковали в цепи в этих горах!

Первому ступившему на вершину пообещали очень большое вознаграждение – четыреста пятьдесят франков и пять аршинов ценной ткани. Утром, когда Эммануэль вышел пожелать отряду доброго пути, он задержал шаг перед Йехийёй, будто учуял неладное, так и замер, выставив лоб, как готовый к схватке рогатый горный козел.

Отряд запаса провиантом на несколько дней, веревками, колами, топорами и прочей необходимой утварью, и начал восхождение. С каждым пройденным шагом горы теряли свою высоту...

Резкий перепад давления, разреженный воздух постепенно выбивали из сил никогда не видавших таких высот «пришлецов» и одного за другим укладывали их на лопатки на снегу. По мере восхождения редкие снежные засеки начинали занимать всё большую площадь. Ближе к полудню они оказались в окончательном снежном плену. Солнечные лучи, отраженные в бескрайней белизне снега, вонзались в глаза сотнями игл. Солнце светило ярче, снег таял, становился рыхлым, прилипал слякотью к подошвам, превращая и без того тяжелые ботинки в пудовые гири. Сейчас им мог бы помочь крепкий мороз: ступать по замерзшему снегу гораздо легче.

«Человек может одержать над собой победу, что правда, то правда! Но к чему эта самоотверженность? – никогда прежде он не задавался подобными вопросами. – Ведь в этих заснеженных, неприступных скалах малейшая ошибка равняется верной гибели. Что влекло человека к этой опасности, лишнему риску? Возьмем хоть Ленца! Видный ученый со всеми званиями и почестями, достатком и богатством! К чему тебе эти горы да норы?! Ну и черт с ним, что на эту вершину не ступала нога человека! К тому же... немыслимо такое и представить. Минуло столько миллионов лет, тьматьющая людей прошла через этот мир, эти горы! Не может быть, чтобы некий первобытный человек не покорил эту вершину. Быть не может! Просто этого никто не знает, нигде это не записано, не зафиксировано. Вот в чем вся суть: твой героизм должен быть зафиксирован!..»

Под вечер лишь четверым удалось добраться до окруженной утесами террасы – скалы с целиком выпирающим торсом. Снег по краям отвесных скал никогда не задерживался, потому терраса в царстве белоснежности сохранила свой естественный сероватый цвет, свою «мрачность», что создавало странный контраст с окружающей ее белизной. И... позади этого «насупленного» обрыва виднелась величественная пара конусов, покрытых вечными снегами: Восточная и Западная вершины Эльбруса! Окружающие горы, выглядящие в иное время в крайней степени титанически, сейчас казались жалкими перед открывшейся взору торжественностью...

У Ленца отказали ноги, их пробирала дрожь. «Проклятье!», – поносил он свои непослушные конечности. Им предстояло здесь переночевать и на рассвете продолжить путь. Однако ночью состояние Ленца только ухудшилось. Поднялась температура, знобило пуще прежнего. Всю ночь он бредил от жара. Их было трое – Килар, Йехийя и казак по имени Коля, одному из троих непременно следовало спуститься в лагерь с Ленцем. Но кто согласился бы отступить от славы, когда она находилась на расстоянии шага? Никто! Коля загодя исключил свое имя, сразу же отказался от этой затеи. Оставались Килар и он. Ясное дело, Йехийя моложе и среди этих троих ближе к вершине находился именно он. Но для того, чтобы вернуть окоченевшего Ленца обратно в лагерь, требовалась недюжинная физическая сила: с одной стороны, большая часть пути уже преодолена, с другой – спуск по заснеженным и скользким камням с

тяжелобольным на спине гораздо тяжелее восхождения. Последнее слово оставалось за Киларом. По праву старшинства, по праву умудренности.

Утром на небе не виднелось ни облачка, небо простерлось бескрайней синевой. Сияло солнце. Можно было бы подумать, что небеса наконец-таки согласились на покорение той священной вершины. Но, увы и ах! Йехийю, в чьем сердце клокотала злоба, обрекли вернуться в лагерь. «Горцу не пристало оставлять гостя в беде», – распорядился Килар. «Да к черту и горцев, и их обычаи! Пропади всё пропадом!», – пару раз Йехийе так и захотелось на всё наплевать и повернуть обратно...

Члены отряда, вернувшиеся в лагерь по двое, по трое, вконец выбились из сил. Их одежда промокла до последней ниточки, опухли подглазья, лица покрылись красноватыми пятнами. Генерал выделил свою палатку для ухода за пострадавшими. «Есара, – кликнул Генерал свою супругу, которая, оказывается, училась в молодости на медика, – позаботься об этих смельчаках...»

Есара!.. Прозрачные, как вода, глаза Есары смеялись, а ее смех, струящийся веселой горной речушкой, источал само жизнелюбие. Когда ее нежные и трепетные пальцы прошлись по его мускулистым рукам и груди (она прижала ладонь к его сердцу, проверила пульс, затем снова положила ладонь на грудь), он чуть ли не рассыпался в прах от изнеможения... «У него никогда не будет такой женщины! С легким, нежным, ослепительно белым, словно лебяжий пух, телом! С длинными золотистыми волосами. словно бахромка кукурузы ... Он – обычный чабан, ему самое большее суждена горянка с шершавыми от труда руками, растрескавшимися от горных камней пятками, грубая и неотесанная горянка...», – внезапно его пронзила острая зависть к Эммануэлю, да что там зависть, он готов был сойтись с ним в смертельной схватке!..

С телескопом в руках Генерал напряженно следил за вершиной и вдруг прыгал от радости как малое дитя – вершина покорена! Вот Килар машет рукой с этой вершины! Это мог видеть лишь сам Генерал в свой телескоп. Громкий, отдающийся в ушных перепонках салют эхом разошелся среди камней, зажгли гигантские костры, Эльбрус, наверное, впервые увидел огонь на своей груди.

Всю ночь до самого рассвета никто и глаз не сомкнул. Все готовились к утренней церемонии. Генерал собирался наградить Килара при участии избранного круга людей и аксакалов, приглашенных из близлежащих районов. Килар принес с вершины кусок базальта. Генерал разломил его надвое, один кусок отложил в сторону, чтобы отослать Императору, а другой самозабвенно прижал к груди, как ребенок.

Утром Эммануэль по настоянию двенадцатилетней дочки отправился с ней на Баксанский водопад. У Килара после восхождения болели глаза, он не мог смотреть на яркий свет, потому Есаре пришлось остаться в лагере. «Гречанка, хорошенько позаботься о нашем герое, отныне он человек непростой!», – перед уходом Генерал крепко-накрепко вверил Килара в заботливые руки Есары.

«...он человек непростой!», – Йехийе показалось, что Генерал бросил на него саркастический взгляд: «Килар человек непростой, а ты вполне себе простак – чабан чабаном!».

«Пусть говорят, что хотят, но Генерал явно его задевает. Умышленно его подначивает. Лады, Генерал, скоро увидишь, как этот невежда и простак с тобой разделяется!..»

Всё, что имело хоть малейшее отношение к полуденной церемонии, царапало и выводило его из себя. Любимый конь Генерала, особо украшенный для этой цере-

монии, тяжелый от орденов китель, одним словом – всё, абсолютно всё... «Слава Килара дойдет до самых последних поколений», – расплывшийся в довольной улыбке Мирза Гул тоже, знай, добавлял масла в огонь. А когда он увидел Килара в новехонькой военной форме, то шарики за ролики заскочили. Перед глазами появилась кровавая пелена, и он уже сам не разумел, что вытворяет, уже сам не понимал, как в мгновение ока ворвался в палатку Генерала!..

Есара застыла, как статуя, прямо посреди палатки! Сегодня она оделась в бело-зеленое платье с декольте, и ее упругие свежие груди проглядывали сквозь рассыпанные золотистые волосы, словно налившиеся соком душистые дыни. Неутоленная страсть, скопившаяся в глазах и губах, жаждала обрести речь и жарко прошептать: «Возьми меня, испей меня, испей до дна, Йехийя...»

Всё случилось за считанные секунды. Он подхватил Есару, как подстреленную птицу, и усадил на разукрашенного генеральского жеребца; Есара протянула руку, конь подставил седло!..

О, Боже, как стремительно мчался конь по густым лесам ниже лагеря, по крутым склонам вдоль реки Баксан!..

Когда Дуглас впервые ступил на Кавказ, обуреваемый неутолимой алчностью по Эльбрусу, Йехийе шел уже восемьдесят шестой год. Экспедиция Дугласа по тем временам состояла из самых искусных, профессиональных альпинистов. Они были столь мощно оснащены, столь мобильны, что получили прозвище «Аргонавтов». Как ему удалось запомнить это словцо? На день рождения Есары Дионисовны он купил бутылку коньяку в поселковом магазине. Коньяк назывался «Арго». Есара, прочитав этикетку, ахнула: «Греческий коньяк, наш коньяк!». Бедняжка радовалась так, будто после долгих лет смогла зачать в свои семьдесят семь.

«Мне нужен проводник, знакомый с каждой впадинкой и выступом этих гор, как с телом собственной жены», – бросил клич Дуглас. И на этот клич все отзывались лишь одним именем, именем Йехийи Саттаева. Указав Дугласу в сторону дома Йехийи, добавляли, что никто не знаком с этими горами лучше него.

Хижина Йехийи находилась на горном массиве Хара Хора, на отдаленной и малодоступной вершине. Ровно десять лет после того, как он умыкнул Есару, им пришлось прожить в тайной пещере на горе Хара Хора. Эммануэль перевернул вверх дном все окрестные горы, написал Императору и вызвал на подмогу дополнительные войска (чтобы окончательно прибрать Кавказ к рукам, Императору не представился бы более удачный шанс), разорил города, сравнял с землей селения, но сбжавших любовников и след простыл. Путь к тайной пещере знал лишь Килар, который не стал выдавать друга вплоть до смерти Эммануэля, когда бывшее покрылось забвением. Ровно наоборот, Килар по мере сил поддерживал Йехийю, лишившегося родного крова и очага.

Спустя годы они вышли на Божий свет, но поселились в собственноручно построенной хижине вдали от окружающих...

Дуглас с превеликим трудом отыскал то место. В ту пору Есара Дионисовна была еще жива.

Йехийя недоумевал, почему это молодой Дуглас рвался на уже покоренную вершину. «На эту вершину еще не ступала нога человека». После этих слов ему са-

тому не удавалось усидеть на ровном месте. В то время ему шел всего-навсего восемьдесят шестой год. Но что правда, то правда – вершина не покоряется, гора либо подпускает тебя к себе, либо нет! Они провели в бесплодном ожидании около двух недель, но погода не улучшалась. Одурев от ожидания, они собрали манатки и ушли, не солоно хлебавши. Ушли и вернулись сейчас! О, Господи, сколько же лет миновало! Интересно, сколько ему сейчас? Вовек не угадать, хоть убей. Во всяком случае, перевалило за сотню. А может, и того больше! В ту пору Дуглас выглядел желторотым юнцом, а сейчас поседел как лунь...

На сей раз Дуглас не стал брать Йехийю с собой в гору. Взамен он отыскал какого-то молодого проводника, готового лопнуть от спеси.

«Эта вершина твоя, Йехийя!». И вдруг он увидел, что идет к вершине, да что там, не идет, а летит! Он ощущал такую легкость и ловкость, будто некто невидимый, крепко взяв его за руку, тянул в неведомом направлении. Он надел теплый ватник, забросил за плечо легкую котомку, вот и всё! Он и сам не ведал, куда шел! Ведь в этом преклонном возрасте ему так и не удалось заглушить свою древнюю жажду, жажду восхождения на вершину Эльбруса. Отряд Дугласа вот уже два дня как находился в пути...

Густые леса на противоположных горах выглядели с высоты будто мох на камнях... Сказочно синие горные плато постепенно покрывались снегом. На самом дне блистала зеркальная гладь озера. Ниспадающая с горных вершин река разветвлялась, словно могучее дерево, бурлила, шумела, пенилась...

Когда отряд Дугласа добрался до скалы перед основной вершиной, всё кругом уже находилось в снежном плену; от бурана видимость упала до нуля! Даже спецодежда – теплая куртка, рукавицы, унты из оленьей шкуры, плотно прилегающие к лицу широкие очки – уже не могла их защитить. С ног до головы они утопали в снегу, ресницы и брови покрылись от мороза льдинками. Подавленность и отчаяние овладели ими, они уже были готовы повернуть обратно. А их молодой проводник бросил их на полпути и сбежал...

Когда перед ними воплотился из снежного хаоса старик в белых брюках, белой чалме и кирзовых сапогах – чудилось, что старик не взбирается по крутому склону, а летит птицей! – они от нежданной радости завертелись волчком. Казалось, Йехийя снизошел на гору с самого неба!.. Они ловко растянули одноместные палатки для ночлега, даже чай заварили на компактном примусе... Теперь всё зависело от непредсказуемого движения облаков (в горах погоду определяют облака). Если всё пойдет гладко, завтра в это же время они ступят на самую высокую вершину Европы. После скалы Ленца шла непосредственно вершина.

«Скала Ленца, еще бы! Он тащил на своей спине почти бездыханное тело Ленца до самого лагеря, а ему и спасибо не сказали, – его сердце охватило горькое сожаление. – Но вот же, именем Ленца назвали скалу! Тебе и этого мало, Йехийя!».

Они не спали до глубокой ночи, сон не шел. Дуглас рассказывал странные вещи. Рассказывал об архивных материалах, связанных с покорением Эльбруса. Говорил, что натолкнулся на интересную рукопись мадьярского ученого Бэса («Ну и ну, ученый... Ученый – в дерьме моченый»): «Килар не покорил ту вершину, – писал Бэс, – он на два часа скрылся за скалой, а потом высунулся. Разве не сам Эммануэль ска-

зал, что увидел Килара на вершине... Император вовсе не нуждался в вершине, дело было замешано на хитрости, которая всех устраивала и с которой каждый имел свою выгоду. Килару нужны были деньги, Эммануэлю – влияние при дворе, а самому Императору – Кавказ, только и всего!».

Он снова увидел величественное создание, с ног до головы покрытое ослепительно-белым мехом, но не смог разобрать, пригрезилось ему это или нет. «Вставай, Йехийя, вставай! Вершина принадлежит тебе!», – промолвило оно, сверкнуло и исчезло...

Он шел, забросив на плечо легкую котомку. Совершенно пустую! Теперь никто не в силах отнять у него вершину! Да что там Килар, даже весь его род до седьмого колена не в силах!

В небе поочередно тускнели и гасли звезды... С рассветом угадывались очертания окрестных скал, воскресала природа. На горизонте тянулась ровная белая-белая линия. Окутанные синеватым туманом снежные холмы окрашивались с первыми солнечными лучами в розоватый цвет и...вдруг!.. О, Господи, ледяная корона Эльбруса! В утреннем убранстве поблескивало, вспыхивало бесчисленное множество ослепительных искр; то серебристый, то золотистый глазет лучился вокруг своего стихаря; даже темные, утомительно-серые утесы окрасились на миг в благородную бронзу...

Теперь ничто не могло бы преградить ему путь! Отныне он сам себе не принадлежал! Ноги не принадлежали ему! Мысли, чувства, разум... не принадлежали ему. «Килар соврал, он не покорил вершину. Человек, взявший вершину, не смог бы спокойно продолжать жить своей прежней жизнью».

Он застыл от изумления перед величественной скалой. Она походила на гигантскую костяшку домино, поставленную перпендикулярно. На вершине скалы висели кольца для цепи! Неужели кого-то когда-то к ним приковали?! Невероятно, но эти оковы предназначались явно не для человека! «Прометей заковали в цепи в этих горах», – в его мозгу молниеносно пронеслись слова Генерала Эммануэля, брошенные некогда мадьяру Бэсу, однако вникнуть в них он не смог, эти слова так и остались загадкой...

Из битвы белого с черным белый вышел победителем. Даже собственная его тень на снегу отливала то голубоватым, то зеленым. Черный – цвет жизни, да! Из этой точки – лона белизны – прожитая жизнь, все долгие годы предстали перед ним в черном цвете; явным стало сокрытое, и открылось его прегрешение: он украл жизнь Есары!

Нестерпимо заняло в груди, там, где должно находиться сердце. В эту минуту он отказался бы от всего дорогого, лишь бы скинуть груз с плеч. Но... отказываться было не от чего – от всей прожитой жизни у него осталась лишь котомка, да и то пустая...

«Все прегрешения оседают на черные камни, которые покрывает снег. Я принесла тебе снега, Йехийя!», – это была Есара! Прежняя, абсолютно прежняя! Не та Есара с дряблыми обвисшими сосцами, которую он видел во сне, нет, Есара с упругой, крепкой, словно вечные камни, грудью! «Видишь, сказанное сбылось! Вершина твоя, Йехийя! Ничья нога не ступала на эту вершину! Отныне нет тебе смерти!».

«Увидел ли его Дуглас в свой телескоп?!», – глубокое уныние охватило всё его существо: ведь в густом тумане ничего не разглядеть. Но неизмеримо ужасное, губочайшее уныние настигло его на пике; на вершине не было ничего! На вершине, к

которой он стремился всю свою жизнь, ради которой только и выжил и наконец взойшел на нее, на этой вершине не было ничего...

Заснеженные горы, слившиеся с туманом, потеряли свои очертания – земля слилась с небом, небо с землей...

Он и сам теперь не знал, куда ступает в полном одиночестве...

В шпагатной позе

«...нэнэ, здесь деньги как снег – тают в руках»

Ну и дела, оказывается, резкое удешевление нефти, ее неожиданный кувырок вниз повлиял даже на крохотный городишко Радужный, затерянный в необъятной тайге! «Повлиял» не то слово, за какой-нибудь год город рухнул на глазах. Прекратили работать крупные заводы, закрылись предприятия, работникам дали бессрочный отпуск. В городе будто разразилась самая настоящая чума, кто смог – дал дёру...

«Кто бы мог подумать, что всё так обернется, нэнэ...», – сейчас он валялся, как выпущенный из пращи камень перед величественным Торговым Домом, который некогда отстроил из бело-красного кирпича в самом центре города на месте старой сапожной будки. В вечерний час в родной деревне он, погрузившись в думы, положил голову на колени нэнэ, а глаза уставил на солнце, блуждающее в молочно-белой северной ночи: «Нэнэ, а моя судьба сложилась вот так».

Вихрь болотных комаров, кружащихся над его головой, был на деле черным шелковым келагаем нэнэ, он чувствовал зудящие укусы этих проклятых тварей, распухших от его крови, как гнойные пузыри – потрескавшиеся грубые руки чесали шею и горло, трепали на облысевшей макушке когда-то густую черную копну... «Сам упал – не плачь, возвращайся домой, Эдан. Стань хозяином в своем доме. Нам одной твоей тени хватит...»

«Сам упал – не плачь...», – усталый, хриплый голос нэнэ шумит в ушах, как прятка, буравит мозг, как ручная мельница.

«Ильдар, всё бросай к черту, приезжай. Там уже делать нечего...», – а это говорит Люда. Машет ему рукой из чужой украинской деревни, примостившейся на склоне далеких Карпатских гор.

Теперь он на распутье. Любой его шаг обязательно рассечет его пополам.

Тупая боль между лопаток нагоняет страху: «Если со мной что-нибудь случится, как тогда быть?». «Меня, как последнего алкаша, сбросят в воды Агана... – в последнее время он что-то часто вспоминает Гурбана: – Тут сплошной отстой, – твердил бедняга, – одно болото... никак не выбраться...»

Больше всех ему досадил Руслан. В мать пошел, подлец, за нею потопал. Хорошо и сделал. Поделом тебе. А что ему еще оставалось? Разве не знал, чем дело кончится, когда относил всё бабло в хибару Фёдора – отца Люды? Ну и хорош же ты! Целый замок отстроил, молодчина! Огромный-преогромный! Всё до последней копейки выложил на пороге Люды. А родной деревне даже битого кирпича пожалел. Крыши над головой не построил. «Сделаю, сделаю, потом успею», – говорил себе.

Вот тебе и «потом»...

Люди, над которыми он всегда с издевкой смеялся, обустроились в Баку, обзавелись квартирами и уютными семейными гнездышками. «Что это вы застряли в шпа-

гатной позе, – подтрунивал он над ними всеми, – одной ногой здесь, другой в Баку?..»
Смейся, смейся, Эльдар-муаллим! Сам теперь растянулся в этой позе...

В ту пору нэнэ не соглашалась отпускать его в Россию. «В мае вернусь, клянусь могилой отца», – поклялся он самым святым. Почему именно в мае? Сам того не понимал. «Дождись его годовщины, потом обручись и убирайся ко всем чертям...», – нехотя согласилась она. А что ей оставалось?! Боялась она, что после института парень бездельничать станет. Жили-то они в деревне – ни работы, ни заботы. Он тоже нехотя согласился с ней. Помнит ясно, будто это случилось минуту назад – обручили его двадцать первого октября. Всё произошло настолько стремительно, что, казалось, к этому готовились без малого лет тридцать. Больше всего его удивила тетя: она подошла вплотную и чмокнула его в шею, словно стать тещей гораздо почетнее, чем оставаться просто тетей. А Судабэ-то, Судабэ! Усердность, активность кухни, которую он всегда считал тихоней, его поразила... Утром он покинул деревню. Вот и все дела! С того октября по сей октябрь. Господи, сколько же лет прошло. Руслану уже двадцать третий пойдет...

«Сам упал – не плачь...», – эта мысль всплыла в сознании, когда он, как баран у новых ворот, стоял один-одинешенек на шумных, многолюдных улицах Свердловска, – «стыдно оседлать осла, но спешиться стыднее».

– Езжай на север, земляк, там рубли длинные... – на железнодорожном вокзале к нему подошел билетер-армянин со смешанной, замысловатой улыбкой на лице.

А другого пути и не было. Имелся лишь один путь, и звал он в неведомое. На север! К Гурбану, сыну Гюлен.

...По мере того, как один за другим сменялись пейзажи за окном плацкартного вагона, сомнения и тревога всё больше овладевали его сердцем. С продвижением на север место широколиственных густых, чистых уральских лесов занимали раскиданные там и сям ободранные коротышки-сосны. Поначалу редкие и небольшие снежные сугробы разрастались, как лопнувшие кукурузные зерна, метались от дерева к дереву, то озлобленно плюхались на вагонные окна, пытаясь ворваться внутрь, то представляли порождением циклона-циклопа, собирающегося слопать поезд вместе со всеми его пассажирами... Лежа в тот час на верхней койке полутемного и полупустого плацкартного вагона и глядя на тоскливый тускло-желтый свет плафона на потолке, он задумался лишь об одном: куда он едет, что его ждет? Ведь Гурбан сдал, он уже не тот, что раньше. Гурбан с братом знавали деньки: весь город раком ставили, никому спуска не давали. Два брата плечом к плечу ломали в драке хребты целому батальону фраеров. Но всё это уже в прошлом. Как говорится: за что боролись – на то и напоролись. Брат его замочил одного и пошел по тюрьмам, а сам Гурбан, говорят, получил ножом в спину и остался инвалидом. Теперь вот сапожничает в городе...

Знала бы нэнэ, что он собрался к Гурбану, ей-богу, не пустила бы.

Когда он проснулся от звонкого голоса полненькой проводницы, жесткого дыхания морозного и снежного утра, Вековечная Природа развесила по всем окнам вагона свою картину под названием «Зима». Спокойно, тяжело, величественно... Тайга!

Удивительно, он покинул деревню без малого двадцать пять лет назад, но чувство, что приехал в этот город только вчера, его не покидает; будто и не было вовсе этой четверти века. Не растеряй он свои прежние густые черные волосы, здоровые крупные зубы, то Радужный показался бы ему сном, сном, который он никак не в силах припомнить.

...Первое, что он увидел в разместившейся в центре города крохотной и тесной сапожной будке, плеснулось в глаза, как кипятки; вместо прилащенного, высокомерного, крепкого телом буйного Гурбана... он увидел жалкую на него пародию. В инвалидной коляске... Гурбан пил. В его холодных, как стекло, поблескивающих глазах не удавалось прочесть, рад тот или нет приезду Эльдара. Крепкими, как тиски, руками он то прижимал Эльдара к своей груди, то отталкивал и со злостью стучал по коляске: «... Здесь отстойник. Болото. Никак не выбраться. Да какой там май? Я тоже в свое время приезжал до мая. Видишь? – молотил он по коляске: – Е..ть того, кто заложил этот город. Одни шлюхи да гниды. Мне тебя жалко. Хороший ты парень! И ростом вышел, и умом! Нашел бы город получше... – он налил Эльдару водки в граненый стакан, дал хлеба с колбасой и беконом, достал из банки соленья. – Думаешь, не рад приезду твоему? Ей-богу, ничего такого! У меня своя трёшка, родной. Сам посуди, никого у меня уже нет, – он взял стакан и налил себе. – Думают, тут молоко рекой течет. Из каждой сиськи. А тут одни сосны и на них шишки. Шишки! – Гурбан расхохотался как полоумный. – Ты по мне не суди, государство выделило мне квартиру, пенсию. Лекарства там всякие, лечение... – всё бесплатно. Знаешь, сколько я получаю? В десять раз больше, чем твои учителя и врачи. А в Баку мне чем заняться?..» – Гурбан уставился в заиндеветую форточку теплой будки... Потом спросил о деревенских – кто жив, кто нет... Спросил о его отце. Услышав, что тот умер, снова зарыдал, как ребенок, пуская пузыри изо рта и носа...

– Думаешь, о Рустаме плачу? О себе плачу, о себе! Рустаму еще как повезло. Всем повезло, кого там схоронили. В абрикосовой роще, на склоне косогора, поросшего полынью и чертополохом... Там раем пахнет. А со мной что будет? Кто меня, подошедшего, туда повезет? В абрикосовую рощу... Ты, что ли? Меня, как последнего алкаша, сбросят в воды Агана...

«...видишь, нэнэ, говорил, вернусь в мае, вот и вернулся», – повезли тело Гурбана. Его похоронили прекрасным майским днем. В абрикосовой роще, на склоне косогора, поросшего полынью и чертополохом... С краю квадратной мраморной плиты на надгробье Эльдару в глаза глядела Гюлен – с благодарностью! Она «радовалась» возвращению Гурбана. Казалось, от радости сейчас улыбнется...

Было ли это благословением Гюлен, – видать, мертвые тоже могут благословлять, – или чем-то еще, но все его дела в этом городе пошли как по маслу, все его задумки стали воплощаться. Сначала он решил переделать сапожную будку Гурбана, на которой висья висел тяжелый замок, в продуктовый киоск. Союз разваливался, в госпродуктовых магазинах ничего, кроме килек да березового сока, не сыскать... Продавалось абсолютно всё, всё моментально улетало даже за бешеную цену... Он и сам не был готов к такому повороту событий. Совсем опешил; он не бежал за деньгами, нет, будто некое мощное течение внезапно подхватило его и заставляло идти в ногу, будто некая могущественная рука схватила его за шкурку и поднимала ступень за ступенью. Точно в сказке, мгновенно, в самом центре города, на месте старой сапожной будки вырос величественный, привлекательный Торговый Дом из бело-красного кирпича, – с маркетами, ателье, кафе и салонами... Сын Рустама-киши Эльдар стал «Ильдаром Рустамычем», со своим кабинетом и печатью...

«Тут деньги как снег, нэнэ, куда ни глянь – повсюду деньги...»

Может, это стенания Судабэ перевернули всё вверх дном! Может, женитьба на Люде оказалась самовольным вмешательством в собственную судьбу? Как бы там ни было, у него имелась невеста, Судабэ, которая могла ждать его целую вечность!

Ему не удалось правильно распорядиться деньгами, постичь суть денег. Их обилие напугало его. Порой ему казалось, они преследуют его. Деньги пинком заставили его взять место для большого ресторана на берегу реки Аган, набросать проект, заказать тяжелую технику и заглубить в грунт сваи, привезти песок и камни с Большой Земли – начиная с реки Обь, в северном направлении, песка, устойчивой земли нет вообще, сплошные болота. Дизайнер из Петербурга, мрамор из Житомира, люстры итальянские, бассейны испанские, хрусталь чешский, бильярд «королевский» – всё самое лучшее...

А еще ему не удалось постичь суть времени. Думал, так будет всегда, всё останется как есть: и роскошь, и деньги, и молодость... и этот город. Ему казалось, что он в любой момент может закинуть на спину свои «объекты» и потопать в родную деревню, что даже двухэтажный особняк во дворе Фёдора, отца Люды, может чудесным образом перебросить на родимую сотку, что в любой момент может легко бросить нынешнюю «временную», проживаемую понарошку жизнь и вернуться к своей «истинной», «настоящей» жизни. Покажет Руслана нэнэ, – он сызмала звал мать «нэнэ», – и скажет: «Глянь-ка, я назвал его в честь отца, Рустамом...». «Глянь, – скажет он Судабэ, – как вымахал наш сын...», – при каждом возвращении в деревню он «теряет» Люду на полпути; Люда куда-то исчезает в светлом тумане, естественным образом, безболезненно...

«Молодец, сынок, не посрамил имя Рустама», – один за другим примутся пожимать ему руку деревенские мужчины, а женщины не устанут расцеловывать в обе щеки. «Прости, Господь, они что, со своими мужьями не целуются, что ли? – смеется он без тени смущения в этой сутолоке. – Не обшлюнявят своими мясистыми губами всю шею – ни за что не отстанут...»

Тупая боль между лопаток усиливается, он совсем не чувствует своего тела. «Здесь отстойник, – говорил бедняга Гурбан, – болото... никак не выбраться...». Теперь у него одно только желание – встать! Встать и кое-как доковылять до берега Агана, зайти в свой величественный, роскошный ресторан с распахнутыми настежь дверями... и помочиться прямо в зале! Помочиться что есть мочи! Нассать с целое озеро, – покуда пена не доберется до отделанных дорогим бархатом стен, покуда моча, как ледяное пиво, не перельется через край хрустальных «чешских» бокалов, расставленных на хрустящих от свежести скатертях... Больше ничего и никого не хочется, – ни нэнэ, ни Руслана...

А еще – очутиться бы в абрикосовой роще! На склоне косогора, поросшего полынью и чертополохом... «Кто меня, подошедшего, туда повезет? – повторял бедняга Гурбан. – В абрикосовую рощу? Меня, как последнего алкаша, сбросят в воды Агана...»

... ему стало жаль одинокого солнца, блуждающего в молочно-белой северной ночи.

Всем нутром захотелось разрыдаться. И тут он заметил, что это вовсе не солнце, а лучащийся неземным светом лик отца, – отец спокойно, уверенно смотрит на него.

Вглядевшись пристальней, он заметил, что отец охвачен тревогой; бежит к нему изо всех сил, ступая длинными ногами по облакам... Протянутые к нему руки спешат спасти его от этой тоски, длинные, как лучи, крепкие мускулистые руки (отчего-то это были руки Гурбана) хотят разом взять его и перенести на склон косогора, поросшего полынью и чертополохом. Чтобы сын лежал рядом с отцом...

Бежит отец, всё бежит к нему, но ничуть не приближается...

Белый ветер уныния

Думал, отец накануне его дня рождения пришел за ним. Он находился в дет-доме всего-навсего две недели, но тоска зеленая затягивала душу всё глубже и глубже в беспросветный омут.

Господи! так хотелось домой... После того, как их покинула мать, как назло умерла и бабушка. Да, как назло! Вдобавок ко всему – в то время, когда отца подкосила эта треклятая болезнь. Истинной виновницей всех этих неприятностей была бабушка; была да сплыла, умерла!

– Держись, – сказал сухим холодным тоном отец, смотря почему-то в сторону, – выдержишь год-два, и дело с концом.

Но ему при этих словах подумалось, что они прощаются навек.

Нет, конечно, он знает: «равнодушная» маска на лице отца призвана скрыть непрерывно мучающую его боль. Когда тот убрал свою руку и зашагал к автомобилю, сын обратил внимание на его неуверенную походку, мятые брюки, которые становились ему всё шире и шире. За какие-то две недели отец сильно исхудал. И немного осунился.

– Ну, не скучай, – высунулся из окна машины дядя Ибрагим, – буду тебя навещать.

Всё кончено! Машина, набравшая скорость на изрытой неровной дороге перед интернатом и постепенно пропадаящая из виду, шатаясь из стороны в сторону, разорвала ему грудь и вырвала всю душу. Руки обхватили прутья железных ворот. Внутри клочкотал вулкан, удержаться он не смог, зарыдал...

– Не плачь, – голос принадлежал Вагифу. Вагиф утешительно приобнял его за плечо. – Пойдем.

Он вырвался и побежал. Никого больше не видеть, никого не слышать! Пробежав Бог знает сколько, он растянулся на голой земле лицом вниз. Горькие слезы оросили сухую землю.

– Не плачь, вставай, – добежав до него, Вагиф присел рядом на корточках.

– Он умрет! Знаю! Умрет! Пришел со мной попрощаться... Знаю...

– Вставай... Вставай... – Вагиф честно старался его утешить, но подходящих слов подобрать не мог. – Хочешь, завтра рванем в ваш район. Отпросимся на день у Гахраман-муаллима. Не пустит, возьмем и сбежим. Не веришь, что ли? Сбежим...

Автобус неожиданно свернул на грунтовую дорогу и остановился. Не успели закрыть окна, как вырвавшийся из-под колес густой туман пыли заполнил весь салон. Самораздвижная передняя дверца щелкнула и распахнулась. К лобовому стеклу были прикреплены зеркала всевозможных размеров и форм; из каждого зеркала на них глядел водитель в шахматной рубашке. Пассажиры, всю дорогу выглядевшие погрузившимися в свои думы, уставлыми (оказывается, это был какой-то сельский автобус), тоже нетерпеливо обернулись на двух угловатых подростков. Надо было сходить. Кое-как перешагивая через напиханные всякой всячиной корзины, свертки, баулы, загромоздившие всё свободное пространство в салоне, они сошли в незнакомом месте. Перед ними расходился в четыре стороны, как знак «+», перекресток...

– Вон там – армянское село, – бросил Вагиф, долго глядя на автобус, взбрав-

шийся по склону, поросшему ежевикой и боярышником, а затем пропавший в гуще могучих ореховых, каменных деревьев, ясеней, оплетенных виноградными лозами.

– Знаю, – сказал он.

– Сейчас там прохладно как в раю.

– Знаю, – повторил он. – Я там бывал. С дядей Ибрагимом. Виноград отвозили. Когда у нас зреет виноград, там он еще зеленый. В тамошних садах терна и дикой груши навалом. А вода ледяная! Аж руки режет...

Последние дни сентября, но жара стоит адская. Небеса полыхают огнем. Жара обдаёт лицо, руки, затылок. От раскаленного асфальта, словно из тандыра, поднимаются струи нагретого воздуха – марево, чье колыханье напоминает неровную морскую гладь. Он вполне отдает себе отчет, что добраться таким ходом до поселка весьма и весьма затруднительно, но, тем не менее, даже не помышляет о возвращении. Вдобавок, ведь они сбежали из интерната. «Сынок, что ты потерял в эту жару в степи? – Гахраман-муаллим оставался непреклонен. – Да и автобусы толком не ходят!».

Ситуация, в которой они оказались, смешна и плачевна одновременно. Вот уже столько часов на дороге, но ни одной путевой машины. Проковыляли несколько тачек, но ни одна не затормозила. Они, знай, махали руками, вкладывая в свои призывные жесты чуть ли не всю душу, но руки так и повисли в воздухе вопросительно-восклицательными знаками. Если не успеют до райцентра к четверем, упустят последний автобус, выезжающий в их родной район.

«Вот бы вдруг из-за поворота взял, да показался дядя Ибрагим...»

Чудной человек этот дядя Ибрагим. Сам шоферюга, но всегда под газом. И такой смешной, когда выпьет! Когда выпьет, рябое и мягкое его лицо лучится счастьем, поет себе что-то под нос глухим, с хрипотцой, голосом. Стиснув зубы, опрокидывает в себя крепкую тутовку, и с каждым глотком его круглый пористый нос все больше и больше приобретает сходство с сердцевинкой созревающего инжира. Он с таким наслаждением всасывает целиком красный маринованный помидор, и при этом его губы так забавно вытягиваются дудочкой, что со стороны кажется – это помидор вцеловывается в его губы...

«...буду тебя навещать», – сказал дядя Ибрагим. Да, именно: «навещать». А как же отец? Он навещать не будет? Не объявится? Тут он ощутил в ладони слабые, как у младенца, влажные отцовские руки.

Он покинул поселок всего две недели назад, но тоскует смертельно. Интересно, как встретит его поселок? Соседка, которую он прозвал Момоджу¹, запустит свою грубую, жесткую пятерню ему в волосы, дернет за ухо. Так она и привечает. А бабушка Назлы скажет: «Куда ты пропал, герой? Чего это нас с толку сбил?».

Отец тоже обрадуется, да, хоть и не подаст виду.

Этот Вагиф тоже чудной пацан. Только и делает, что смеется. Кажись, всю ответственность свалил на него. Хорошо хоть Вагиф рядом, ей-богу, что бы он без него делал? С ума бы сошел. За какую-то пару недель они стали не разлей вода! «Я как будто брата себе нашел!», – говорит он. У бедняги никого, абсолютно никого на всем белом свете!

«На перевале Эрзурума / Снег застиг нас, как назло... / Друг сказал: «Пошли обратно». / «Нет, дружок, – сказал я, – запаadlo». В этих строках, процитированных Вагифом с ироническим пафосом, содержится тонкий намек на выход из той ситуации,

¹ Момоджу (детское) – мифическое существо, которым пугают детей.о

в которую они попали.

Вдалеке начал расплзаться туман пыли. Стадо барашков, появившееся из-за гребня горы, рассыпалось по склону, словно бусинки лопнувшего ожерелья. За ними появился жилистый парень с выцветшими от солнца волосами на красновато-рыжем коне. Приметив подростков, он выпустил уздечку и босыми ногами пришпорил коня. Остановившись возле них, «рыжий всадник на гнедом коне» поздоровался и попросил сигарет. Они изумленно переглянулись: из головы совсем вылетела записка – сигареты в мягкой пачке, купленные прошлым вечером на особый случай для сегодняшнего дня. Вагиф нагнулся и достал сигареты, припрятанные в паголенке носка. Пачка намочилась от пота, но сами сигареты остались целёхоньки. «Рыжий всадник на гнедом коне» высыпал себе в кулак часть пачки и посоветовал идти к мосту по грунтовке. Если ему верить, то на мосту, расположенном всего в трех-четырех километрах отсюда, и вправду стояло немало машин из поселка. Но загвоздка была вот в чём: им следовало оставить гладкую, заасфальтированную дорогу и идти наперерез через пустошь.

Грунтовая дорога... Эта дорога, принявшая их в свое лоно, наполнилась надеждой и неопределенностью разом. Куда вели через холмы да доли эти песочные «рельсы»? Что и с чем уравнивал этот знак «=», раскинувшийся в дальние дали?

Он достал из пачки пару сигарет и протянул одну Вагифу. Они смотрели друг на друга с опасливым интересом; обоим впервые предстояло увидеть, как курит второй. С первой затяжкой всё его тело пронзила странная дрожь, напомнившая ему тот самый день, когда он впервые попробовал курево.

...Они с Назимом «хапали» хлопок и по ходу дела отбились от остальных ребят. Они надрылись до седьмого пота, но набить свои передники никак не удавалось. Вдруг они вышли на крохотную поляну, похожую на ту, где он кувырчался с Гаратэль и сравнивал с землёй всю траву и жучков с букашками в придачу. Здесь «лежал» белоснежный мешок, битком набитый хлопком. Мешок был так плотно утрамбован, а его поверхность столь гладка, что напоминал мешок муки. На мешке кураком¹ была нарисована голая женщина – «Спящая Венера», которая ему как-то попала в одном журнале. Эта бесстыжая девка, заложившая правую руку под голову и слегка приподнявшая левое колено, вышла такой натуральной, что они подпали под ее чары... И тут случилась просто убийственная штука. Назим вынул из кармана раскладной нож, резким движением всадил его в идеальный пупок «женщины» и дернул рукоятку вниз – по самый «бугорок Венеры». Он и сам шуганулся от желания, поднявшегося в нем в ту секунду, когда из распоротого живота «женщины» полез белоснежный хлопок; прежнее вождение сменилось совершенно иной алчбой. Удержаться он не смог, заодно с Назимом бросился захихивать чужую добычу в свой мешок. Но трофей, обнаруженный под бебенём² после полного и всестороннего надругательства над «произведением искусства», оказался гораздо ценнее – пачка сигарет «Легенда», запыленная неизвестным художником!

Гаратэль училась на класс младше. Он знал: по полудням она совершенно одна на участке. Однажды, якобы случайно проходя мимо, он дрожащим от волнения голосом издали бросил ей приветствие. В ответ девка заржала. И... ему показалось, что поманила его рукой. Да, «топай сюда», махнула она... В другое время он не осмелился бы подойти к ней, тем более, сесть лицом к лицу... Высокие кусты хлопчатника

¹ Нераскрытая коробочка хлопчатника, остающаяся на растении.

² Набитый мешок.

закрывали весь обзор, кроме неба. Только небо и больше ничего. И только они вдвоем! «Присаживайся», – сказала она, хлопнув ладонью по балке, на которой сидела. Он и сам испугался своего голоса; казалось, будто его ртом говорит какой-то совершенно чужой человек. Хорошо хоть Гаратэль была не из робкого десятка. «Ну, ладно», – буркнул он и присел к ней вплотную... В глазах потемнело, не успел он приобнять деваху, как та опрокинулась навзничь. Она торопливо задрала его легкую рубашку и... широко распахнула перед ним двери запретного мира. Всё случилось так быстро и неожиданно, что он не мог постичь суть происходящего, вникнуть в открывшуюся перед ним картину. Он жадно набросился на еще не выдавшие «чепчика для близнецов» грудки Гаратэль, вбирал в рот один сосок и тут же присасывался к другому...

...Да, он уже не ребенок, знает, почему мать сбежала с рыбником, прошла сквозь «широко распахнутые двери запретного мира» и растворилась во тьме. Но... по меньшей мере с ним мать поступила несправедливо.

«На перевале Эрзурума...» – отчего-то эти строки невольно крутятся у него в голове. – «...Снег застиг нас, как назло... / Друг сказал... чего там сказал друг?.. сказал «Пошли обратно»... А я сказал...

Да провалиться б тебе на ровном месте... Верно говорил Гахраман-муаллим. Не стоило выходить одним на дорогу...»

Вагиф больше не смеется – всеми силами пытается скрыть гложущее нутро беспокойства, но от утрешнего налета романтики на лице не осталось ни следа. Столько холмов оставлено позади, и сколько их еще впереди... С вершины каждого холма открываются новые «страницы». Всё вокруг сейчас им чуждо: кривоногий кузнечик, внезапно прянувший из-под ног, ящерка, несколько мгновений смотревшая на них в упор, а затем кинувшаяся прятаться в первой попавшейся ямке, отгоняющий нечисть чертополох, неуживчивое перекасти-поле, безразличная, равнодушная полынь... Всё, абсолютно всё! Сейчас единственное их утешение – солнце, но и оно, как назло, клонится к закату. На горизонте его ожидает гигантский золотистый корабль, с каждой минутой растущий вширь и ввысь...

Ему вспомнился дядя Альгам. Муж Момоджу. Стоял холодный, ветреный зимний день. Вдруг поднялся переполох. Всё смешалось в доме Альгама и за его стенами. Сельские мужчины в черных кепках и черных пиджаках в мгновение ока заполнили соседский двор, точно буря, покрывшая небо мглою. Мужчины, в основном, рыдали и роняли слезы, стоя во дворе. В отличие от них женщины в черных платьях и черных келаягах рвали на себе волосы и просачивались в дом кучево-дождевыми облаками. Именно там, в доме, они и собирались «пролиться»... Чуть спустя раздался душераздирающий, ушераздирающий «шахсей-вахсей». Умер дядя Альгам.

– Охх! – Вагиф расстегнул ворот рубашки. Начал дуть легкий ветерок.

Белый ветер уныния! А это откуда ему вспомнилось? Как ему пришло на ум, что этот легкий ветерок – белый, самый что ни на есть белый? Казалось, всё видимое сквозь прозрачность дующего ветра изменилось в мгновение ока. Раскинувшиеся под бездонным, безграничным синим небом, никогда не паханные, бесполезные, серые холмы и склоны, поросшие чертополохом, перекасти-полем, полынью, теперь раскатисто смеялись над человеком: «Напрасно ты так брезгливо смотришь на нас, смертный и несчастный человек! Мы есть, мы живы! Мы спокойны и вечны!». Будто ты внезапно ловишь мгновенную чуждость в глазах того, кому верил больше, чем себе... и он пытается виновато отвести взгляд, но... Будто весь мир встает против

тебя и говорит низким нечеловеческим голосом: «На меня особо не надейся, я брeнен!». Это чувство ужасно, зловеще; в самый сложный для тебя момент человек, которого ты считал ближе некуда, воротит от тебя лицо. И меняется в лице... бледнеет, как мертвец!

Белый ветер смешал с терпким и горьким ароматом полыни из полей запах праха, запах страха.

Он совсем опешил: дул или нет ветер, когда умер дядя Альгам? Теперь ему кажется, что все дурные вести и смерти приносит Белый ветер...

– Мост! – чуть ли не закричал Вагиф. И тут он точно очнулся от липкого кошмара. Они добрались до моста. Но то, что издали показалось Вагифу мостом, на деле оказалось огромным стендом из камня. Понять, с какой целью он был изначально построен, не представлялось возможным, но на каменном щите всё еще красовалась выведенная крупными буквами фраза – ставшие некогда лозунгом слова бывшего главы страны.

Когда скитальцы ступили на заасфальтированную дорогу, стало как-то вольготнее, и они вздохнули полной грудью. Обернулись назад, чтоб посмотреть на пройденный путь, но в сгустившихся сумерках разглядеть было нечего.

Он попросил у Вагифа сигарету. «Осталась одна спичка», – сказал он и попытался предельно осторожно зажечь сигарету. Пламя метнулось на кончике чирки и тут же отдало ветру душу. Он выбросил сигарету, как уже бесполезную штуку. А Вагиф бросил взгляд на спичечный коробок и сказал странную фразу: «Меня очень волнует судьба ненужных вещей». После этих слов он встал и положил пустой коробок на каменный щит, тот самый стенд, на котором был выведен «мудрый» лозунг бывшего главы страны.

– Машина! – закричал на сей раз он.

Самосвал стоял в трех-четыре метрах поодаль...

Наутро они возвращались обратно. Их отвозил дядя Ибрагим на своем автомобиле. Вечно веселый, балагурящий дядя Ибрагим сейчас выглядел мрачновато: «Сам отвез и положил его в больницу. Врач сказал, ничего страшного, пускай полежит чуток...».

Проезжая мимо моста, он с затаенным интересом обернулся на каменный щит, высматривая глазами пустой спичечный коробок. Коробка там уже не было. Его унес Белый ветер уныния...

ОЛЬГА РОГАЧЕВА (Израиль)

Творческий ген Ольге Рогачевой (Агур) достался по наследству – в их семье он присутствовал в самых разных проявлениях... Дочь известной бакинской актрисы и режиссера Ирины Перловой, она начала писать в Баку, печаталась в различных бакинских изданиях...

В 1990-м поэтесса с семьей переезжает в Израиль. Сегодня живет в Хайфе. Психотерапевт. Автор книги стихов «Легкое небо» (Тель-Авив, 1995) и сборника поэтических переводов «Творенье любви» (Москва, 2005). Публикуется в различных бумажных и сетевых журналах, альманахах и антологиях («Сто двадцать поэтов русскоязычного Израиля», «Век перевода», «Антология израильской поэзии» и т.д.). Пишет на русском и на иврите. В ее стихах, кроме безусловного профессионализма «старой» школы есть главное – та щемящая нота, тот внятный голос сердца, которые и делают стихи – поэзией.

Вполне естественно, что одним из главных лирических героев поэтессы и сегодня остается ее Баку – город, где так вольно дышалось и так ярко любилось...За внешней сдержанностью, отсутствием «мыльных» страстей напоказ читается опыт человека, за плечами которого долгая и трудная дорога, горечь разлук и прощаний, труднообретенная мудрость понимания и прощения. Вместе с тем автор не утратил способности радоваться тем малым каплям «меда», которые дарит нам жизнь, видеть мир в цвете и полноте вечного возрождения.

* * *

**Все в прошлом, как будто я долго живу,
Все в прошлом,
как будто хоть что-нибудь было.
Июль потихоньку сжигает траву,
И время сжигает, и все, что любила, –
Зачем мы друг другу? Зачем вам июль?
Вершинам твоим – моя память земная?
Зачем в моих строчках – всегдашний приют
Тому, чему даже названья не знаю?
Зачем нам волочь за собою мешки
Ненужных надежд, оказавшихся рядом?
Здесь не было жизни, чтоб были стихи.
Но я выбираю. Прощай, моя радость.
Когда бы не то, что назвать не смогла, –
К чему мне писать, растравляя бывшее?
Все в прошлом, как будто я долго жила.
Не верь ничему, что случится со мною.**

* * *

Я говорю вам: вот он, этот дом.
Там желтое и жаркое свеченье
Моей занывшей памяти вечерней.
Там счет минутам, названным вдвоем,
И пустота, и тень строки ничейной.

Всё на виду, всё даже напоказ.
Но оглянуться ты уже не в силах,
И страшно угадать наверняка:
Чуть-чуть плеча касается рука,
Чуть слышен звук не пройденных пока
Шагов последних и невыносимых.

И в каждом зеркале – другое отраженье,
И в первом я осталась жить тогда,
Когда была и вправду молода,
Не знала тайны повторённого рожденья
И словом измеряла города.

Там, во втором, и отраженья толком нет,
А только шепот, а по краю – влажный след
Ладонки дочери, и шепот, и спасенье
В самих себе – там запах комнаты осенней,
Край форточки, язык полночных сигарет
И шепот, и чего там только нет!

А в третьем – женщины усталые глаза...
Мне ль притворяться, что ее не знаю –
Я жить хочу, я так хочу сказать:
Мы любим и любимы – но нельзя.
Болят слова и прячутся в слезах.
Пора бежать из собственного рая.

Когда еще войду я в этот дом?
Там у крыльца всегда каблук сбиваю,
Там рвусь на холод, в пустоту трамвая,
И губы громко стягивает льдом –
Пора бежать из собственного рая.

Но этот дом, где голос твой живет,
Где каждый угол прячет в паутине
Часы, когда мы плакали, шутили,
Где жарко пелось, длился день, как год,
Где от себя опять дано уйти мне
В то, желтое, в то, жаркое свеченье
И в пустоту, и в тень строки ничейной,
Где были мы, где мы друг друга ждем –
Открой мне дверь!
Скажи: где этот дом?..

Песах (Пасха)

На праздник Песах я уже была,
я теплый камень трогала, зажмурясь,
я каплю из бокала отпила –
на дне дрожало ожерелье улиц,
закрученное в нескольких часах
гортанной речи, не привычной горлу.
Сверкают новой жизни голоса,
звонящий жар, в ослепшем солнце город,
и неуютно сердцу моему,
как будто на часок зашла к соседям,
и вот, усталый гость в чужом доме,
пытаюсь поучаствовать в беседе,
как будто можно что-нибудь понять
среди чужих портретов и пеленок!..
Но если это – Родина моя,
то я – ее детдомовский ребенок.
Не по ее, не по моей вине,
ни ей, ни мне от этого не легче.
Крошится хлеб, и вкуса нет в вине,
и время только давит, а не лечит.
– Ты где? – Я здесь.
– Откликнись! – Не могу:
я не ищу ни умысла, ни сходства,
я снова у грядущего в долгу
за равнодушие моего сиротства.

...Но праздник Песах подтвердит исход,
перелистнёт сожженную страницу,
волной меня на берег отнесет,
коль время не захочет расступиться.
А будущее – где?.. Есть только крик,
мгновенной боли сигаретный привкус.
Я буду в ночь глотать по десять книг.
Я научусь. Я постепенно свыкнусь.
И обретет дитя твои черты,
и назову субботу воскресеньем
в звенящем море красной пустоты,
где впереди не видно Моисея.

Посвящение Матери Марии

Е.Ю.Кузьминой-Караваевой

Начинается утро, и книгу я раскрываю,
И скользят лучи по строчкам и по коленкам,
Это жизнь и судьба, это я о себе читаю,
Это я – гимназистка из Киева, Лиза Пил□нко.

Это я петербургским утром, сырым и дымным,
Осторожно коснусь огромной судьбы Поэта.

И прощанием будут встречи со всем любимым,
И никто из сердца не сможет вытравить это.

Будет множество встреч,
будет радость от полной жизни,
Материнства, любви и первого робкого шага
В заповедный предел,
где нет ни трапез, ни тризны,
Только слово и ты – строка, перо и бумага.

Будет плач, отъезды и суতোлка событий.
Будет мир чужей чужого с венцом потери.
Будут все, кто в сердце,
поскольку нельзя забыть их,
Да и никогда не выходит, как мы хотели.

Это я, и нет меж нами знаков различий.
Это жизнь и судьбу на тонкую нитку нижут.
Это я, это я, и страшно мне, что страничек
Остается все меньше, а слово «конец» все ближе.

И под черным платком монахини не увидят
Ни сомнений моих, ни страха, ни черной боли,
Лишь немногие не уйдут, не возненавидят,
Лишь немногие остаются. Чего же боле?..

Это я из печей Равенсбрюка сизым клубочком
Уплываю среди весны сорок пятого года
К небесам, наверх, куда улетают строчки,
И года и страны объемлет наша свобода.

Это я, это мне предстоит пережить все это,
Это я, гимназистка из Киева,

Лиза Пиленко!..

А пока на первой странице –

ветер и лето,

И скользят лучи

по строчкам и по коленкам...

Стихи о комендантском часе (Баку, декабрь 88-го)

*«Да минует нас чаша
Комендантского часа...»*

Я иду своей дорогой – значит, я иду к метро,
Две авоськи, пять коробок,
на лице – «меня не тронь».
Неизбежность измерений не могу себе простить,
Спит пространство,
Стынет время,
Стрелки скачут к десяти.

В этом городе иначе невозможно жить и ждать,
 Как ребенок после плача,
 он устал и хочет спать,
 Кто с зимой его помирит,
 кто пройдет по мостовой?
 И меня уже не минет осторожный часовой.
 Что же делать без тебя мне,
 как увидеть поскорей,
 Натыкаясь вновь на камни
 горькой юности моей,
 Снова каждое словечко
 проросло бы сном тех лет...
 Я рисую человечка на автобусном стекле.
 Это будет наш сыночек: от дыхания, сродни
 Ритму тех отдельных строчек,
 что растут из болтовни.
 Здравствуй, здравствуй, дом прозрачный,
 псевдооколоуют,
 Пустяковый быт невзрачный,
 позабывший жизнь мою!..
 Засыпает поколенья, мимоходом выбрав стиль.
 Спит пространство,
 Стынет время,
 Стрелки скачут к десяти,
 Слышен только треск устоев,
 Виден только взгляд в упор,
 И спешить уже не стоит –
 в десять грянет Командор.

Последнее лето

Е. Журавлёву

И вот – наступает последнее лето,
 И ворох бумаг за кулисами рая.
 О, как мы трясемся под треск турникетов,
 И мерзнем в посольствах, и сдачу теряем.
 Подхваченный пылью, летит на Восток
 Казенной свободы зеленый листок.

По всем поездам, самолетам, каютам,
 С бесценным листочком казенной свободы,
 И дети Арбата, и дети галута¹,
 Сквозь близких, сквозь память,
 сквозь горечь и годы
 Проходим, проходим. Немеет. Стоим.
 За нами – навеки утраченный Рим.
 И вправду – раскинулось море широко:
 Огни и огни, паутиночки пряжи,
 Заборы и окна, февральский и мокрый
 Слепой тротуар, птичье небо пассажира

¹ Еврейская диаспора, изгнание, рассеяние по миру.

И серые губы над серым пальто:
Твое отражение на бланке лото.
Играйте, играйте и делайте ставки!
В бумаге несут пахлаву и опилки.
За нами уже начинается давка.
И шмон в чемоданах, и в каждом – бутылки:
В обмен на свободу, на двери в купе,
На то, что не будут стрелять по толпе.

На горькую радость последней заботы.
На право ухода последним из связки.
На шорох брандспойта. На гул вертолета.
На ропот и рокот. На красную краску.
На норд и моряну. На воздух со льдом:
Вдохнешь и не выдохнешь. Так и пойдём:

Всё дальше и глубже. Всё дальше и четче.
По красной земле. По зеленой равнине.
По желтой пустыне. По синему небу.
Храни нас, Господь, ибо некому больше:
От боли бесцветной. От мела и йода.
От хлеба чужого. От крови венозной.

Рош-а-Шана (Новый Год)

В жаре – отыскивать точку поверх голов,
уставясь в нее, спросить про свою отгадку.
Но ракурс, дай ему власть, сместиться готов,
дрожат слова, и день плывет по порядку:
нахальные лапы гуляющих воробьев,
и небо: прежде – скорлупка, сегодня – всмятку.

Теперь так будет: дешевая эта синь,
текущая мне в ладони, глаза и уши,
и щелочь по пятницам, и мокрая муть простынь,
и полная беззащитность в сломанном душе,
и ныне, и присно, во веки веков, аминь,
пока не окажешься этой судьбы снаружи.

И тут припомнится все, что не сберегла:
и шепот волос, и вкус сигарет, и дождик,
и улицы, избегающие угла,
и черные ягоды под ногами прохожих,
и на асфальте – смола, и по крышам – смола,
и в горле – смола. И в детских складочках кожных.

Не верь, что мир неровен, а глаз – дурной:
сладка земля, на яблоке – капли меда.
И дети, возникшие из воздуха за спиной,
сменили кровь за три с половиной года.
И остается то, что зовется мной:
три строчки, твой взгляд, неправедная свобода.

Суббота

...Субботнее слово поют,
Истрепанный светится талес,¹
Тревожусь за душу свою,
Мы с нею надолго расстались.
Неужто уйдет просто так,
Забудет заветное имя,
Немую – сожрет пустота
И вырастут дети чужими?
И мне отвечала душа:
Как будто бакинское лето –
Мне душно, мне нечем дышать,
И кто мне ответит за это?..
Прощай, не зови за собой,
Ты больше меня не услышишь,
Своею заплатишь судьбой
За домик под красною крышей.
За красные щеки детей,
За красную землю чужую,
За право на список потерь,
За память, которой живу я...
Нам больно становится жить:
То голос души отлетает.
Так тонко натянута нить,
Так больно, так медленно тает.
Рукой дотянуться б до тех,
Кто любит... Живу понемногу,
И в спящие лица детей
Гляжу, как глядят на дорогу...

Аэропорт

Хоть жаркий день, но платье с рукавами,
И до конца заполнена страница.
Я понимаю: разговора с вами,
Такого, как он был – не повторится.
И множество вещей, и безнадежность –
Мы говорим, а время истекает,
И розы мне впиваются под кожу
И тем от большей боли отвлекают...
И, торопясь закончить без помарок
Рассказ о наилучшей в мире боли,
Пытаюсь ваш не выронить подарок –
Горчайшую крапинку на ладони.
И дальше жить велит такая малость –
Один лишь взгляд, один лишь отзвук робкий
В пустом дворе, где девочка-усталость
Белье развешивает на веревке.

¹ Молитвенное облачение, представляющее собой особым образом изготовленное прямоугольное покрывало.

ИННА АМНУЭЛЬ (Израиль)

Уроженка Баку, после окончания школы репатриировалась с родителями в Израиль. Училась на факультете лингвистики Иерусалимского университета, но выбрала другую специальность: с 1994-го года работает в больничной кассе «Меухедет», возглавляет отделение в Бейт-Шемеше. Писать начала уже в первые годы жизни в Израиле, публиковала очерки в израильских журналах и газетах. В 2009-м выпустила книгу воспоминаний о своем бакинском детстве и юности, посвященную родному городу «Я уже по тебе скучаю». Увлекается фотографией и путешествиями.

Я уже по тебе скучаю...

С детства я любила что-то писать, набрасывать, выписывать, записывать. Это могли быть сказки, сценарии к школьным КВНам, стихи, зарисовки о жизни и о детях. Иногда, даже ночью, спросонок, я вскакивала, чтобы впотьмах «начирикать» на клочке бумаги, которая была под рукой, то, что услышала во сне. А утром с трудом разбирала эти каракули.

Я писала всегда. Я ничего не сочиняла, я любила и люблю описывать то, что происходит со мной и вокруг меня. Потому что всегда есть что-то, что дает нам для этого пищу. И если не лениться, то можно выпускать романы один за другим, описывая то, что с нами происходит. Раньше я ходила с блокнотом и ручкой в сумке. Сейчас стало не до этого, приходится откладывать все в памяти, а она, старушка, что-то стала в последнее время подводить.

Когда-то, давным-давно, когда я еще имела счастье учиться в Иерусалимском университете (счастье, потому что потом я имела глупость его бросить), я решила выйти замуж в первый раз. И редактор журнала «Сабра», в котором я тогда регулярно печаталась, Алла Никитина, буквально умоляла меня: «Выходи замуж. Делай, что хочешь. Только, пожалуйста, не переставай писать».

А я ее не послушалась.

Прощание

*Я люблю возвращаться в мой город
нежданно, под вечер...*

А.Розенбаум

Девичья башня, стены Старого города, дворец Ширваншахов... Вечный огонь на площади 26-ти Бакинских комиссаров... Набережная Приморского бульвара, где

когда-то собиралась городская молодежь... Дом правительства, филармония. Фуникулер, лениво ползущий вверх, в парк имени Кирова. Дом книги, бесчисленные книжные магазины. Старые лабиринтообразные улочки... И дома, где выросли наши мамы, где им знаком и дорог каждый камень. Новые безликие проспекты. Все это – Баку. Все «это» началось, когда ее родной город со снисходительностью бывшего «нашего» человека назвали «каменным веком». Ее Баку?!.. В котором родилась, впервые увидела себя в зеркале и в нем узнала себя.

Да, все началось именно тогда. Кто-то приехал из Израиля в гости. В город, из которого в свое время поспешно уехал. Приехал и не узнал его. Не поверил, что мог когда-то здесь жить.

Она вспоминает... Как хорошо, что память не покидает нас, и мы, путешествуя из времени во время, из мира в мир, способны пронести ее с собой. Можем испытывать память на прочность: когда придет время вспомнить то, что промелькнуло, не оставив даже короткой записки на обеденном столе...

Запах раннего утра. Она гладит пионерский галстук. Стягивает неподъемный ранец и неспеша идет навстречу подруге...

Поезд резко дергается, как человек, когда он отмахивается от навязчивых мыслей. Поезду надоели столпившиеся на перроне люди, он застоялся, ему пора в путь. Люди прощаются, судорожно обнимая друг друга, цепляясь последней надеждой за пиджаки. Кто-то зашелся в плаче. Волосы запутываются в пуговицах — не хотят отпустить, их расцепляют дрожащими руками, и ты снова увлекаешь за собой того, кого, возможно, не суждено увидеть никогда.

«Вагончик тронется, перрон останется...» Предел терпения есть и у поезда. Он вздрагивает, и вот он уже пошел, пошел. Побежал...

Лица. Мелькают за окном лица. Кто-то пытается бежать вслед, но разве поезд позволит кому-то идти с собой в ногу?.. И вот пошли поля, поля, замелькало, небо сошлось с землей. Слезы застилают глаза, не воспринимаешь мир, тебе кажется, что все кончено, ты не хочешь иной жизни, потому что слишком любил прежнюю.

Поезд мчится, ни о чем не задумываясь, и вовсе не потому, что он так равнодушен к людям, просто у каждого свое дело: у людей – предаваться горю или радости, у поезда – перевозить своих пассажиров и не давать волю чувствам, эдак и разжалобиться недолго. Из открытого окна в купе врывается порыв ветра, он треплет волосы, переворачивает банку с цветами. Она вспоминает...

Прошное навещает нас в виде кадров старого, но не забываемого, немного, но любимого кино. Она влюблена. Милый мальчик, красивый и нежный, украдкой поглядывает на нее. Был и другой мальчик, некрасивый, в очках, который любил ее, но как это случается, любим не был. Он (а не тот, другой, кого она так ждала) приезжал за ней на велосипеде, приглашая погулять на бульваре. Он приходил узнать, как ее дела, когда они уже не учились вместе. Он звонил ей и приглашал на свидания, от которых она всегда отказывалась, надеясь, что вот-вот придет другой.

Страшно покидать свой Дом. Его стены восприимчивы к нашему настроению, разве не к ним мы прислоняемся лбом, когда стонем от обиды и тоски? Разве не стены Дома – вечные свидетели нашей радости и грусти? А когда нам не с кем посоветоваться, они – наши безмолвные слушатели.

Дом... Он не раз дарил ей покой, и она в почти звенящей тишине вечера включала Баха, которого любила слушать в сумерки, наблюдая, как в соседних домах

зажигаются огни, как приходят туда усталые люди и как по-разному встречает их Дом. Дом успокаивал ее, когда она в слезах сидела одна у телефона и ждала звонка от того, кто звонил лишь в детстве.

Дом любил всех, кого любила она. Они всегда были союзниками. Во все страшные дни. Дом впитывал в себя всю ее жизнь: через пожелтевшие фотографии на стене, одинокие вбитые гвозди, на которых ежегодно менялись перекидные календари. Через висевший на стене телефон, часто заменявший отсутствующих друзей. Через колыхавшиеся на ветру старые занавеси... Через ночники, при тусклом свете которых она читала книгу, одолженную ей на одну ночь. Через бабушкины песни и сказки. Дом любил ее, она была его неугомонным ребенком, поэтому отъезд из Дома – двойная потеря.

...Поезд мчится, но в нем все же есть капелька благожелательности к роду людскому, и он останавливается, предоставив пассажирам возможность выйти на перрон, купить свежих яблок и семечек. Через несколько дней поезд прибудет на место назначения, тогда ему можно будет подумать и о себе...

Мальчик с голубыми глазами приглашал ее в кино. У него это хорошо получалось: уверенно-застенчиво. А наша девочка, которую впервые приглашали на свидание, что-то мямлила и не знала, как надо ответить, чтобы не было заметно, что у нее сильно закружилась голова и почему-то охрип голос.

С серьезным видом она осведомилась: «А какой будет фильм?»

«Не знаю», – спокойно глядя ей в глаза, ответил он. «Хорошо, – быстро сказала она, чтобы он не разозлился на ее «бестактный» вопрос. И совсем уж ни к чему добавила: – Пойду, если мама разрешит».

Завтра... Завтра они и узнали, как называется фильм. Но сеанс в кинотеатре в тот день отменили...

Дом книги... Святая святых, храм, куда неизменно вели все пути-дороги. Она не успокаивалась, пока не обходила с подружкой все книжные лавки города. Любимые трамвайчики в наступающих сумерках. Вагончики неторопливо бредут по рельсам, видимо, предчувствуют близкую разлуку. Так, всматриваясь в темноту, пришло время вспомнить то, что она, собственно, никогда и не забывала. Она вспоминает, как на глазах умирал Дом. Когда постепенно из всех комнат исчезало все, что было накоплено годами, вещи, с каждой из которых были связаны дорогие воспоминания.

Людей, приходивших в ее Дом в последние дни, можно было разделить на две категории: друзья, которым не важны были шмотки, остающиеся после нее, и – покупатели, которым, конечно же, было жаль, что она уезжает, но еще более жалко, если из их рук уплывет вот тот милый сервизик, который потом можно будет сбить подороже. Очень хочется поговорить, но еще больше хочется все потрогать, помять, попрыгать на диване, испытывая его на прочность. Хочется ВСЁ забрать с собой, не гнушаясь даже входной дверью...

Она сидела в первом ряду за второй партой, наконец-то отвоевав место рядом со своей любимой подружкой. Он – почти в конце второго ряда. Сотни раз за время урока она поворачивала голову, будто просто так, из любопытства, оглядывая класс, «невольно» бросая на него взгляд. И замечала, что на нее неотрывно смотрят голубые, как море, голубые глаза.

Тем временем подружка брала на измор нервного педагога физики, неторопливо набрасывая его портрет, то сосредоточенно поглядывая на него, то склоняясь над

блокнотом. Он вскакивал со стула, тщетно пытаясь приглядеться к тому, что она вытворяет над клочком бумаги. Она же игриво дрыгала ножкой, а он увлекался и теперь уже не спускал глаз с носка туфельки... В классе слышались смешки.

Они убегали с уроков всем классом и, разбившись на группки, ехали в город, на Приморский бульвар. Уходили туда, где пахло морем, бились о берег волны и кричали чайки. Они брали билеты на катер и им казалось: корабль сейчас уплывет в открытое море, где его настигнет пиратское судно с черным флагом. И Он вырвет Ее из рук бандитов. Догадывался ли тогда мальчик, о чем она думала?.. Она не знала, только все время ловила на себе его взгляд. И изредка – улыбку, когда волны бились о борт и брызги летели ей в лицо.

Постепенно темнело. А они все бродили по городу. Покупали мороженое, рассматривали прохожих и самих себя в витринах магазинов. Было так хорошо, что совсем не хотелось возвращаться.

Уезжали друзья. Девочка с удивлением наблюдала за их торопливыми сборами и была глубоко уверена, что если и ей придется покидать Дом, она не будет в спешке, крадучись, словно вор, убегать из него. Она медленно пройдет по родному городу, облезит все уголки парков, садов, бульваров, где любила бывать с детства, и все это время проведет с друзьями.

Но и она, к сожалению, не оказалась счастливым исключением, и у нее происходило все точно то же, что и у друзей, уезжавших раньше. Она была настолько замотана, что бегала по городу только из-за необходимости наладить какие-то дела, с друзьями виделась еще реже, чем прежде. Кроме того, ее мучило странное чувство вины перед ними: она не могла дать им того, что должна была бы. Так напоследок по городу она и не погуляла...

17 лет спустя, или праздник, который всегда с тобой

*В этом городе ярких огней,
В этом городе добрых друзей
Я учился жить и любить.
Как же мой Баку не любить?..*

...Я еще никогда так не собиралась в дорогу. Сделала что-то, села, встала, а в голове все время вертелись ночная рубашка и тапочки – брать, не брать?.. А Люда по телефону все время твердила: «Зубную щетку не бери, я тебе купила».

Волнение, удивление, особенно когда в аэропорту я увидела на табло надпись «Баку» – тогда я поняла, что это правда: я лечу.

Потом я обманывала себя, что сильно занята дьюти-фри, что я просто так зашла сюда, как бы походить по магазинам, а заветный выход на посадку В-5 («Ворота в рай») не выходил из головы. Туда я прибежала первой со слезами на глазах. И вот талончик пробили, я зашла в туннель-гармошку, стюардесса заговорила по-азербайджански, и я заплакала.

Самолет гудел: «Ну, да, садись, да...» Рядом сидела женщина, она звонила домой и говорила: «Приеду в Баку – позвоню». Приеду, и куда – в Баку!.. Точно как в моем сне. Я еду в сон. Ущипните меня!..

Глаза все время на мокром месте. И вспоминается, как семнадцать лет назад я

уезжала из Баку. Тогда я была уверена, что и перрон, и провожавших я вижу в последний раз.

В самолете было смешно. Иврит, азербайджанский, русский с типичным только для Баку акцентом. Вдруг на душе стало так покойно, особенно после «Хош гялминиз!»

Следует заметить, что одна я путешествовала впервые. Поэтому я чувствовала себя, как школьница на каникулах, глазела на все, будто и не мать троих детей... А может, в глубине души мы и не взрослеем вовсе.

Да, когда семнадцать лет назад мы уезжали из Баку, я была глубоко уверена, что промелькнувший передо мной перрон вижу в последний раз. Почему-то я была уверена, что никогда не вернусь сюда. Не смогу. Не посмею. А может, просто не захочу. Вот интуиция меня и подвела. За этот последний год я так виртуально насытилась Баку, что кроме как увидеть его больше ни о чем не мечтала. Вот сейчас увижу своих «девочек» – и семнадцати лет как не бывало...

Каждый уважающий себя человек должен делать себе подарки. Хоть раз в жизни. И только себе. Подарки – не духи и не помаду. Подарки в виде исполнения мечты. Конечно, замечательно полететь в Париж или Лондон, пойти в музей мадам Тюссо, побродить по Пикадилли... Но, Боже мой, какое же это счастье – ходить по родным улицам!..

...Конечно, я была готова к тому, что город окажется другим, но ведь и мне не семнадцать. Но я знаю, я уверена в том, что мы признаем друг друга.

Всё. Летим. Обратного пути нет. Только вперед – в Баку...

* * *

...Когда я вылетала из Тель-Авива, служащий в аэропорту спросил меня: «Где вы живете?» Я, не задумываясь, ответила: «В Баку!» И мы с ним вместе рассмеялись...

«Праздник, который всегда с тобой...» Так бы я назвала эту неделю. Одну из самых бурных и счастливых в моей жизни...

Мое путешествие в прошлое началось с Торговой. Скажу честно – если бы меня перенесли на какую-то другую улицу, вот так, на следующий день после приезда, вряд ли я стала бы все узнавать. Узнавание происходило бы постепенно. Но есть такие места, которые я бы узнала даже на ощупь, по запаху, с закрытыми глазами. Бывшая Коммунистическая, кинотеатр «Азербайджан», «Молоканка», базар напротив ЦУМа, Крепость, и, конечно – бульвар...

Меня тактично предупреджали, что город изменился. Но, если честно, мне было абсолютно все равно. Я ехала наслаждаться. Сначала я просто смотрела, наблюдала, потом замечала перемены. От всего получала удовольствие – и только потом начинала задумываться: нравится ли мне увиденное. Было бы странно или даже глупо ожидать, что ты найдешь свой город таким, каким оставил. Но он все равно был тот же. Ощущение, что ты переместился во времени. Особенно это чувствовалось в микрорайоне. Там у меня были сплошные эмоции. «Ой, это же горка!.. И даже бабушка на том же месте продает семечки!.. Здесь была хлебная, а здесь цветочная... А этот дом явно недавно покрасили...»

...Я уезжала из родного города во второй раз. И, наверное, плакала не меньше, чем в первый. Но... Тогда у меня было чувство потери и горького одиночества, а сейчас было ощущение, что я разбогатела. Ведь богаты мы своими друзьями.

ЕФИМ АБРАМОВ (Израиль)

Ефим АБРАМОВ после окончания режиссерского факультета ВГИКа работал на киностудии «Азербайджанфильм». Снял три художественных фильма в качестве режиссера-постановщика, а именно «Старики, старики» (вместе с Эльханом Касумовым), «Заводила» (автор сценария и режиссер-постановщик) и «Анекдот» (сопостановщик Низами Мусаев, в главных ролях – Расим Балаев и Яшар Нуриев). Автор более десятка киносценариев. В последние годы написал несколько пьес (в соавторстве с Лейлой Бегим), в настоящее время одна из пьес принята к постановке Бакинским ТЮЗом (режиссер – Народный артист Республики, Вагиф Асадов).

Вот как сам он вспоминает свое бакинское детство: «Я – бакинец и горжусь этим. Мой город, неповторимый и единственный, самый родной и близкий сердцу!.. Родился я и вырос на улице имени первого Народного артиста СССР М.А.Алиева, никогда не забыть мне наш старый, типично бакинский дворик, наших прекрасных соседей... Случилось так, что именно когда я в очередной раз приехал по делам в родной город, часть улицы, где был расположен двор моего детства, сносили. Грустное зрелище... Но, конечно, не разрушив старое, не построить нового – сейчас на этом месте просторный «зимний парк», который раскинулся от «Беш Мертебе» («Пятиэтажки») до Консерватории...»

РАССКАЗЫ

День поминовения

Любовь отзывчива, и ее вирус изначально заряжен положительными атомами, поэтому даже первый эмоциональный всплеск может быть подобен высокой волне... Это чувство сохранилось во мне в непоколебимой уверенности благодаря той любви, которую я видел в глазах своей бабушки. Она любила меня так, как может любить только бабушка своего единственного внука. И моя любовь к ней, тогда неосознанная, необъяснимая и непонятная, была взаимной. Взаимной потому, что я видел в ее глазах безграничную любовь ко мне, ее внуку.

Моя бабушка, горская еврейка в десятом или двадцатом поколении, была отдана в замужество в тринадцатилетнем возрасте. В четырнадцать она стала матерью, подарив миру сына, которого назвали Рувим. Он был ее первенцем. Затем она родила Манашира, потом мою тетю Мозолут и наконец моего отца, которого назвали Адынья. Так сложилась жизнь, что именно Рувим стал навсегда болью ее души и сердца, ее невыплаканным страданием...

Весной 1941-го он был лейтенантом НКВД. Красивый молодой человек, он в июле того же года ушел на фронт добровольцем. В ноябре бабушку известили о том, что лейтенант Абрамов Рувим Мухоилович пропал без вести. В ту ночь бабушка не сомкнула глаз, а утром соседка по двору заметила, что 33-летняя Овгоил сидит за низким столиком, обхватив голову руками. Теперь уже седую голову. Ее темные, густые, вьющиеся волосы стали белыми за одну осеннюю ночь...

...Такой я ее и помню – седовласую, красивую, с тонкими чертами лица. И

очень выразительными глазами. Глазами, в которых была любовь.

Она считала, что я, единственный ее внук, похож на Рувима. Значение слов я понимал, но не осознавал глубины и смысла. Для нее же моя схожесть с родным дядей была той нитью, которая связывала ее жизнь с прошлым и настоящим. Это была нить протяженностью в несколько десятков лет. А для меня, совсем еще мальчишки, тогда не было прошлого. Для меня была она, была моя мама, отец, дед, который не расставался с книжечкой Торы и каждое утро ходил на соседнюю улицу, улицу Димитрова, где стояла синагога горских евреев, был наш двор с виноградниками, были соседи: азербайджанцы, армяне, русские... И были мои друзья...

До сих пор храню одну-единственную фотографию, на которой мой дядя Рувим в военной форме стоит рядом с девушкой. Фотография пожелтевшая, изрядно обсыпавшаяся, с короткой надписью: «Май 1941 года». Позднее я часто смотрел на эту фотографию, всматривался в черты лица дяди и, признаюсь, никакой схожести с собой не находил.

Но любовь, я уверен, сильнее наших представлений...

Я редко надевал кипу. Первый раз надел ее в день своего тринадцатилетия. Второй раз – когда не стало бабушки. Мне было девятнадцать. Девятнадцать было и Рувиму. Его портрет, грубовато дорисованный фотохудожником, висел на сырой стене нашей крохотной комнаты. Каждый год в один из дней ноября бабушка снимала со стены портрет, проводила по лицу своего первенца белоснежным платком и что-то очень тихо произносила. Я почти никогда не мог расслышать слов, но понимал, что сегодня день поминовения ее сына, моего дяди, пропавшего на фронте без вести...

Для бабушки утро начиналось раньше. Она набирала в плоский таз песку, ставила его на пол, устанавливала там свечу, зажигала ее и садилась рядом с портретом сына.

Она произносила его имя!.. Она обращалась – к нему!..

С пронзительной ноткой печали и горести она спрашивала, где же покоится его тело – такое прекрасное тело и такое неповторимое... Тело ее старшего сына, родного и любимого, и почему же он оставил ее, одинокую и несчастную, горевать в этом старом дворике, и почему же он никак не позовет ее в ту даль, не заберет ее к себе и не успокоит наконец ее душу...

Она плакала, и слезы медленно катились по ее щекам. Плакала и мама, старшая сестра едва сдерживала рыдания, дед, зажав в руке Тору, медленно покидал двор, а отец сидел на покосившемся стуле и, опустив голову, тихо всхлипывал...

Во двор одна за другой входили женщины. Они несли с собой портреты своих близких, которых забрала война, садились рядом с бабушкой, ставили в таз с песком принесенные свечи и, подхватив плач бабушки, вспоминали своих родных и близких. К ним присоединялись наши соседки, и их голоса слышны были далеко за пределами нашего двора...

Голоса плачущих женщин и десятки зажженных свеч – моя память хранит это и сегодня...

Так было каждый год, и никто тогда не мог мне объяснить: обычай это среди горских евреев или нет. Только позднее, уже здесь, в Израиле, когда я поехал в Ор-Акиву, чтобы встретиться с сестрами моей мамы, одна из них, Турюндж, веселая и боевая, легкая на подъем и острая на язык, обняла меня, расцеловала и громко, нараспев, произнесла имя моей мамы. Сын Аснат приехал, – сказала она, точнее, почти пропела, и глаза ее наполнились слезами. Во дворе, за большим накрытым столом си-

дели женщины. Одна из них, видимо, профессиональная плакальщица, сразу подхватила слова моей тети, и я невольно вспомнил один из ноябрьских дней моей юности...

...Бабушки не стало летом, в июле. Она задышалась в сырых комнатах, поэтому в нашу бакинскую жару спала во дворе, на раскладушке, лежала на высоких подушках, защищенная густой листвой виноградника. Ее душила астма, а душевная боль не давала покоя. В этот день я вернулся поздно – за полночь. Над нашим крыльцом горела лампочка, и во дворе было тихо. Я подошел к раскладушке, сел рядом, взял ее руку в свою. Она улыбнулась, погладила меня по щеке и сказала, что устала и что ей пора уходить. Я хотел что-то сказать, возразить, но она жестом остановила меня. Сказала, чтобы я помогал сестре, чтобы учился, чтобы оправдал надежды, не давал в обиду мать и был внимателен к отцу... И еще, – сказала она и вздохнула: – Найди, пожалуйста, могилу дяди, могилу Рувима. Ведь не бывает так, – сказала она, – чтобы человек действительно пропал без вести. Война войной, а у человека должна быть могила. Найди и положи от меня камешек. Вот этот. Она вложила в мою ладонь маленький камешек и посмотрела мне в глаза. У нас, у евреев, – добавила она, – такой обычай...

Она покинула этот мир так, как покидают праведники – во сне.

Не помню когда, но гораздо позднее во мне утвердилась мысль, что есть все же над нами некое Высшее Существо, которое мы называем Богом или Всевышним. И Он, этот Бог, един и для иудеев, и для мусульман, и для буддистов, и даже для таких, как я – атеистов. Поэтому я и хранил камешек и старый тфилин¹, потому что верил и надеялся...¹

Поиски могилы дяди Рувима я смог начать только через семь лет после смерти бабушки, когда стал студентом одного из московских вузов. Но это уже другая история...

Памяти дяди

Мой старый бакинский двор... Точнее, наш. Его уже нет, и он принадлежит памяти – моей, моей сестры, всех тех, кто жив и тех, кого уже нет с нами. Он был удивительным, наш бакинский двор! Добрым, приветливым, тенистым и прохладным и, конечно же, гостеприимным...

Пожалуй, как и все старые бакинские дворы. Да и соседи сохранились в памяти своим неповторимым теплом и тем человеческим светлым и радушным отношением, которого не встретишь, как мне кажется, ни в каком другом городе.

Дядя Агаси Гейбатов был очень уважаемым человеком в нашем дворе. И не только во дворе. Немногословный, спокойный, неторопливый, он с удовольствием возвращался в свой дом, с улыбкой на лице здоровался с соседями и очень любил поговорить со мной и со своим сыном, самым близким другом моего детства. Фронтовик, служивший в разведроту с сентября 1941 года, он был трижды ранен, а после контузии зимой 45-го комиссован. Он никогда не рассказывал нам о войне. Никогда. И не очень любил смотреть фильмы, посвященные Великой Отечественной. В такие минуты, когда многие сидели у стареньких телевизоров, он садился рядом с моим отцом, закуривал и просил его рассказать какой-нибудь анекдот. Мой отец умел рассказывать анекдоты...

¹ Элемент молитвенного ритуала у иудеев, представляющий собой две маленькие коробочки из выкрашенной черной краской кожи с написанными на пергаменте отрывками из Торы

Когда не стало бабушки, дядя Агаси, друг ее старшего сына Рувима, вместе с которым он ушел на фронт, долго стоял над ее могилой. Стоял даже после того, как все разошлись, хотя у евреев так не полагается. Он стоял, склонив голову, и мы вместе с его сыном, находясь на некотором расстоянии от него, видели на его лице слезы. Плачущим дядю Агаси Гейбатова я больше никогда не видел. Только спустя много лет я услышал от этого замечательного человека слова, которые мне запомнились навсегда, на всю мою оставшуюся жизнь.

В августе 1974-го меня провожали в Москву на учебу. Провожали не только родные, провожали все соседи, всем двором. Дядя Агаси подошел ко мне и тихо прознес:

– Я знаю, что ты будешь искать могилу Рувима. Хочу, чтобы ты знал. Я тоже искал. Пытался хоть что-то узнать. Писал во все архивы и всегда получал один и тот же ответ – пропал без вести. Но ты никому не верь и никого не слушай. Познакомься с фронтовиками и поговори с ними. Хоть кто-то из них может что-то знать...

Что-то дрогнуло в его лице, и он тихо добавил:

– Никогда не прощу себе, что жив...

...9 мая 1975 года, в день 30-тилетия победы, я стоял у фонтана напротив Большого театра. На груди у меня висело большое, написанное вместе с однокурсниками объявление, которое гласило, что я ишу своего дядю, Абрамова Рувима, 1921 года рождения, ушедшего на фронт в звании младшего лейтенанта в сентябре 1941-го года и пропавшего без вести. Далее был указан номер полка. В правой руке я держал чудом сохранившуюся фотографию, на которой мой девятнадцатилетний дядя стоял рядом с девушкой.

Со мной были двое моих однокурсников – Матти Гешоннек, немец из Восточного Берлина, сын выдающегося немецкого актера Эрвина Гешоннека, и Юра Лифанов, детдомовец из Новокузнецка. В общежитии мы жили в одной комнате. Они оба стали мне дорогими и близкими людьми, оба в моем сердце и в памяти, и оба достойны отдельного повествования...

Хочу обратиться к читателю. Поверьте!.. Я в течение полутора часов пытался написать о том, что происходило на этой площади, какая там царила атмосфера единения и братства!.. Я пытался написать, как подходили ко мне люди, и фронтовики, и просто празднично одетые москвичи, что говорили мне, какие произносили слова, как успокаивали и обнадеживали, как угощали и рассказывали о себе, о своих боевых товарищах, плакали вместе со мной и смеялись, и ни на минуту не оставляли меня одного...

Я пытался, поверьте!.. Но не получилось. Не смог преодолеть этот душевный ком любви и искренности воспоминаний. Может быть, я стал слишком сентиментальным. Да, наверное...

Несколько лет назад я был в Москве, побывал во многих городах. Не скрою, люблю Россию!.. И как же было обидно и больно видеть практически повсеместное равнодушие чиновников к оставшимся в живых фронтовикам...

Не хочу сейчас об этом. Вернемся в семидесятые. Три года в день Великого Праздника я встречался с фронтовиками, но никто ничего не знал. И только 9-го мая 1978 года совершенно неожиданно ко мне подошел человек в гражданской одежде с планками орденов и медалей на груди и сказал буквально несколько слов:

– Это было под Можайском... Полк, где служил твой дядя, был соседним. Мы попали в окружение. Около 700 тысяч солдат и офицеров. Моему полку удалось выйти,

удалось выжить. Только потом я узнал, что осталось в живых 68 тысяч. Остальные – там. У Дорохово, Тучково, Кубинки и Голицыно... Там нет фамилий, парень, там братские могилы, старые и заброшенные...

...Я поехал в Дорохово, нашел братскую могилу с обелиском и потускневшей звездой. У основания скромная надпись гласила: «Павшим защитникам Родины». И – всё! И всё...

Я понимал, что нет смысла ехать в Тучково или Голицыно, потому что там такие же старые обелиски с отбитыми краями и потускневшими звездами.

Я достал из наплечной сумки камешек и положил у основания обелиска. Собрал немного земли, положил в матерчатый мешочек, где и сегодня храню тфилины, и зашагал к автобусной остановке.

Я возвращался в Москву, возвращался в тогда еще столицу своей родины...

И отныне я знал, что где-то здесь, на этой земле, раскинувшейся от Можайска до Москвы, защищая свой дом, отдал свою жизнь, как и многие тысячи его ровесников, мой дядя, молодой бакинец Рувим Абрамов...

Еврейское кладбище в Баку

Есть места, где тишина и тихое, немногословное общение предполагается изначально – это кладбище, которое люди посещают редко (или не так часто, как хотелось бы). Люди идут к могилам родных и близких по определенным календарным дням и по дням, памятным лично им. Памятным для души, для сердца и еще для чего-то очень важного, глубоко личного, того, что человек никогда и никому не говорил и что пытается сказать тому, кого уже нет рядом, сказать слова, которые не успел сказать, не успел произнести, легкомысленно оставив на завтра или на лучшие времена...

Как часто и запоздало мы осознаем это и, оставшись наедине с собой, пытаемся справиться с тоскливо-щемящим чувством вины, едва сдерживая слезы, шепчем невнятные слова молитвы, которых не знаем и к которым порой высокомерно не прислушиваемся...

Вместе с семьей – женой и двумя детьми, я уехал из родного Баку в июле 1990 года. Мать осталась с сестрой и ее многочисленными домочадцами, которые искренне любили ее, ухаживали за ней и никогда не оставляли одну. Мама болела – изношенное сердце часто напоминало о себе острой болью и учащенным дыханием. Я приехал прощаться. Она приподнялась на кровати, и я присел рядом. Она смотрела на меня чуть подслеповатыми, удивительно красивыми зеленовато-карими глазами и улыбалась. Мамина улыбка всегда казалась мне загадочной и чуть ироничной, а взгляд – печальным и таинственно бездонным, какой бывает пропасть, куда страшно и тревожно заглядывать...

...Мама не стало в первых числах февраля. Ее похоронили на старом еврейском кладбище в Баку у Волчьих ворот. В мою съемную квартиру, которая находилась в Яффе, приехали родственники со стороны отца и родные сестры мамы, жившие в Израиле с 1978 года. Каждый день я ходил в синагогу, несколько раз читал кадиш¹, затем возвращался, слушал разговоры родственников, вечерами выходил выгуливать своего чудесного бассет-хаунда в парк через дорогу, садился на скамейку и курил. Я был растерян и подавлен неожиданно возникшей во мне пустотой, чувством одино-

¹ Еврейская молитва, прославляющая святость имени Бога.

чества и незащищенности. Я курил одну сигарету за другой, пытаюсь найти в себе хоть какую-то опору, некую мысль, которая дала бы надежду, и совершенно не понимал странного чувства беспокойства, которое не оставляло меня более месяца. Понимание этого пришло неожиданно, ночью, когда я сидел за письменным столом, на котором покоилась пишущая машинка, и пребывал, что называется, в вакууме одиночества, в вакууме эмигрантского пространства, в пустоте безвременья, ощущая себя выброшенной за борт и никому не нужной личностью... Беспокойство мое было вызвано чувством бесконечной вины перед мамой. Вины, ничем не объяснимой, ничем не подтвержденной, ничем не оправданной, потому что вина эта существует только потому, что она – моя мама, одна-единственная, которую я по каким-то причинам не смог защитить, не смог уберечь и не смог отвести от нее страшную болезнь...

Боль, мучительная и острая, возникла где-то внутри, сдавила диафрагму, на какое-то мгновение сковала все мышцы и отпустила. Боль прошла, а чувство вины осталось. Теперь уже навсегда...

Впервые после отъезда мне с женой удалось приехать в Баку спустя 17 лет – в начале сентября 2007 года. Было слишком много обстоятельств, которые не позволяли сделать это раньше... Старый двор оставался таким же, доживающим свой век, а город вокруг был уже другим – современным, ярким, многоликим, чуточку чужим, но все равно родным и близким.

На следующий день мы поехали на кладбище. Сестра, как всегда, помнила каждую тропинку, каждый поворот между старыми и новыми захоронениями и шла чуть впереди, что-то рассказывая мне и оглядываясь на ходу. Мы подошли к ограждению и остановились. Здесь было несколько могил очень близких и родных мне людей. С надгробного черного камня на меня смотрели печальные глаза моей мамы. Я подошел к могиле, приложил к губам пальцы, затем этими пальцами коснулся лица мамы, и мне показалось, что взгляд ее печальных глаз стал теплее, и уголки ее губ едва дрогнули. Не знаю, когда и где родилась эта традиция касаться могил родных и близких так, как мы делаем, соприкасаясь с мезузой¹, но только у нас, у горских евреев есть этот, на мой взгляд, удивительно нежный и глубоко душевный обычай – передавать свою живую нежность тем, кого помним и кого искренне любили. Может быть, поэтому Всевышний и хранит нас, дает нам новые силы для борьбы и единства, неустанно и трепетно оберегая души наших усопших... Но тогда, стоя у могилы мамы, я об этом не думал – я просто плакал...

¹ Прикрепляемый к внешнему косяку двери в еврейском доме свиток пергамента, содержащий часть текста молитвы.

ЛЕОНИД ЗАЦ
(Германия)

ПО ГОРОДАМ И ВЕСЯМ

После того, как я отошёл от телемеханики, Козлов подключил меня к работам по автоматизации насосных станций и перегораживающих сооружений. Таких разработок было достаточно много. Некоторые из них были доведены до стадии серийного производства – это регуляторы для перегораживающих сооружений. Другие – в основном, устройства автоматического управления крупными насосными станциями – выполнялись в единственном экземпляре, как правило, силами нашей лаборатории.

В этот период у меня было много командировок на заводы-изготовители, на объекты для проведения испытаний, а также были поездки, связанные с участием в работе различных комиссий, совещаний и тому подобное.

* * *

В 1974 году мы с Козловым прилетели в Баку, где нам предстояло сдать заказчику устройство автоматического управления насосной станцией «Джейран-Батан».

Я впервые попал в Закавказье и с интересом ловил любые проявления местной экзотики, о которых был слышан.

Баку называют городом ветров. Действительно, там практически постоянно дуют ветры, что, вообще-то говоря, не редкость, но вот что удивительно. При малейшем дуновении там образуется множество микросмерчей. Возле каждого угла или изгиба стены, в каждой подворотне, у каждого забора или телефонной будки – везде, кружась, поднимаются в воздух окурки, обрывки бумаги, прочий мелкий мусор. Такого я не видел больше нигде.

Насосная станция «Джейран-Батан» расположена на Самур-Абшеронском канале, между Баку и городом-спутником Сумгайытом. Канал служит для водоснабжения Баку.

Как и в любом крупном городе СССР, устроиться в Баку в гостинице было непросто. В институте «Азгипрводхоз» был специальный человек, который занимался устройством командированных в гостиницы, но перед нашим приездом он заболел, и нас поселили в весьма сомнительную гостиницу «Табриз» возле ипподрома. Впрочем, нас это не особенно смущало, поскольку мы уезжали на работу рано утром, а возвращались вечером.

Завтракали мы обычно в гостинице, в буфете, где меню было на удивление постоянным: рисовая каша на молоке, яйцо всмятку, кофе с молоком и ломтик белого хлеба. При этом цена завтрака каждый день менялась, и не на несколько процентов, а в несколько раз.

Плату за проживание принимал администратор. Платить надо было за трое суток вперёд. На третий день пребывания, утром, мы подошли к окошку администратора, чтобы заплатить за следующие трое суток. Дежурная женщина-администратор сказала, что сейчас у неё пересменка, и чтобы мы подошли через час. Мы ответили, что не можем подойти через час, потому что уезжаем на работу.

– Ничего страшного, заплатите вечером, – мило улыбнулась она, тряхнув красно-рыжими волосами.

Вечером, когда мы вернулись с работы, наши вещи валялись в углу, перед окошком администратора, а нам было заявлено, что мы выселены за неуплату. При этом надо было видеть наглую, самодовольную физиономию ублюдка-администратора.

Козлов от такого паскудства лишился дара речи, а на меня в очередной раз «нашёл стих». Я попросил у администратора разрешения воспользоваться его телефоном. Сначала он

не разрешил, но потом, явно играя на публику, – перед его окошком сидело несколько подозрительных личностей, – снизошёл.

Когда я брал трубку, я ещё не знал, куда буду звонить. Кажется, рука сама набрала номер справочной. Я попросил номер телефона дежурного по горкому партии. Мне назвали. Я набрал этот номер. По лицам присутствовавших, и особенно по ухмыляющейся физиономии администратора, бросавшего какие-то реплики по-азербайджански, вызывавшие общий смех, было видно: они не верят, что я звоню в столь высокую инстанцию и вообще апеллирую к властям, в Баку это не принято.

Мне ответил спокойный мужской голос с сильным азербайджанским акцентом. Я изложил суть случившегося, сказал, по какому делу мы прибыли из Москвы, как безобразно с нами обошлись.

По мере того как я говорил, челюсти окружающих отвисали. Они встали, инстинктивно вытянув руки по швам.

Выслушав меня, мой собеседник сказал, чтобы я дал трубку администратору, который стоял уже мёртвенно-белый, несмотря на свою небритость и природную смуглость. Не знаю, что ему было сказано, но он часто заморгал глазами и, чуть не плача, протянул трубку мне, умоляя сказать, что мы не так его поняли, что нас просто хотели переселить в более удобный номер и тому подобное.

Я поблагодарил своего невидимого собеседника и намеренно чётко произнёс, что никакого номера мы пока не получили, но администратор утверждает то-то и то-то. Администратора в это время била дрожь, и не могу сказать, что мелкая.

Восточное чинопреклонение – это вообще нечто, для европейца непостижимое. В данном же случае этому сукиному сыну мой звонок мог стоить ещё и весьма хлебного места.

Нас, конечно, поселили в тот же самый номер, но с этого момента наше появление в гостинице вызывало весьма заметный трепет. Особенно забавно получилось со швейцаром. У него был свой маленький бизнес. Он открыто спекулировал чрезвычайно модными и не менее дефицитными тогда нейлоновыми рубашками, а также – поштучно – американскими сигаретами и жевательными резинками, которых в продаже вообще не было. То, чем он занимался, в Советском Союзе было уголовно наказуемо, но в Баку свои законы. Главное – делиться.

После описанного случая при каждом нашем появлении он мгновенно смахивал весь свой товар в предусмотрительно полуоткрытые ящики стола и захлопывал их.

На работу нас возил служебный автобус. Когда мы ехали на насосную станцию, он тянулся со скоростью ишака. Его двигатель кашлял, чихал, захлёбывался, а водитель-азербайджанец неопределённого возраста постоянно ругался с ним, как со сварливой женой, и при этом ещё темпераментно жестикулировал.

Совсем другое дело было вечером, когда возвращались с работы. Тот же самый автобус бежал «быстрее лани, быстрее, чем заяц от орла». Да что там заяц! Он мчался, как участник «Формулы-1», а водитель ласково, как руки возлюбленной, гладил руль и напевал бодрые мелодии.

Один раз автобус не пришёл, и мы поехали в «Джейран-Батан» на электричке. Неожиданно поезд остановился буквально посреди чистого поля. Бывает. Ждём пять минут, десять. Пассажиры, кроме нас, не проявляют никаких признаков беспокойства. Очевидно, поняв, что мы не местные, сидевший напротив человек объяснил:

– Вон, видите, там, далеко, по полю идёт человек? Это приятель машиниста. Сейчас он подойдёт, и мы поедем дальше.

И действительно поехали. Через какие-то двадцать-тридцать минут.

На насосной станции с нами работали двое местных монтажников, азербайджанский еврей Фима Агарунов и армянин Эдик Мкртчян, однофамилец известного киноактёра.

Фиме было лет двадцать пять, он был обаятельным красавцем, весёлым, остроумным, очень хорошим и толковым работником. Была у него и одна страсть – Пушкин. Причём из всего многообразия вопросов, связанных с именем великого поэта, его интересовал один: так, в конце концов, позволила себе Наталия Николаевна что-то с Дантесом или нет? Я как будто и сейчас слышу его темпераментный монолог:

– Слушай, столько книг написано, да? Я все прочитал! Но все, понимаешь, ходят вокруг да около. Никто не говорит прямо – да или нет.

Эдик был постарше, ему было чуть за тридцать. Он был небольшого роста, щупловатый. Очень смешлив. К тому же его небольшое лицо выглядело комично благодаря огромному закруглённому носу. Он был попроще Фимы, но работник тоже хороший.

У Эдика было прозвище или, как тогда говорили, подпольная кличка Лайнер. Однажды Фима в присутствии Эдика объяснил её происхождение.

До монтажной организации Эдик работал в одной из технических служб аэропорта. Во время дружеских застолий, которые на Кавказе очень любят и, надо отдать должное, умеют проводить красиво, со вкусом, у Эдика была любимая тема для разговора. Сводилась она к тому, как много у него друзей в аэропорту, и какие благодаря этому имеются возможности.

Как-то во время очередного выступления Эдика на излюбленную тему один из присутствовавших выразил сомнение в его возможностях. Эдик был глубоко уязвлён.

– Хочешь, тебя сейчас отвезут в Москву и обратно? – спросил он в наступившей тишине.

– Хочу, – ответил сомневавшийся.

– Поехали.

Всей компанией приехали в аэропорт, предвкушая, как Эдик будет посрамлён. Эдик же куда-то ушёл, а через некоторое время вернулся и сказал, что договорился и можно лететь.

Сомневавшийся, поняв, что шутки кончились, лететь отказался.

– Тогда полечу я, – сказал Эдик и удалился.

Компания осталась ждать, ещё не вполне веря в затею Эдика. Через какое-то время в здании аэропорта стало ощущаться беспокойство.

В этом месте я должен сделать одно маленькое, но существенное пояснение. То, о чём сейчас идёт речь, происходило в самом начале семидесятых годов, когда в Советском Союзе были осуществлены первые захваты самолётов террористами.

Теперь вернёмся к Эдику. Он действительно договорился, и его посадили в грузовой отсек самолёта, вылетавшего в Москву. Дело было вечером, после хорошего возлияния, поэтому, разместившись в отсеке, Эдик немедленно уснул.

Перед вылетом кто-то из сотрудников служб, осматривавших борт, увидел в грузовом отсеке постороннего. Бедного спящего Эдика приняли за террориста. Самолёт отогнали в дальний край поля, осветили прожекторами и стали повторять по громкой связи: «Террористы, захватившие самолёт, предлагаем сдаться!»

Слава Богу, не дошло до стрельбы. Эдик проснулся и как-то сумел выбраться из самолёта, но дело уже приняло совсем нешуточный оборот. Его могли арестовать. И если уж не на терроризм, то на хулиганство эта история вполне тянула.

Сейчас не помню, каким образом, но всё удалось «спустить на тормозах». А Эдик с тех пор получил свою кличку Лайнер.

Как говорил герой фильма «Белое солнце пустыни» товарищ Сухов, Восток – дело тонкое.

* * *

В 1975 году в «Союзводпроекте» вышел приказ, смысл которого сводился к тому, что если у тебя работает молодой специалист, то, выезжая в командировки на объекты, надо брать и его, чтобы он мог видеть, что они собой представляют, так сказать, в натуре. Конечно, в этом было какое-то рациональное зерно, в том смысле, что для молодого специалиста, если он хочет стать опытным специалистом, знакомство с объектами весьма полезно.

В конце апреля у меня была командировка в Куйбышев (нынешняя Самара) и Саратов. Из Куйбышева я должен был проехать на Куйбышевский оросительно-обводнительный канал (КООК), а в Саратове мне надо было встретиться с одним профессором местного университета, чтобы договориться о возможной совместной работе.

В ту пору у меня работала милая девочка Мэра Теумина, молодой специалист. Она была родом из Львова, там же окончила политехнический институт. На преддипломную практику

она попала в Москву, где вышла замуж, став, таким образом, москвичкой.

Козлов с улыбкой спросил меня, намерен ли я выполнять приказ, возьму ли с собой Мэру. Я сделал вид, что не понимаю его прозрачного намёка, и экспромтом ответил:

– Отчего же нет?

В Куйбышеве находился один из лучших институтов «Союзводпроекта» – «Средволгогипроводхоз», многие сотрудники которого проектировали и строили Волжский автомобильный завод (ВАЗ) в Тольятти.

Между прочим, от них я слышал такую, типично советскую, историю. Известно, что в Поволжье земли с точки зрения их сельскохозяйственной ценности достаточно средние, так называемые сырты. На всё Поволжье был один сравнительно небольшой клочок чернозёмов. И именно на него посадили завод.

Интересно, что изменилось бы, если бы его построили в нескольких километрах от этого места? Ни-че-го. Кроме того, что сохранились бы чернозёмы. Но, видимо, это не вписывалось в концепцию социалистической экономики.

Начальником электротехнического отдела института был очень симпатичный человек – Владимир Леонидович Осетров, внешне чем-то похожий на известного артиста и режиссёра Олега Ефремова. С ним у нас сложились хорошие деловые отношения. Я всегда мог рассчитывать на его помощь в организации и проведении различных испытаний и других работ. Директор института, Егор Фёдорович Шкунов, человек темпераментный, энергичный, но не лишённый некоторой эксцентричности и даже самодурства, тоже не раз помогал мне решать разные организационные вопросы.

На оросительных системах Куйбышевской области я проводил много работ и часто бывал в «Средволгогипроводхозе», но поездка, о которой я рассказываю сейчас, запомнилась двумя Мэриными репликами.

В первый же вечер, выйдя после работы из института, мы зашли в магазин, чтобы купить что-нибудь на ужин. У прилавка была очередь, человек восемь. Мы встали тоже. За нами встала женщина интеллигентного вида. Через несколько минут она обратилась к нам:

– Извините, я вижу, вы не местные?

– Да, мы приехали из Москвы.

– Но, вы знаете, вам ничего не продадут.

– Почему?

– У нас всё продают только по талонам.

– Да мы ничего особенного не собираемся покупать: чай, сахар, хлеб, колбасу.

– Нет-нет, всё только по талонам.

К женщине присоединились и другие, объясняя нам, что всё обстоит именно так.

С тех пор, как после войны отменили карточки, я впервые столкнулся с подобной системой. До Москвы это докатилось почти через пятнадцать лет, в «перестройку».

Там же в очереди нам объяснили, что для приезжих единственная возможность что-нибудь поесть – это воспользоваться общепитом, и подсказали, что неподалёку есть довольно приличное кафе «Артистическое». Мы пошли туда.

Кафе оказалось средненькое, но сносное. Заказали что-то поесть. Из вин ничего, внушающего доверие, не было, поэтому попросили принести немного коньяку.

Когда мы пришли в это же кафе на следующий вечер и стали делать заказ, я спросил Мэру:

– Что будем пить сегодня?

Она чуть-чуть исподлобья посмотрела на меня и, улыбнувшись, с очаровательной непосредственностью произнесла:

– Леонид Иосифович, не будем мешать.

КООК был проложен в земляном русле. Незадолго до нашего приезда прошли ливневые дожди. В берегах канала было много вымоин, и, честно говоря, вид он имел достаточно неприглядный.

Когда мы вышли из машины, Мэра подошла к самому каналу, посмотрела в одну сторону,

в другую, и воскликнула в искреннем недоумении:

– Леонид Иосифович, и вот для этой лужи мы делаем такую сложную автоматику?

А в Саратове я купил Янику красивый барабан. В полной мере его достоинства я оценил уже дома. Он был негромкий, что весьма существенно, потому что какое-то время Яник с ним не расставался.

* * *

Советский Союз по территории был самой большой страной в мире. Он занимал одну шестую часть всей земной суши. У этого глобального обстоятельства было одно частное, но существенное следствие: если необходимо было отправиться в командировку в переходное время года, весной или осенью, непонятно было, как одеваться. Это сейчас по Интернету можно узнать подробный прогноз погоды на неделю в любой точке земного шара, а тогда ничего подобного не было.

Во второй половине октября 1975 года мне предстояла командировка по маршруту Москва – Новосибирск – Фрунзе – Куйбышев – Москва. Со мной вместе летел Боря Кроль, который работал у меня в группе.

Когда мы улетали, в Москве было около десяти градусов тепла. Я надел свой югославский плащ с тёплой шерстяной подстёжкой.

В Новосибирске стояла ясная погода, температура была минус пять градусов. Прямо из аэропорта мы поехали в Академгородок, который находится километрах в тридцати от Новосибирска, на берегу Обского водохранилища. Этот научный центр был заложен ещё во времена Хрущёва, там было создано Сибирское отделение Академии наук (СО АН) СССР, объединяющее ряд весьма серьёзных институтов.

Первое, что меня там приятно удивило, было то, как бережно новые здания и хорошие дороги вписаны в природный ландшафт, а также, как вольготно чувствовали себя там мелкие звери. На Морском проспекте мы сразу увидели зайца и несколько белок. Между прочим, было странно увидеть в Сибири проспект с таким названием, но в СССР с чьей-то лёгкой руки водохранилища называли «рукотворными морями». Ну, а сочетание Обского моря с Морским проспектом вроде бы даже логично. По ассоциации вспомнил, как мы веселились в Сызрани, когда увидели двухэтажный дом, первый этаж которого украшала неоновая вывеска «Ресторан ВОЛНА», а второй – «Гостиница ЧАЙКА». Гена Кобринский тогда заметил:

– Всё правильно – чайка над волной.

Нам был заказан номер в академической гостинице. Устроившись, мы пошли в Институт гидродинамики, где нам предстояло несколько дней поработать. Нас очень любезно принял один из сотрудников института, кандидат наук Аркадий Атавин, с которым мы сходу засели за обсуждение интересующих нас проблем.

Когда через пару часов мы выходили из института, на улице была пурга. Благо до гостиницы было совсем недалеко.

За ночь пурга утихла, но температура понизилась до минус двадцати пяти градусов.

Утром мы спустились позавтракать в буфет, где едва не оконфузились.

Просторный буфет был стилизован под крестьянскую избу. Основную его часть занимал длинный дубовый стол шириной около двух метров, с резными деревянными стульями. Вдоль всего стола, по его середине, стояло множество огромных деревянных блюд, на которых вышались горы свежайших пирогов, кулебяк, кренделей, ватрушек, бубликов – всего не упомню.

В углу помещения находилась стойка со стоявшим на ней внушительным пузатым трёхведёрным самоваром и множеством фарфоровых заварных чайников, а за стойкой – дородная, под стать всей обстановке женщина лет шестидесяти с простым и удивительно добрым, приветливым лицом. Она отпускала чай. С ней же надо было рассчитаться по окончании трапезы (это слово выскочило как-то само, должно быть, ради единства стиля.)

На стене над стойкой была укреплена декоративно оформленная доска, а на ней красовался целый список чаёв, которые можно было получить. Нас с Борей заинтриговал чай по-

калмычки. Ни он, ни я никогда его не пробовали и даже не слышали о таком чае. Решили взять его. Когда подошла наша очередь, я попросил этот чай. Хозяйка смутилась и, как будто оправдываясь, сказала:

– Ой, вы знаете, его так редко заказывают, что я его постоянно не держу. Но если вы будете ещё завтра, я вам его приготовлю. А вы вообще его пробовали, знаете, что это такое? Мы, разумеется, бодро ответили:

– Да, конечно знаем.

Очевидно, мы ответили слишком бодро, потому что добрая проникательная женщина, как бы продолжая свою мысль, нам тактично подсказала:

– Знаете, что он с бараньим жиром, да?

– Да-да, знаем, – уже не так уверенно подтвердил я, – но, пожалуй, только ради нас не стоит с ним возиться.

В этом меня живо поддержал Боря.

Чай мы взяли из сбора трав.

В Академгородке мы пробыли три или четыре дня. Кроме Атавина, я там поработал ещё с одним очень симпатичным математиком из университета с устрашающей фамилией Судоби-чер. (Кажется, фраза получилась такой, что я должен уточнить её в духе Козьмы Пруткова: фамилия принадлежала математику, а не университету.)

Конечно, я не мог не зайти в книжный магазин. Вообще свою домашнюю библиотеку я в значительной степени пополнял в командировках. В те годы поймать приличную книгу в Москве было достаточно сложно. На периферии это было гораздо легче. Существовала даже определённая зависимость: чем в более глухой дыре оказывался, тем больше было шансов найти там что-то стоящее. Помню, сколько прекрасных книг я привёз из самых глухих деревень Поволжья.

В Академгородке книжный магазин оказался сравнительно небольшой, но приличный. Особенно хорошо были представлены книги сибирских издательств, которые до Москвы практически не доходили.

Молодая, невзрачная, очкастая продавщица оказалась истинным библиофилом и, почувствовав во мне родственную душу, щедрой рукой достала многое из того, что по неискоренимой советской традиции находилось «под прилавком». Выходил я из магазина, слегка сгибаясь под тяжестью содержимого своего огромного рыжего портфеля.

Но это ещё не всё. Я оставил продавщице свой домашний адрес, и примерно год она присылала мне книги по почте, что, помимо прочего, давало прекрасный повод поддразнивать Женечку: вот какое неотразимое впечатление я произвожу на женщин.

Из морозного Новосибирска мы прилетели во Фрунзе, где стояла жара за тридцать градусов. Решив за пару дней все дела с Тяном и разработчиком автоматических регуляторов Г.Д.Ремпелем, я отпустил Борю в Москву, а сам полетел в Куйбышев.

В Куйбышеве было около нуля градусов, снег с дождём и сильный, пронизывающий ветер. Перенести это было тяжелее, чем сухой, безветренный, сибирский мороз.

Когда я вернулся в Москву, там уже были первые заморозки.

Эту командировку я потом с улыбкой называл «космической».

СИЯВУШ МАМЕДЗАДЕ

Мой друг Акиф

Был ростом мал он, да удал.
Голы умело забивал.
На вратаря порой кричал,
Чтоб мяч в «борьбу» не подавал.
Его девиз – вперед, в атаку!
Вел за собой нашу ватагу
Наш форвард, лидер, бомбардир,
Мальчишек дворовых кумир.
Потом в «Нефтчи» он поиграл,
Поздней – ребят тренировал,
В спортобществе «Мехсул» служил,
И уваженье заслужил.
Учился, скажем, не ахти,
Но ты на «дриблинг» погляди!
Прошли немалые года,
Встречались реже, иногда,
За чаркой доброго вина.
Сдавал, похоже, старина,
Нашла на зренье пелена,
Ретинопатия – злой недуг
Заметно сузила наш круг.
Врачи, лечение, уколы,
Дорога прежняя до школы
Вела его теперь в «Семашко»,
Ходить на процедуры тяжко.
(Больницу мецената встарь
Нарек иначе календарь.

Менялись сплошь названья улиц,
На новый просоветский лад.
Метаморфозы всех коснулись,
Не миновав и аппарат).
История чуть погодя
Лишила имени вождя,
Обозначая свой успех,
Наш знаменитейший проспект.)
Встречал Акифа я попутно,
И горло мне сжимала грусть,
Он шел наощупь и подспудно
Знал тротуар весь наизусть!
Меня он узнавал не сразу,
По голосу, теплу руки,
Приветную услышав фразу,
Смущался дорогой Акиф.
Он продолжал свою дорогу
В сопровождении жены...

А я смотрел со стороны
Чете медлительной вдогонку –
И вспоминал, когда в атаке
Вел мяч мальчишеский кумир,
Любимец дворовой ватаги,
Непобедимый бомбардир...
